

АСТАФЬЕВСКИЕ

(ДЕТСКО-ЮНОШЕСКИЕ)

ЧТЕНИЯ

Мемориальный музей-центр
истории политических репрессий
«Пермь-36»

АСТАФЬЕВСКИЕ

(ДЕТСКО-ЮНОШЕСКИЕ)

ЧТЕНИЯ

22 – 29 ноября 2013 г.

Тема: «МНОГО ЛЬ ЧЕЛОВЕКУ НАДО:
ГРАЖДАНСКИЕ ЦЕННОСТИ
В ПРОЗЕ ВИКТОРА АСТАФЬЕВА»

Пермь 2014

УДК 821.0
ББК 83.3(2Рос-Рус) 6-8
А 91

Мемориальный музей-центр политических репрессий «Пермь-36» совместно с Государственной краевой универсальной библиотекой имени А. М. Горького и Центральной городской библиотекой имени А. С. Пушкина провели XI-е Всероссийские Астафьевские чтения.

Тема нынешних чтений – «Много ль человеку надо: гражданские ценности в прозе Виктора Астафьева». Учащиеся школ и студенты лицеев Перми, Чусового, Кунгура, Добрянки и других городов и сел Пермского края, Красноярска и Красноярского края, Тюмени, Республики Хакасия и другие прислали исследовательские и творческие работы на конкурс. Лучшие из них вошли в сборник.

Сборник адресован широкому кругу читателей: учащимся, студентам, историкам, литературоведам, преподавателям, исследователям творчества великого русского писателя Виктора Петровича Астафьева, который и в жизни, и в творчестве всегда оставался верным тем духовным принципам, которые унаследовал от своих лучших земляков

**Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства образования Пермского края**

*Милая
Виктора Астафьева...*

Лилиана Прозорова
Руководители Л. А. Гирко, О. П. Прозорова

Правила жизни (по рассказу «Ясным ли днем»)

***Не требуя наград за подвиг благородный.
Они – в самом тебе...***

Есть произведения, которым даешь скупую оценку «нравится-не нравится». Проза Астафьева – нечто другое. Она заставляет задуматься. Глубоко. И «цепляет». Надолго. После чтения Астафьева не раз и не два возвращаешься в мыслях к героям, которые аккуратно, ненавязчиво «предлагают» пересмотреть твои жизненные ценности, по-новому взглянуть на окружающих тебя людей. И саму фразу «гражданские ценности», которая прежде казалась какой-то официально-лозунговой, начинаешь понимать уже по-другому, раскладывая эти самые ценности по одной – простой и понятной: умение дружить, любить семью, уважать свой коллектив, гордиться малой родиной, беречь память, сохранять традиции отцов и дедов.

Мои размышления над рассказом Виктора Астафьева «Ясным ли днем» – это попытка соотнести впечатления от прочитанного с тем, что волнует меня сегодня, попытка примерить жизненные и гражданские ценности его героя Сергея Митрофановича на реальных людей из моей жизни.

Человечность. Беда, когда ее нет...

Виктор Астафьев выводит читателя на размышления о человечности, так сказать, от противного: через людское равнодушие.

Вспомним начало рассказа. Раз в год Сергею Митрофановичу предстояло проходить унизительную процедуру – при ампутированной ноге очередной раз подтверждать инвалидность. Абсурд? Конечно. «Сколько отнято дней и без того укороченной жизни инвалидов такими вот комиссиями, осмотрами, проверками, хождениями за различными бумагами и ожиданиями в разных очередях». Но куда против закона? Наверное, понимают это и врачи. Однако вместо сочувствия, которое хоть как-то сгладило бы неизбежность «никому не нужных» осмотров, герой рассказа встречает холодное равнодушие и даже раздражение у представителей «самой гуманной профессии».

Невольно думаешь, это врачи должны подтверждать «квалификацию» своей человечности перед ветеранами, пережившими столько горя и сумевшими сохранить эту самую человечность.

Мне вспомнилась старушка в очереди к окулисту. Сухонькая, с дрожащими руками, она просила пропустить ее вперед: дед, мол, дома один, совсем больной... Меня поразили каменные лица всех восьми впереди стоящих людей: все словно маску надели. Молчат. И лишь один, спустя минут двадцать, предложил бабулечке свою очередь. Она входила в кабинет под кислющие взгляды «противников». Я была последней, поэтому промолчала: вроде как от меня ничего не зависело, да и, честно говоря, постеснялась вмешаться, потому что «зелена» еще. Но именно после астафьевского рассказа мыслями вернулась к той ситуации. Стало стыдно. Пусть я не стояла впереди старушки, пусть я еще «зеленая», но ведь могла сказать слово...

Мудрость, или урок без назидания

Этот урок – главная идея рассказа. В нем, как мы помним, автор соединил два времени, показав не только пропасть между поколениями, но и точки соприкосновения, понимание друг друга, уважение умудренного жизнью Сергея Митрофановича к новобранцам и новобранцев к далекому молодому случайному попутчику.

Бывший солдат, увидев толпу без пяти минут армейцев, отметил: другие они. Парни его поколения, стоявшие у «призывных» вагонов, были не такими хамоватыми и дерзкими. И песни уже не те, а какие-то дурацкие, и гармошка не играет, и бабы не голосят, как «в проводины прежних лет». Но заметил это без осуждения, сделав поправку на время. И особенности подмечал метко, но не злобно: «Ах ты, птичка-трясогузка!», «Грамотные, холеры! Языкастые! С такими нашему хохлу-старшине не управиться было бы. Они его одним юмором до припадка довели бы!»

Чем ближе отсчитывали часы время отправления, тем меньше становилась пропасть между «вчерашним» днем и сегодняшним.

«Айда и вы с нами, батя!.. ... Отцы и дети! – Как утверждает современная литература, конфликта промеж нами нету!»... – пригласил Сергея Митрофановича один из новобранцев вместе пойти к вагону.

И вот уже слышится песня не про черного кота-обормота, а,

как в былые времена: «Помни свято, жди солдата...» И никаких кривляний...

Нахлынувшие воспоминания, понимание, что нынешнее поколение совсем не потерянное, тронули ветерана Великой Отечественной. И он решил проводить ребят по старой доброй традиции, купив в киоске «горячительное». С одной ногою метнулся в киоск. Не пожалел денег на чужих и «языкастых». «По большому счету, неплохие парни, да и от армии «не косят», – наверняка подумал старый солдат. А там – другая жизнь, суровая: «Во все времена повторяется одно и то же, одно и то же... Разлуки да слезы, разлуки да слезы... Цветущие свои годы в казарму...»

В вагоне парни другие: уже не язвили и не шутили, сразу стали серьезными и взрослыми. И молча, с интересом, думаю, даже с благодарностью, слушали неспешный рассказ Сергея Митрофановича. Он, не любивший вспоминать годы лихолетья, вдруг тоже испытал потребность выговориться, вспомнить пережитое. Страшные страницы страшной войны. Этот рассказ стал для ребят уроком. Уроком мужества, патриотизма, нравственности. Такие уроки запоминаются на всю жизнь.

Мне особо дороги первые «уроки истории» от своего дедушки, ветерана Великой Отечественной войны. Он мог рассказывать так, что хотелось слушать и слушать, предпочитая эти рассказы мультикам, играм. Дедушка, как и герой рассказа Виктора Астафьева, понимал молодежь, до конца своей жизни сохранял чувство локтя. Будучи больным, он от совета ветеранов помогал тем, кто слабее. И никогда ни на что не жаловался. «Чем клясть вселенский мрак, затеплим огонек», – любил повторять мой дед. Он во многом был схож с Сергеем Митрофановичем.

Когда дедушки не стало, такие «уроки без назидания» я получала от его друга, известного в нашем городе человека, ветерана войны Вадима Николаевича Кивокурцева. Не забуду, как помогала ему набирать на компьютере текст будущей книги, погружаясь в его прошлое – прошлое наших дедов, выписывала отдельные мысли – о войне, о дружбе, о любви к Родине. Вадим Николаевич по сей день встречается со школьниками и молодежью города. И всегда находит с ними общий язык и понимание. Такие «живые» истории – знаю по себе – помогают понять то время, оценить события, происходившие задолго до нашего рождения. И мысленно представляя дальнейшую судьбу парней из рассказа «Ясным ли днем», я не сомневаюсь, что они должны уважать старость и,

спустя годы, вспомнив рассказ ветерана, когда уже будут отцами, поведают его историю своим детям. Вот она, думаю, это и есть та самая преемственность поколений, таким должно быть воспитание патриотических чувств.

Доброта – сестра совести

«Но вот пользуются этим талантом не все», – рассуждают соседки Сергея Митрофановича о таланте делать добро. А он, собственно, и «не пользуется талантом» и не ждет общественного одобрения, а в гармонии с душой несет этот «талант» людям.

Сергей Митрофанович радуется за то, чтобы молодые «жизнь свою употребляли только на добрые, разумные дела». И осуждает тех, кто молодежь бичует, обвиняя в неблагодарности.

«Вот если бы все люди... всех детей на земле считали родными да говорили бы с ними честно и прямо, не куражась, тогда и молодые не выламывались бы, глядишь, читали бы как надо старших за правду и честность, а не за одни только раны, страдания и прокорм», – размышляет он.

Мне кажется, доброта – сестра совести, одна без другой редко встречается.

«Память да совесть не выключишь» – в эту фразу Астафьева можно вложить и слово «доброта». Ее тоже не выключишь, если она есть. Самого писателя отличало это качество, после войны он признавался: «Я теперь стараюсь быстрее забывать худое. Дольше помнить хорошее».

Трогает, как герой «распоряжается» своей добротой: у него она выступает как ответственность: за близких и далеких, за своих и чужих, за далекого мальчишку, чье пение он слышит по радио, и как желание защитить всех.

И снова мои воспоминания. На этот раз – о моей бабушке, которая делала добро всем: одной приболевшей соседке спешила сварить суп, к другой – на четвертый этаж перелезала по смежному балкону перекрыть открытый кран, когда та была на работе, всегда помогала мудрым советом молодым... И тоже старалась помнить лишь хорошее.

Трудолюбие

Сергей Митрофанович пришел с фронта без ноги. Но он и не подумал бездельничать, хотя никто не осудил бы его в этой ситуации. Работал пилоправом, на совесть. Он не мог иначе. И вот сно-

ва возвращается герой домой из города, вглядываясь в знакомый пейзаж, любуясь им, но это не взгляд праздного человека – хозяина этой земли, обратим внимание на небольшие, но емкие детали: «вырубки», «пустоши», «снегозащитные полосы», «разнокалиберные черные стога». Часто ли мы сегодня смотрим на нашу землю так, как смотрит наш герой: через сделанное людьми, через то, на что потрачены силы, труд?

Увы, сейчас немало молодых людей бьют баклуши в ожидании, что кто-то принесет им на блюдечке с голубой каемочкой «работу», где особо трудиться не надо и деньги лопатой можно грести.

К счастью, есть и другая категория людей – которые смело берутся за работу и достигают успеха. Недавно я узнала, что в нашем городе трудоустроена большая часть инвалидов. А ведь многим из них дойти до работы тяжело, не то, что смену «отстоять». Как не уважать таких людей!

«Никто не разбрасывается своими талантами так, как русские люди»

В рассказе Астафьева есть небольшой вставной эпизод – один из эпизодов военной биографии героя. Это о том, как могла бы сложиться жизнь героя, ведь Бог дал ему еще один талант – умение петь «грудным, глубоким голосом, так и не испетым в запасном полку на морозе и ветру, где он был ротным запевалой». И сегодня он поет так, что примолкли шумливые призывники: «Снисходительные улыбки, насмешливые взгляды — все это разом стерлось с лиц парней. Замешательство, пробуждающееся внимание и даже удивленность появились на них». Не только голос, но и душа в этом пении: «Полуприщуренный взгляд его, смягченный временем, усталостью и тем пониманием жизни, которое дается людям, познавшим ожесточение и смерть, пробуждал в людях светлую печаль, снимал с сердца горькую накипь житейских будней. Слушая Сергея Митрофановича, человек переставал быть одиноким, ощущал потребность в братстве, хотел, чтоб его любили и он бы любил кого-то». Его жизнь могла бы сложиться иначе: «Быть бы в корпусном ансамбле Сергею Митрофановичу, быть бы с ногой, быть бы живу-здорову, детишек иметь и не таскаться на врачебные комиссии, работать бы ему по специальности, а не пилоправом». Но все вышло по-другому, случай или нечто другое оставило Сергея Митрофановича на передовой. Как известно, вначале рассказ был напечатан без этого эпизода: побоялись издатели включить

его в текст, позже рассказ печатался так, как был задуман автором. Дело в том, что смотр, где отбирали «артистов» с передовой, совпал с казнью тайного агента гестапо – врага. Правдиво и жестоко рисует автор эту сцену, по-другому и нельзя, ведь и сам писатель прошел через войну, стал инвалидом, кроме того, для него эта жесткая правдивость – дело чести гражданина и писателя. Только здесь есть и другая правда – правда о русском человеке, его незлобности, отрицании души и сердцем жестокости: «Все казалось понарошку. Только на душе было муторно, поташнивало, и скорее хотелось на передовую, к себе в батарею». Как облегчение от душевных мук, от увиденного стало для героя и его товарища возвращение «домой» – на батарею: «Отлегло. Дома, опять дома, и ничего не было, никаких смотров, песен –ничего-ничего».

Думаю, что данный эпизод углубляет представление читателя о герое: мы видим цельность его характера, умение брать на себя ответственность за поступки, чего так не хватает нам сегодня.

Любовь к малой родине. А значит, и к большой

Дорога, ведущая к поселку от станции Пихтовка. Она для Сергея Митрофановича – часть жизни. По ней он осенью сорок пятого добирался из госпиталя на костылях. «Ему в радость была каждая травинка, каждый куст, каждая птичка, каждый жучок и муравьишка. Год провалявшись на койке с отшибленными памятью, языком и слухом, он наглядеться не мог на тот мир, который ему сызнова открывался».

Мне кажется, любовь к родным местам, умение видеть красоту в каждой «шишечке» – это одна из первых гражданских ценностей в жизни человека. Думаю, если ребенок с детства научится любить то место, где он родился, вырос – будь то мегаполис или глухая деревенька, – он непременно будет любить большую Родину, а, повзрослев, постарается внести пусть маленькую лепту в ее процветание, будет дорожить ею, потому что «эти три березы при жизни никому нельзя отдать».

Деликатность, она же порядочность

«Приятно кушать вам, девушка», – говорит Сергей Митрофанович соседке по столу в городском кафе. И его обращение отзывается добрыми словами: «Спасибо! Всего вам наилучшего!»

О деликатности, даже стеснительности Сергея Митрофанови-

ча говорят и эпизоды в больнице: когда он «боялся, не шатнуло бы его, и не повалил бы он чего-нибудь, и не облил бы чернилами белый халат врача или полированный стол», и когда «пошел из залы, стараясь ставить деревяшку на невыношенный ворс дорожки, чтобы поменьше брякало».

«В нем не было потайных закоулков» – в этой открытости героя рассказа отношение к людям и жизни.

«...Порядочных и культурных – надо искать и открывать, – сказал в одном из интервью Виктор Астафьев. – А открывши, успевать больше слушать и перенимать. Радоваться, что даром отдают... Нужно научиться не упускать счастливых минут драгоценного и редкого общения с ними».

Семья – это свято, или сила сцепления

Любовь присутствует у всех членов семьи Сергея Митрофановича. Это мы видим не только по думкам героя: даже вдали от дома он думает о своей Пане, желает порадовать ее гостинцами и при воспоминаниях о жене, как всегда, «мягчает душою». Отдельные, даже небольшие авторские вкрапления, рисующие отношение Сергея Митрофановича к своей второй половинке показывают, насколько дорожит ею муж. Она же, в свою очередь, чувствует все, что творится у него на душе. А сколько любви в словах, обращенных к мужу: «Родной ты мой, единственный...» А как она возвращала мужу память после войны... «Любила его в эти минуты так, что скажи он ей сейчас – пойди и прими смерть, и она пошла бы... без страха, с горьким счастьем в сердце», – даже одна эта авторская фраза дорогого стоит.

А то, что всю жизнь дружно живет с тещей и называет ей мамой и отсутствие детей компенсирует любовью к чужим детям («он всех ребят чувствовал своими») – дополняет картину.

В наше время много говорится об институте семьи. Тем не менее, количество разводов растет, тещу мамой называют единицы, супруги перестают дарить друг другу маленькие радости.

Как пример большой любви можно привести супружеские отношения самого писателя с женой Марией Семеновной Корякиной, которая, как отмечает Виктор Шмыров, директор мемориального музея «Пермь-36», была ему самым верным другом, помощником, критиком и «всегда в него безоглядно и свято верила...»

«Да ведь это же сам Астафьев!»

Многие литературные критики и друзья Виктора Астафьева видят сходство главного героя рассказа с самим автором. «Да ведь это же и есть сам Астафьев, каким я его тогда увидел и почувствовал», – пишет Владимир Зубков, который исследует художественную прозу и творческую судьбу писателя уже более тридцати лет.

Сходство наблюдается и в отношениях Виктора Петровича с молодым поколением, и в его отношении к жизни, семье, родине, к добру и злу.

«Виктор Астафьев повлиял на мое мировоззрение не только своими произведениями, но и ответом на мои первые творческие пробы», – говорит Любовь Баканова, которая живет у нас в Соликамске и, стартовав с одобрения Мастера Астафьева, пишет замечательную прозу, сохраняя колорит деревенской жизни.

Высказывания о сходстве Сергея Митрофановича с писателем я нашла уже после прочтения рассказа, как, впрочем, и описание биографии Виктора Петровича и воспоминаний о нем. Но теперь уже и сама вижу Виктора Астафьева в главном герое – «с его открытостью, прямоотой», отзывчивостью и добросердечностью.

«Много ль человеку надо?» Это как посмотреть. И какие ценности иметь в виду. С одной стороны, немного – совесть и честность, доброту и понимание, любовь к семье и к Родине. И ты можешь быть счастливым. С другой, для некоторых это «неподъемное» богатство. Почему? Потому как не просто злому человеку стать добрым: научиться не осуждать понапрасну, когда этим жил, полюбить свою деревню, утопающую в бездорожье, если видишь в ней только «это бездорожье»... В таком случае человеку понадобится гораздо больше сил и времени. Главное, чтобы ему это было НАДО.

Мы все умрем: людей бессмертных нет,

И это все известно и не ново.

Но мы живем, чтобы оставить след:

Дом иль тропинку, дерево иль слово.

Р. Гамзатов

Анна Степанова
Руководитель С. Б. Моисеенко

Автобиографичность повести «Последний поклон»

Существует мнение, что каждый человек способен написать хотя бы одну книгу, и эта книга – его собственная биография, события личной жизни. Если бы так! Молодой Лев Толстой попытался рассказать историю только одного прожитого им дня, но быстро почувствовал, что изложить «задушевную историю жизни» даже в течение только двадцати четырех часов не так просто, а ведь именно задушевная сторона определяет содержание любой биографии.

Особое место занимают автобиографические произведения, особенности которых во многом предопределены различными авторскими целями. Так, установлено, что именуемая автобиографической трилогия М. Горького, особенно в своих первых частях – «Детство» и «В людях» – представляет собой достаточно произвольное изложение и интерпретацию событий жизни будущего писателя.

В. П. Астафьев, создавая свою знаменитую повесть в рассказах «Последний поклон», описывал на ее страницах всю свою жизнь более двадцати лет. Его биография практически полностью отражена в его творчестве: «Я родился при свете лампы в деревенской бане. Об этом мне рассказывала бабушка». Так начинается биография героя рассказа «Звездопад» Мишки Ерофеева, а могла бы начаться так и биография самого автора. Именно так он и родился, – в бане, при свете лампы, в ночь на 2 мая 1924 года, в большом селе на берегу Енисея – Овсянке.

Ему не было еще семи лет, когда он потерял мать. Она утонула в Енисее. С той поры река отметиной пройдет по всем его произведениям, он проведет на реках свои лучшие дни, часы, о которых напишет книги, и в каждой из них он помянет свою мать. Писатель не делает ни одной попытки воскресить живой образ Лидии Ильиничны, хотя описал всю свою родню, и близкую, и дальнюю. Мать осталась в его жизни светлой тенью, воспоминанием, прикосновением, и он не стал отягощать этот образ бытовыми подробностями.

Две линии семьи (Потылицыных и Астафьевых) сыграли большую роль в жизни будущего писателя. Конечно, главной тут была его мать, добрая, сердечная Лидия Ильинична Потылицына, кото-

рая «верно наживила» душу. Но и отец, Петр Павлович Астафьев, при всей затейливости биографии, много чего сыну дал. Сам, может, того не ведая, он тоже исподволь учил сына существенным и необходимым наукам.

Однажды отец, как всегда, неожиданно вернулся после отбывания срока со значком «Ударник строительства Беломорско – Балтийского», ввинченным в красный бант, и посмотрите, как уже благородно-пышен его комментарий к случившемуся с ним. «Значок этот папа выдавал за орден. Держался папа так, словно бы не из заключения, не с тяжелой стройки вернулся, а явился победителем с войны – веселый, праздничный, гордый, с набором «красивых» городских изречений, среди которых он чаще всего употреблял «в натуре». И всегда потом отец будет появляться в «Последнем поклоне», в «Царь – рыбе» в непременно театрализованной обстановке, все время на сцене, все время повернутый к аудитории.

Петр Павлович Астафьев – отец писателя – при всей буйности характера вызывает у нас противоречивые чувства: симпатии, неприязни и жалости. Виктор Петрович Астафьев пишет о своем отце и с жалостью, и с мужественной прямоотой: «Папа мой, деревенский красавчик, маленько гармонист, маленько охотник, маленько парикмахер и не маленько хвастун...» [**«Бурундук на Кресте»**].

Скитание и беспризорничество детей не смущали отца, не тяготили его. При всей бесшабашности его характера он много чего дал своему Витьке: веселую твердость перед обстоятельствами, умение построить из этих обстоятельств «сюжет», «наплести семь верст до небес» из самого обычного факта. Таким же был и дед В. Астафьева по отцу.

Не будь сиротства, он бы, может быть, и «Последний поклон» не написал. Но он собрал в этой повести, как в большущей сибирской избе, всю свою родню, всех земляков, чтобы согреться возле них и согреть нас, его читателей, воспоминаниями о своем детстве, своей родне, своих соседях.

Благодаря всем своим дядям, теткам, племянникам и двоюродным братьям, автор теперь вполне знает, что родина – это род, родные люди на родимой земле.

Не родителям посвятил В. П. Астафьев лучшие страницы своей «заветной» книги «Последний поклон», а тем людям, которые с детства формировали его мировоззрение. И среди них главнее всех бабушка – Катерина Петровна.

Рассмотрим содержание повести «Последний поклон». Что фактического мы можем обнаружить? Реальных фактов из жизни писателя довольно много.

Начнем с описания игр. Они очень ярко представлены в произведении. «Народу наезжего было много, бабушка меня домой не требовала, и мы играли до темноты во всякие игры: и в городки, и в догонялки, и в прятки, и в чехарду. Играли до тех пор, пока не изнемогли» [**«Бабушкин праздник»**].

«Их было так много, тех далеких деревенских игр. И все они, будь то игра в бабки, в чижа, в солону, в лапту, в городки, в свайку, в прятки, – требовали силы, ловкости, терпения. Существовали игры совсем уж суровые, как бы испытывающие вступающего в жизнь человека на крепость, стойкость, излом, литературно выражаясь, игры были предисловием к будущей жизни, слепком с нее, пусть не обожженным еще в горниле бытия, но в чем-то уже ее предворяющим.

И поныне, когда я вспоминаю игры детства, вздрагивает и сильнее бьется мое сердце, обмирает нутро от знобяще-восторженного предчувствия победы, которая непременно следовала, а если не следовала, то ожидалась и в конце всякой игры» (**«Гори, гори ясно»**).

Рыболовство, как известно, на Енисее было традицией, рыбалка, прежде всего, кормила сибиряков. Очень ярко описывается *рыбная ловля*: «Рыбачить я начал рано, на пятом году. По берегу Енисея всегда лепилось полно ребятишек с удочками, и я страдал подле них, завидовал им. Иной раз мне давали подержать удочку, а то поручали уцепить на прут выуженного ерша, пескаришку или поплевать на червяка, вздетого на крючок» (**«Ночь темная – темная»**).

Этот рассказ более всех фактографичен. В нем описывается то, как в Сибири проходил зимний и весенний лов. Впоследствии, в воспоминаниях, отмечается, что В. П. Астафьев особо удачлив был на рыбалке. Например, добыча налима. Это считалось делом чести рыбака. Итак, можно отметить, что рассказ «Ночь темная – темная» отражает такой бытовой элемент жизни сибиряков как рыбалка на Енисее.

Обратимся к обширной родне писателя. Среди этой родни самым близким человеком для Вити Астафьева была *бабушка*. Она с детства воспитывала внука, заменила ему мать и отца. «Терзанья свои она пыталась таить в себе, да человек-то она какой? Шумный, всеподный, молчать ей долго невыносимо, вот и прет: «Нова мама...» (**«Гори, гори ясно»**). Найти портрет, черты характера бабушки несложно.

Они присутствуют практически везде, так как именно бабушка является центральным и немаловажным звеном повести.

Так, по биографии бабушки можно судить о суровости ее характера, но она очень любила своего внука. В рассказе «Конь с розовой гривой» описан эпизод, в котором Витя обманул бабушку, но она его простила и выполнила свое обещание: купила и отдала ему пряник – коня с розовой гривой. Витя с теплом в душе вспоминает свою бабушку и благодарен ей за свое детство: «Сколько лет с тех пор прошло! Сколько событий минуло. Нет в живых дедушки, нет бабушки, да и моя жизнь клонится к закату, а я все не могу забыть бабушкиного пряника – того коня с розовой гривой» (**«Конь с розовой гривой»**).

А вот еще один очень трепетный рассказ об отношениях бабушки и внука (**«Монах в новых штанах»**). Бабушка пообещала к празднику сшить Вите штаны, но из-за болезни не успела. Она очень расстроилась, но Витя ее утешал: «Сошьешь еще, куда спешить-то?» То есть он тоже жалел свою бабушку и желал, чтобы она поскорее выздоровела. Наконец, как только смогла подняться, сшила своему любимому внуку долгожданные штаны. Витя был безумно счастлив.

Дедушка тоже являлся примером для маленького Вити. Он научил его тому, что знал сам. Воспитывал его с любовью, как умел. Дедушка постоянно поддерживал Витю, когда его ругала бабушка. Он «ищет и находит заделье», чтоб только не оставлять горемычного внука один на один с «генералом» – так он называет бабушку» (**«Конь с розовой гривой»**). Можно сказать, что дедушка сыграл большую роль в мужском воспитании Вити Астафьева. Маленький внук так любил его, что рвался к нему на заимку и приносил еду, даже тогда, когда дедушка с бабушкой находились в ссоре. Именно Витя проявлял чудеса дипломатии, примиряя самых близких ему людей.

В рассказе **«Осенние грусти и радости»** также описаны реальные персонажи: дед, бабушка, Санька, дядя Левонтий. Здесь мы знакомимся с сибирским ритуалом засолки капусты во всех подробностях: объясняется, почему не допускались мужчины, какие песни пели, как разделялись трудовые обязанности женщин. Можно утверждать, что писатель буквально *опоэтизировал* этот ежегодный ритуал.

Удивительно точно и с любовью к родному краю описывает В. Астафьев природу: «Никогда не забыть мне ночи у пикетного моста! Гудит Енисей, хлещет, цепляется вода за каменные бычки, ударяясь чуть выше пикета; сплавные бревна гулко бухают об

утесы и боны. На берегу костерок, и весь живой мир вместились в него – дальше темень, ночь, грозный рев реки. С грохотом и лязгом катятся камни в воду. Из распадков вырываются рычащие, взбесившиеся весенние речки. Иногда хрустнет, сломается и ахнет с подмытого берега сосна или в горах закричит, запричитает ночная птица так, что спину мою коробит страхом» [**«Ночь темная-темная»**]. Такие же художественные описания природы встречаются в рассказах: «Конь с розовой гривой», «Монах в новых штанах» и других. В. П. Астафьев рассказывает об этом с чувством гордости, а также горести и досады по ушедшему детству и беззаботной жизни.

Многие произведения В. П. Астафьева содержат в себе факты его биографии, однако именно повесть «Последний поклон» является наиболее автобиографической. Детство и отрочество писателя прошли на Енисее, в деревне Овсянка, среди обширной родни Потылицыных. В зрелые годы писатель, живя вдали от малой родины, рассказывает об этой далекой, трудной и счастливой поре своей жизни. Книга писалась не одно десятилетие, дополнялась, но так и не была закончена. Это классическое автобиографическое повествование, где факты из жизни писателя даются в художественном освещении.

*Галина Перевозчикова
Руководитель Е. И. Петрова*

Не погаси свет добра в их душах (по рассказу «Пролетный гусь»)

*Что с нами стало?! Кто и за что вверх нас в
пучину зла и бед?*

*Кто погасил свет добра в нашей душе? Кто
задул лампаду нашего сознания, опрокинул
его в темную, беспробудную яму, и мы ша-
римся в ней, ищем дно, опору и какой-то
путеводный свет будущего.*

В. Астафьев

Виктору Петровичу Астафьеву удалось с пронизывающей силой обжечь читателя болью чужой судьбы в невыносимо горьком рассказе «Пролетный гусь».

Среди переплетающихся мотивов произведения (одиночество, сиротство, глухота и др.), на наш взгляд, наиболее ярко выражен мотив отчуждения, который стал объектом нашего исследования.

В словаре В. И. Даля слово «отчуждение» имеет значения: «удалять», «передавать иному, становиться чужим». В словаре С. И. Ожегова одно из значений – «прекращение близких отношений между кем-нибудь, внутреннее отдаление». Исходя из семантики этого слова, само понятие «мотив отчуждения» подразделено нами на две составляющие: «внешнее» отчуждение и «внутреннее».

«Внешнее» отчуждение героев рассказа связано с их одиночеством, брошенностью, неприкаянностью.

Начало рассказа создает впечатление безысходности, обреченности героя. «Растерзанный усталостью» на охоте, «один, казалось, Данила [Солодовников], один только он бродил по <...> сдвинувшемуся, погруженному в морок, в мокреть и тучи миру».

Судьба человека, защищавшего свою Родину, поражает трагичностью.

В суетливой послевоенной путанице встретились главные герои: Данила и Марина, словно давно искавшие в огромном мире родственные души. Встретившись, от безысходности сошлись и никогда больше не расставались. Как потом оказалось, прошлые их жизни до боли были похожи. С детства осиротев, воспитывались в детских домах, но сердца детей, лишенных родительской любви и ласки, не очерствели. Жизненные трудности закалили характер, научили терпимости и милосердию. Теперь им некуда было идти и ехали они теперь уже вместе в выдуманный Данилой город Чуфырино, надеясь найти пристанище. Данила верил, что и в его судьбе «как-нибудь все образуется само собой, в большой такой стране найдется и ему уголок». Но большая страна не нашла для его маленькой семьи уголка. Оказалось, что «никому и нигде они не были нужны, везде были помехой и лишней докукой».

Мотив «внешнего» отчуждения героев проявляется на лексическом уровне: повторяющиеся отрицательные конструкции («нет никакого дома на земле», «никому и нигде не были нужны»), слова («один», «лишился всего»). Представляет интерес и построение предложений: «Едут солдатики по домам <...>. Солдатики-то братики по домам едут, а Даниле, в сущности, и ехать-то некуда». Используя прием инверсии, автор подчеркивает бездомность героя.

Однако мир не без добрых людей. Приютила молодоженов и похлопотала об их устройстве Виталия Гордеевна, пожилая

женщина, совершенно одинокая при живом сыне. Приняла и полюбила, как своих детей. Квартиранты и хозяйка нашли друг в друге отдушину, делили вместе радости и печали, полностью доверяли. Виталия Гордеевна стала для молодой семьи и учителем, и подругой, и матерью. «Роднее родных оне у тебя. Всем бы таких детей», – поговаривала соседка, завидуя их семейному ладу. Несмотря на все трудности, выпавшие на их долю, семья сдружилась и окрепла.

Говоря о «внутреннем» отчуждении героев, мы имеем в виду духовное отдаление людей. В основном этот мотив проявляется на уровне подтекста.

В. П. Астафьев показывает, как рвется духовная связь между близкими людьми: матерью и сыном. Виталия Гордеевна внутренне давно отдалилась от сына, даже думать «себе запрещала», что после увольнения из армии вернется он домой, так как последняя встреча с сыном произвела на нее гнетущее впечатление. Противно ей было видеть, как и «ныне с женой ведут никчемную, пустую жизнь, но так довольны собой и своей жизнью и той великой работой, которую исполняют. Пророческими оказались слова соседки Хрунычихи, сказанными своей подруге: «Ну, Виталя, держись. Энти господа ни теби, ни робитишкам жизни не дадут, сживут со свету».

С приездом семьи Мукомоловых мир и согласие, некогда царившие в доме, были нарушены. Казалось бы, люди, прошедшие ужасы войны, должны быть духовно близки друг другу, относиться с пониманием, уважением, но, по словам автора, «началась тихая, никому не ведомая война». Наверное, это было связано с тем, что войну герои рассказа прошли по-разному. Данила был на передовом фронте, где «положили тыщи тыш русских людей, не жалели их в начале войны, в конце ими тоже никто не дорожил». Владимир Федорович «опасностям себя не подвергал, крепко усвоив, что главная задача его и политотдела – «не особо мешать людям воевать».

Марина проделала на фронте много страшной кровавой работы, всю войну людей спасала. А жена Владимирова Федоровича «бойким передком подталкивала фронт к победе». Поэтому и укоряет мать своего сына: «Э-эх, бездарь, бездарь, не хватило ума даже на то, чтоб на всем огромном фронте найти нечто приличнее этой яловой финтифлюшки».

Не понять Владимиру Федоровичу и его жене все тяготы, ко-

торые легли на плечи Солодовниковых, потому что по-разному входят эти семьи в мирную жизнь. Мукомоловы «приехали с кучей добра, румяные, пригожие, на дворян похожие». Ирония автора при описании их устроенности, благополучия («<...>партийный господин бережно нес себя по земле, важно и снисходительно говорил с подчиненными <...>») раскрывает духовную пустоту этих людей. Солодовниковы же «всякого имущества лишились», «и отработывали, и уработывались, выходных и праздных часов не знали». Несмотря на жизненные трудности, не очерствели души Данилы и Марины. Они всегда были готовы помочь ближнему, даже в ущерб себе.

Война в мирное время. Страшна она тем, что калечит души людей, огрубляет их сердца, покрывая их непроницаемой коркой, сквозь которую уже не пробьются мольбы о человеческом понимании. Утратили Мукомоловы чувство жалости к семье, задавленной непосильной работой, нуждой, не жаль им было больного соседского ребенка. Полное отчуждение.

И посыпались несчастья на семью Солодовниковых: умер сын Аркаша, умер от непосильной работы и чахотки Данила. «Отрешенной уже от всего на свете» вдове ничего не остается, как «бросить в могилу, как в лицо смерти и злу мира» награды своего мужа. И в церковь за утешением она не пойдет: «Это что же, опять спекуляция, снова приспособленчество, желание прожить с чужой помощью. Нет, это уж пусть Мукомоловы и все прочие, на них похожие, живут, она, уж раз отрешенная, жизнью рыбешка затертая, будто льдом в ледокол, как-нибудь сама со своими делами справится». А из «невеликих-то дел» – только повеситься по-людски, чтобы больше никого не обременять. Стоит согласиться с мыслью критика Валентина Курбатова: «И не знаешь, кого винить и как самому жить в мире, когда дочитываешь рассказ до мертвенно спокойного финала: «И добро, и ладно. Вместе дружно и не тесно, может, и теплее будет на другом свете, приветливее, чем на этом, давно проклятом и всеми ветрами продутом».

Рассказ называется «Пролетный гусь». Пролетный – значит промелькнувший, быстро пронесшийся. Жизнь главных героев пронеслась так же незаметно, как жизнь пролетного гуся, за которым охотился Данила, чтобы поддержать тающие силы больного сына. Не смогли они задержаться в мирной жизни, построить свой дом и ушли незаметно, не оставив о себе никакого следа. Но обращает на себя внимание фраза, высказанная Данилой: «Гусь – редкая

здесь птица, бывает только пролетом». Может, и семью Солодовниковых можно назвать «редкой», так как в невероятных трудностях сумели сохранить терпимость, понимание, душевную теплоту к людям. Не погас свет добра в их душах.

Рассказ «Пролетный гусь» – еще одна попытка писателя разбудить сердца человеческие, растопить лед отчуждения и душевной глухоты.

*Анна Буланова
Руководитель З. Н. Гудкина*

Варианты реализации образа русского солдата в малой прозе

(А. Н. Толстой «Рассказы Ивана Сударева» «Русский характер», В. П. Астафьев «Сибиряк», М. А. Шолохов «Судьба человека»)

На рубеже 1950–1960-х годов появилось понятие **военная проза**. Именно так было названо художественное течение, объединившее произведения писателей-фронтовиков.

Писатели-фронтовики, с одной стороны, восприняли литературно-художественный опыт Виктора Некрасова, повесть которого «В окопах Сталинграда» (1946) была опубликована сразу после Победы, а с другой – выразили те же тенденции, которые были присущи «молодежной», «исповедальной прозе». Не случайно любимым жанром «военной прозы» стала лирическая повесть, герой которой – молодой человек, еще не имеющий значительного жизненного опыта, вчерашний школьник, студент или выпускник военного училища. Сквозным сюжетом «фронтной повести» является процесс становления характера в трагических обстоятельствах.

«Проблема героизма во время войны, – пишет писатель-фронтовик В. Быков, – является решающей, главной. Смелость, отвага, презрение к смерти – вот те основные качества, которыми определяется достоинство воина».

Предметом настоящего исследования становятся три произведения о Великой Отечественной войне: А. Н. Толстой из «Рассказов Ивана Сударева» – «Русский характер» (1944), В. П. Астафьев «Сибиряк» (1951), М. А. Шолохов «Судьба человека» (1957). В этих рассказах главными героями являются русские воины-солдаты, в прошлом простые люди. Рассматривая произведения о

Великой Отечественной войне, вполне верно можно говорить о формировании определенного типа воина-солдата, тем более в русской литературе он существует.

Сюжет рассказа **«Русский характер»** был подсказан Толстому заведующим литературным отделом газеты «Красная звезда» полковником А. Л. Карповым. Автор прибегнул к традиционному для русской литературы приему, объединив цикл именем одного из персонажей. Впервые под заглавием «Русский характер» (из «Рассказов Ивана Сударева») произведение было напечатано в газете «Красная звезда» 7 мая 1944 года.

В рассказе А. Н. Толстого «Русский характер» два повествователя. Первый – автор-повествователь Иван Сударев – действующее лицо внешнего сюжета, который говорит от первого лица: «... выручил один мой приятель небольшой историей из личной жизни», «Егор Дремов показал это письмо мне...» Второй – водитель танка Чувилев, рассказывающий о тяжелых боях во время Курского сражения, о ранении Дремова. «Кричу: «Товарищ лейтенант, тигра!.. Пушку мы отвернули, на полном газу я на сарай и наехал...» Сам герой не является повествователем.

От первого лица идет рассказ о Егоре Дремове. Автор не хочет рассказывать, как Егор бил немцев, но замечает, что половина груди у того в орденах и он носит золотую звездочку. Восхищается им: «Кажется, прост человек, а придет суровая беда, в большом или малом, и поднимается в нем великая сила – человеческая красота».

Рассказ **«Сибиряк»** был написан В. П. Астафьевым как протест ура-патриотическому, «никудашно – фальшивому» рассказу известного тогда в городе Чусовом писателя. Работая сторожем на мясокомбинате, Виктор Петрович за одну ночь на вырванных из какой-то амбарной книги листках написал свой рассказ под названием «Гражданский человек». Публикация его в «Чусовском рабочем» оказалась скандальной – кому-то из тогдашних партийных функционеров это произведение показалось крамольным и вредным для народа, но областная газета «Звезда» поддержала начинающего литератора. «Крамольный» рассказ был опубликован в областной газете, на автора обратили внимание и в книжном издательстве, с ним заключили договор на первую книгу рассказов.

Как и в произведении А. Толстого, в рассказе В. Астафьева «Сибиряк» композиция рамочная – рассказ в рассказе. Внешний

сюжет – встреча повествователя и Савинцева (самостоятельная цепь событий). Внутренний сюжет – история Савинцева, рассказанная автором-повествователем. Здесь один повествователь, он же автор-повествователь, от него мы узнаем о закончившемся для новобранцев марше до передовой, о встрече раненого фронтовика с главным героем – Матвеем Савинцевым. События в рассказе представлены от имени рассказчика-повествователя (от первого лица).

Автор раскрывает тайну характера героя, обобщает и оценивает черты, присущие солдату, воину, они подчеркивают авторскую мысль о единстве человека и его дела.

Свой идеал воина-солдата – человека смелого, мужественного, бесстрашного, но вместе с тем простого, доброго, отзывчивого, находчивого, выполняющего свой долг до конца – писатель Астафьев воплотил в образе Матвея Савинцева. Он был дорог сердцу его. В нем мы узнаем черты самого писателя, страницы, мгновения его жизни.

Авторская взволнованность передана образами «...простых и истинных тружеников нашей оплаканной ... земли». Автор показывает, что была на войне настоящая дружба. В силу особых обстоятельств люди были недолго знакомы, но дорожили жизнью не только своей, но и жизнью товарища. Однополчане часто были готовы спасти товарища в трудную минуту, непросто это было сделать в условиях боя: без лекарств, при неустроенности быта, отсутствии порой целыми сутками еды.

У М. Исаковского есть стихотворение «Враги сожгли родную хату», в котором говорится о том, что фашисты сожгли не только родную хату, но и всю семью солдата, поэтому он вынужден в горестном одиночестве поминать своих родных. Очень похожую на эту трагедию услышал М. Шолохов в первый послевоенный год на охоте около хутора Моховского. Был большой весенний паводок. Шолохов сидел около плетня у речной переправы, отдыхал. К нему подошел мужчина с мальчиком, принял его по одежде и рукам в мазуте за «своего брата-шофера» и рассказал о своей тягостной судьбе. Через десять лет писатель обратился к тому сюжету и за неделю написал «Судьбу человека».

Рассказ **«Судьба человека»** впервые опубликован в новогодних номерах 31 декабря 1956 года и 1 января 1957 года. Уже в самом названии писатель концентрирует художественную мысль всего произведения. Это – рассказ о рядовом, обыкновенном рус-

ском человеке Андрее Соколове, чья судьба сливается с судьбой того великого дела, за которое сражался и победил со всем советским народом шолоховский герой.

Активным участием автора в повествовании объясняется двуплановая композиция «Судьбы человека». Сюжет – рассказ Андрея Соколова о своей жизни. Писатель не только обрамляет этот рассказ авторским зачином и лирической концовкой, он пронизывает его своим взволнованным отношением к судьбам и к событиям. Шолохов сливает свои раздумья и переживания с раздумьями и переживаниями героя. Авторский зачин – «первая послевоенная весна» на Верхнем Дону, весенний разлив, бурное пробуждение жизни – «в степи вспухли набитые снегом лога и балки, взломав лед, бешено взыграли степные речки, и дороги стали почти совсем непроездны». Вместе с тем писатель придал Андрею Соколову черты богатыря из народных сказок: «Извините, герр комендант, я и после второго стакана не привык закусывать». Лишь после третьего стакана, как в русской сказке, герой «откусил маленький кусочек хлеба, остаток положил на стол». Так он понимает человеческое достоинство и гордость. «И даже враг признает достоинство русского человека: «... ты – настоящий русский солдат. Ты храбрый солдат. Я – тоже солдат и уважаю достойных противников». Немец дарит Соколову жизнь.

Рассказ начинается со встречи автора со случайными попутчиками – Андреем Соколовым и Ванюшкой – и завершается расставанием с этими людьми, ставшими автору близкими и дорогими.

Один из сюжетообразующих мотивов рассказов А. Н. Толстого, В. П. Астафьева, М. А. Шолохова – мотив дороги: дороги войны, дороги из дома и дороги домой, дороги послевоенные.

Во всех трех рассказах присутствует автор-повествователь, а в рассказах «Русский характер» и «Судьба человека», кроме автора-повествователя, есть и другой рассказчик: в первом – водитель танка Чувилев, во втором – сам герой Андрей Соколов.

Приемы создания портрета воина-солдата: движение от реально-конкретного образа к обобщенно-символическому.

До войны среди других **Егор Дремов** (герой А. Н. Толстого) – самый молодой из солдат – был замечен сильным и соразмерным сложением и красотой, чего в других героях не было подмечено. Он из небольшой деревни, окончил, видимо, краткосрочные курсы в военном училище и в звании лейтенанта попал на фронт командиром танка. Во время одного из боев горел в танке, поэтому

лицо его было так обуглено, что местами видны кости. Перенес несколько пластических операций по восстановлению губ, носа, век, ушей, но хороших результатов достичь врачи не смогли.

О довоенной жизни Егора Дремова известно очень мало. Но даже во время войны, после тяжелого ранения, долгого нахождения в госпиталях, множества операций, он думает о своих родных, боится причинить им боль, боится, что «дрогнет» лицо матери. Поэтому, приехав в отпуск на родину, он не признается родителям в том, что это он, их сын, называется другим именем, хотя рассказывает фактически о себе. Он, конечно, остается самим собою, и предстает перед читателем не только как русский герой танкист Дремов, но просто человек, наскучавшийся по родному дому, трогательно вспоминающий свой старенький шкафчик, «где в уголку налево лежали рыболовные крючки в спичечном коробке, где пахло хлебными крошками и луковой шелухой».

Матвей Савинцев появляется в самом начале рассказа. Поводом для этой встречи послужило прибытие Матвея из запасного полка после долгого, изнурительного пешего перехода на передовую. Автор в начале повествования дает представление о внешности «молодого бойца»: это «солдат с крупным, чуть рябоватым лицом». Матвей уже не молод, но не представляет, что такое передовая, спрашивает у раненого солдата: «Так это уже война?» Во время первого знакомства с Савинцевым видишь человека простого, неповоротливого, неопрятно одетого, в грязной одежде, не имевшего возможности привести себя в порядок из-за тяжелого перехода, не привыкшего к военной обстановке.

Лейтенант не сразу понял, куда определить говорливого, гордящегося своей деревней Каменушкой бойца. Матвей сказал, что он неизбалованный, старательный, и его можно послать «туда, где работы побольше». После этого мы узнаем, как Матвей стал связистом.

К своим фронтовым обязанностям Матвей относился по-мужски, по-крестьянски, хотя связисты вначале не воспринимали его серьезно, удивлялись тому, что Матвей до войны был известным в селе человеком. Поначалу иронизировали над ним, говорили: «Какой там знатный! Мало сейчас нашего брата в колхозах, вот стали мы там все знатные». Если бы только могли они знать, каким он станет солдатом, что в конце своей, такой простой внешне жизни, погибнет, соединяя в своей руке во время тяжелейшего боя провода, что было равносильно подвигу.

Солдат, сибиряк, он даже перед смертью связан с родной землей: видел детей, «колосок, похожий на светленькую бровь младшего сынишки», сибирский цветок жарок, кузнечика, который постепенно превратился в лобогрейку, трактор, самолет». «Маленькой искоркой» летел Матвей, «земля приняла его с тихим вздохом».

Андрей Соколов – герой шолоховского рассказа – это «высокий, сутуловатый мужчина», с «приглушенным баском», выглядит усталым, курит крепчайший самосад, хранящийся в подаренном ему кисете с надписью. У него большие темные руки. На спине «тоший вешевой мешок». Сидит, сгорбившись. Рассказчика удивили его «глаза, словно присыпанные пеплом, наполненные такой неизбывной смертной тоской, что в них трудно смотреть».

В образе Андрея Соколова Шолохову удалось воплотить лучшие черты русского национального характера. Вспоминая о том, что в первые годы войны фашисты называли советского солдата «русским Иваном», вкладывая в эти слова оскорбительный смысл, Шолохов впоследствии раскрыл те психологические особенности, тот неповторимый склад характера, которыми обладает этот самый русский Иван: человек, одетый в серую шинель, который, не задумываясь, отдавал последний кусок хлеба, кусочек сахара осиротевшему в годы войны ребенку, человек, который своим телом самоотверженно прикрывал товарища, спасая его от неминуемой гибели, человек, который, стиснув зубы, переносил и переносит все лишения и невзгоды, идя на подвиг во имя Родины.

В трагическом образе Андрея Соколова Шолохов увидел человека-борца, обладающего огромными душевными силами, много испытывавшего и переживавшего, надломленного мучительными страданиями, оставившими нестираемый след в его душе.

Во всем, в самой, казалось бы, незначительной детали раскрывается недюжинный характер Соколова, негибкая воля, бесстрашие, мужество. И в том, что он, голодный, как волк, давно отвыкший от нормальной пищи, при виде здоровенной бутылки со шнапсом, хлеба, сала, моченых яблок, открытых банок с разными консервами сумел задавить тошноту и оторвать глаза от стола; и в том, что не стал отнекиваться, когда комендант повторил его слова, брошенные накануне, за которые положено расстреливать как за призыв к саботажу, а мужественно, с достоинством, подтверждает сказанное; и в том, как он выпил три стакана водки, стремясь хоть таким способом продемонстрировать силу и мощь русского

солдата; и в том, что только после третьего стакана водки он «откусил маленький кусочек хлеба, а остаток положил на стол. Захотелось мне им, проклятым, показать, что хотя я и с голоду пропадаю, но давиться ихней подачкой не собираюсь, что у меня есть свое, русское достоинство и гордость и что в скотину они меня не превратили, как ни старались»; и в том, что получив за смелость небольшую буханку хлеба и кусок сала, он, повернувшись к выходу и представляя собой хорошую мишень, прежде всего пожалел, что если комендант выстрелит в него в этот момент, то не донесет «ребятам этих харчей»; и в том, что эти харчи были поделены «всем поровну», – во всем этом раскрывались лучшие черты русского национального характера.

Создавая образы солдат-воинов, авторы рассказов, прежде всего, обращают внимание на трагическое звучание жизненных историй героев, при этом акцентируют внимание на отдельных особо значимых событиях, позволяющих проверить силу характера героев. Доминирующими приемами создания образов являются: поступки героев, портретная зарисовка, речевая характеристика, тем самым сохраняется традиция создания образа воина, идущая из древнерусской литературы.

Все три героя действовали в исключительных обстоятельствах. На войне проявляли находчивость, героизм, бесстрашие, мужество, стойкость, патриотизм.

Все это позволяет утверждать, что герои рассказов писателей двадцатого века, наследуя традиции древних героев-воинов, органично входят в сложившийся в русской литературе тип «солдата-воина».

Алина Мустаева
Руководитель М. С. Ушакова

Жизнь – вечная борьба

Что такое жизнь? Это время, проведенное человеком между добром и злом от рождения до самой смерти. Но что такое сейчас добро и зло? Как их отличить? Как они проявляются в человеке? Я считаю, что зло проявляется в людских пороках, таких, как гордыня, тщеславие, зависть, лень, жадность, а добро – в противостоянии им. Следовательно, чтобы воспитать в себе гражданские

чувства, увидеть в них ценность, необходимо пройти путь с препятствиями-пороками. Мне бы хотелось поразмышлять больше о жадности (возможно, я неточно называю эту сторону человеческой натуры), но именно в произведениях Виктора Петровича Астафьева я часто вижу, как автор показывает именно эту проблему.

Например, в рассказе «Веселый солдат» меня очень тронула сцена «дежки макаронины»: старый солдат уступил макаронину молодому солдату. Времена тогда были тяжелые, война отбирала все у всех, солдатам было «не до жиру – быть бы живу» – приходилось есть то, что давали, и не всем этого хватало. Чувство жалости поднимается внутри меня по отношению к более молодому и менее опытному солдату. И тот поступок, который совершил старый солдат, заставляет задуматься об очень важном в жизни.

Абсолютными противоположностями таким людям являются «первые» медсестры Хасюринского госпиталя. Своим бездушием, пренебрежением к своему долгу они по сути забирают у солдат самое дорогое – жизнь («Жизнь дает только Бог, а отнимает всякая гадина»). Против них «борется» Анкудин, которому надоело то, что они воруют, «права качают», жадничают. Это был лишь один пример борьбы между этим пороком и противостояния ему, но Астафьева очень волнует эта проблема, и поэтому он описывает ее в разных повестях и рассказах. Таким образом автор показывает нам, как солдаты на чужой земле продолжают оставаться гражданами, патриотами своей страны. В рассказе «Далекая и близкая сказка» есть слова: «Если у человека нет матери, нет отца, но есть родина, – он еще не сирота».

В рассказе «Ангел-хранитель» В. П. Астафьев ярко описывает голод – то тяжелое время, какое и врагу не пожелаешь. Это время, когда жадность, доходящая до беспредела, разыгрывается в сто раз сильнее, чем в обычное время. Зато в деревнях, где все про всех знают, стараются помочь друг другу кто чем: кто с заработков принесет паек, кто дичи наловит, кто быка зарежет. Все старались выжить и делали это по-своему, но у каждого своя семья, родни и друзей не перечесать, поэтому все же на других надеяться не стоило, самим тоже надо было действовать, спастись от голода. Но и здесь находились люди, которые ухитрялись наживаться на чужом горе. Например, когда бабушка В. Астафьева пошла в город и принесла домой каравай в банный таз величиною голодным мужу, внуку и шенку, ее, оказывается, обманули. И ей, конечно, было тяжело это перенести. Но это произведение не зря называет-

ся «Ангел-хранитель», потому что бывают те, кто отвлекает людей от горестных и тяжких мыслей в сложнейшие периоды их жизни. А это означает одно: не надо терять надежды, сострадания к окружающим, впадая в жадность и зависть.

К сожалению, сейчас таких людей мало. Пороки вклинились в нашу жизнь и стали ее частью. Но если эту пустоту заполнить любовью к близким, к друзьям? Быть может, жадность станет потихоньку умиряться?..

Как много вопросов... и так мало ответов...

Ксения Зорина

Руководитель А. М. Кушин

Не окаменеть душой

Некоторым людям для счастья достаточно просто увидеть Солнце. Солнечное тепло – нежное, ласковое – заменяет материнские руки детдомовцам, без которых ребенок не будет до конца счастлив. Солнце помогает увидеть иной мир: яркий, красочный, живой! В нем хочется жить, хочется растворяться в красках удивительной русской природы.

В повести В. Астафьева «Кража» дети не знали настоящего счастья. Они жили с постоянным и уже привычным холодком в душе. Для них семья – это все детдомовцы, окруженные общим горем. Воспитатели не могли им дать такого тепла, ласки, постоянной заботы, внимания и любви, как родители. А как детдомовцы нуждались в этом! Недополучая тепла, они замыкались в себе. В их душах уже таилась злоба, готовая в любой момент вылиться в агрессию. Детдомовцы, покалеченные жизнью, с «вышколенным в беспризорничестве чутьем», всегда чувствовали приближающуюся беду.

В этом жестоком мире только тепло способно сотворить чудо! Даже Гошка от яркого блеска солнца отмяк на время, внутри него, «где жил привычный холод, тополиным пушком все обволокло». Но заполярного солнца не хватало, чтобы обогреть и обласкать хотя бы одного ребенка. Ему никто не говорил теплых слов, и он, как цветок, завял без тепла и света.

Много ли человеку надо? Выходит, всего лишь капельку тепла, чтоб не окаменела душа, чтобы играли эмоции, светилась улыбка,

чтобы можно было наслаждаться каждым мгновением жизни, чтобы видеть разнообразие мира.

Мы живем в средней полосе России, где солнце выходит часто. Летом оно яркое, жгучее, наполненное большим светом и теплом. Зимой оно не такое теплое, но по-прежнему веселое и яркое. Оно не забывает нас в любое время года. Мы по-особенному счастливы в солнечный день. Солнце пробуждает в нас душевную теплоту и улыбки... Мы должны этим дорожить. Солнце у нас есть, а тепла в людях не всегда достаточно.

Взгляните на приемных детей, которых немало в нашей школе. Они словно маленькие затравленные зверьки с холодной душой и колючим взглядом. Им трудно влиться в новый коллектив. Они живут с постоянной обидой в сердце...

А найдется ли для них то солнце, которое растопит застывшую душу? Смогут ли сделать это приемные родители? А главное – захотят ли?

Люди, взявшие приемных детей, не всегда одаривают их любовью. Некоторые берут детей для обеспечения своей собственной жизни. Они проявляют корысть, глумятся над детьми, а сами остаются в золотой чаше. Часто они заботятся о внешнем благополучии своих воспитанников: чтобы ребенок был сыт, одет. А детям недостает душевных разговоров, теплого слова, способного растопить душу ребенка, согреть его и обласкать. Больно смотреть, как эти дети переживают по поводу испачканных кроссовок или утерянной ручки. Нет, это не бережливость, а страх перед родителями-воспитателями. Вот и вырастают внешне благополучные, но холодные и черствые люди, а главное – запуганные, без чувства собственного достоинства.

Толе в этом смысле повезло больше. Не раз на его пути встречались «солнца»: Валериан Иванович, Зина Кондакова, тетя Уля, актер, благодаря которому Толя испытал чувство умиления от скрипки, Ибрагим, истинный патриот. Тепло, внимание, любовь таких людей способны хоть на мгновение проникать в самые потаенные уголки осиротевшей души и оставлять в ней глубокий след. Их доверие и уважение помогли Толе стать настоящим человеком, будто «выздоровевшим после какой-то липучей и длительной болезни». Мы видим, как он пусть еще неумело, грубовато, но заботливо поправляет шапчонку на Маруське! Видим, как он учится не быть категоричным, а понимать других, например, Валериана Ивановича, бывшего белого офицера. Только Мазов

осознает, что каждый человек имеет право на ошибку, но важно эту ошибку исправить вовремя. Он учится преодолевать любые трудности, готовится стать гражданином, чтобы защищать Родину, быть ответственным за свою страну, жить в ней и познавать новое, «как далекие его предки». Мальчик счастлив тем, что перед ним открылся могущественный и загадочный мир, что он безгранично любит всех вокруг. В Толе «пробудилась и заговорила российская жалость, та ни с чем несравнимая, которая много вредила русским людям, но и помогала сохранять душу, оставаться людьми». А это дорогого стоит!

*Екатерина Чеснокова
Руководитель Т. В. Меркурьева*

Сопричастный всему живому

*Написать... родить и вообще что-то
путное создать на земле возможно
только с добром в сердце, ибо зло
разрушительно и бесплодно.*

В. П. Астафьев

Путь Астафьева в литературу, как говорится, не был усыпан розами, а скорее – камнями и терниями, по которым он и шел, и сквозь которые и продирался всю свою жизнь. И при этом, становясь все более зрелым человеком и писателем, он пришел «к звездам», поднялся на высокий Олимп и занял там свое законное место.

...Сколько же для этого, кроме таланта, кроме природных творческих способностей, требовалось ему внутренних сил, терпения, мужества, упорства, веры в себя и в свое высокое предназначение? Он понимал, куда он идет, и понимал, какие люди работали до него в литературе...

Часто ли мы задаем себе вопрос: «Для чего мы читаем и что нам дает чтение?» Я люблю читать. Читаю прозу, лирику, фантастику. И везде нахожу для себя что-то новое и интересное. Первое знакомство с произведениями В. П. Астафьева началось с прочтения рассказа «Конь с розовой гривой». Я поразились жизненному опыту великого писателя, фронтовика и просто хорошего человека. Прочитав биографию автора, я поняла, что нас, как ни странно это звучит, многое объединяет. Прежде всего Урал, Пермский

край, в котором жил Астафьев («Я четверть века прожил на Урале и прикипел к этой земле...») В Горнозаводске Пермского края живу и я. В. П. Астафьев был в нашем районе. Есть у него произведение «Разбег»/ Приметы времени: очерки. Молотов, 1957 г./ В этом рассказе говорится о послевоенном времени в нашем Горнозаводском районе: «...Поезд замедлил ход и остановился на маленькой станции с чудным названием – Пашия. Остряки тут же изменили его, и по вагонам понеслось: станция «По шее». И первая шутка пришла кстати. Не таким унылым показался маленький барачишко, в котором размещался вокзал. Не так пугал темный лес, вплотную подступивший к станции. Где-то таякали собаки и по-осиному жужжала буксующая машина. Мимо пронесся маневровый паровозик, пишикая клапанами, издали донесся заводской гудок.

– Цементно-металлургический на работу зовет, – объяснили приезжим станционные работники».

У Астафьева есть еще замечательный рассказ о наших местах. Называется он «Русский алмаз». Эту книгу Виктор Петрович в свое время подарил приехавшему к нему журналисту Г. В. Вершинину. В журнале «Урал» № 5 2004-й год опубликована статья Вершинина «Поводырь русской глубинки». В ней автор пишет, что на подаренной книге Астафьев написал: «Тут на обложке моя Родина и я среди нее. Я ее люблю и счастлив, что доживаю свой век на родной стороне, о ней печалюсь, на нее сержусь, порою славлю, порой плююсь. Быть нам веки вечные вместе – и лучшей доли не пожелаю себе».

Читая произведения В. П. Астафьева, я нахожу знакомые названия поселков, рек. Неизгладимое впечатление на меня произвел рассказ «Ягоды для папы».

Он написан в 2000 году – можно сказать незадолго до смерти В. П. Астафьева. Мне кажется, что это духовное завешание писателя. Определяя жанр произведения, я бы сказала, что это автобиографический рассказ с элементами очерка. События в рассказе происходят в 1957 году в окрестностях города Чусовой, а точнее на реке Чусовой, по которой семья Астафьева спускалась на лодке от станции Кын. Дочка Астафьевых родилась в трудный 1948 год. В рассказе ей 9 лет. Рассказ небольшой по объему, но в нем отразилось время, в котором жила вся страна.

Астафьев не был бы Астафьевым, если бы в каждом из своих произведений не ставил бы острых вопросов. После смерти Сталина в 1953 году объявили реабилитацию незаконно репрессирован-

ных людей. Многие невинно осужденные возвращались из лагерей и ссылок. Одного из таких людей описывает автор на вокзале станции Кын, где путешественникам пришлось ожидать рассвета. Лагерной теме посвящали свои произведения А. Солженицын и В. Шаламов, Астафьев же в этом рассказе лишь затронул ее, но не меньший трагизм ощущается и в эпизоде. Я могу сказать, что в данном рассказе раскрываются волнующие автора темы: человек и природа, взаимоотношения с родными и близкими, воспитание детей. О материнской любви в рассказе особо не говорится, но она явно чувствуется.

Есть в жизни, наверное, закон: любовь, нежность, забота, которые ты проявил к родным, близким людям, вернутся к тебе сторицей. Мальчишки (сын и племян) слушают отца, уважают его, подчиняются ему. И очень преданно любит его дочка. Я уверена, что кульминацией рассказа является эпизод, когда дочь сыплет отцу в ладони спелые душистые ягоды земляники. Рассказ заканчивается на пронзительной ноте: «Но когда бы, в какие времена и дни, в погожие или хмарые, ни стоял над могилой дочери, я явственно вижу протянутые ко мне детские ладошки с пригоршнею спелой земляники и слышу ее голос: «Папа, а это тебе!» В рассказе автор дает описание трем рекам, две из которых протекают по территории нашего района – Чусовая и Бисер.

Каждый читатель в этом рассказе откроет что-то новое для себя. Я же поняла, что надо любить и жалеть близких, родных тебе людей, стараться доставлять им радость; надо любить и беречь природу и те простые человеческие отношения, которые выстраиваются годами.

Вслед за этим рассказом я прочитала другие произведения замечательного писателя: «Пастух и пастушка», «Затеси», «Связистка», «Последний поклон», «Веселый солдат», «Прокляты и убиты».

Критики уже давно заметили, что всю свою творческую жизнь В. П. Астафьев писал одну книгу – книгу своей жизни. Почему, зачем, для кого вновь и вновь проживал писатель вместе со своими героями трагические и счастливые годы жизни? Образ неведомой страны счастья и справедливости, которую он искал и постигал, «замрет, остановится, закаменеет, чтобы через годы, может быть, через столетия, ожить в другом человеке, и увидит он ее моими глазами, полюбит моей любовью...» Трогательную дружбу человека и природы, стремление жить в мире и согласии с ней – вот что внушает нам, живущим в XXI, писатель и, несомненно, гуманный человек В. П. Астафьев. «Ты в ответе за родной край, за малую

родину, за мир, в котором живешь» – эта мысль пронизывает все произведения замечательного автора.

Судить человека нужно по его поступкам. «Человек может и должен сам себя воспитать, сформировать себя как личность. Для этого ему даны такие качества как ум, воля, совесть. Одно из ценнейших достижений человека – приобретение им внутренней свободы, которую не нужно путать с произволом. Свобода подчиняется высшим нравственным нормам. Но это неоценимое качество дается лишь благодаря неустанному духовному труду». Эти слова А. П. Чехова как нельзя лучше подтверждают наши рассуждения о творчестве В. П. Астафьева.

Именно доброта и нежность, правда и красота помогают хранить веру в незрящность нашего существования на земле.

Римский поэт Ювенал говорил: «Ни один злой человек не бывает счастливым». Удивительно точные слова! Совесть – главная духовная основа русской жизни. Без нее мы будем другой страной и другими людьми. Запомнить бы эти слова на всю жизнь. Совесть – это светильник, который освещает дорогу.

Главная задача нового века — сделать все зависящее от нас, чтобы гуманистическая культура возглавила цивилизацию. Если не литература научит слышать в суете и грохоте наших дней – так кто же? Если не литература научит понимать язык образов – так кто же?

Мне понятны и близки строки уральского журналиста и писателя Г. В. Вершинина: «Я бесконечно благодарен судьбе за то, что она свела меня с этим удивительным человеком, достойнейшим сыном России и одним из лучших представителей XX века».

Я уверена – за живой водой любви к людям, к природе, за уроками мужества жить и исполнять на земле предназначение человека будут приходить читатели к творчеству замечательного писателя Виктора Петровича Астафьева.

Дарья Меркушева
Руководитель В. И. Макарова

Жить по законам природы

Природа нас кормит и греет, она нас успокаивает, дарит свои красоты, она, как мать, заботится о нас. И мы тоже должны быть с ней любящими и понимающими.

Сейчас мы стали далеки от природы. Вроде говорим о ее сохранении, но сколько мусора бросаем, загрязняем и леса и реки. И рубим лес беспощадно. И если рубим, то молодые деревца тоже можем сгубить, а тем более сейчас лесничества мало занимаются посадками. Хорошо, что хоть в городе мы иногда садим: дубки, клены и др.

В рассказе Виктора Петровича Астафьева «Васюткино озеро» меня удивило то, что мальчик, почти мой ровесник, а так хорошо знает законы природы, приметы и благодаря этому сумел выжить.

Я думаю, что у самого Астафьева многому можно научиться. Ведь сейчас не каждый сможет прожить в лесу трое суток, сумеет добыть себе пропитание и найти выход к людям – спастись. А когда-то каждый деревенский мальчишка, начиная с 6–7 лет, был и помощником в доме, и добытчиком для своей семьи. И охотиться, и рыбачить – все было привычно мальчишкам.

Еще меня удивляет то, что ребята с детства болели душой за дела взрослых, за их труд. Сейчас мы больше ждем помощи от взрослых. А вот Васютка был счастлив, что нашел озеро, богатое рыбой. Он нашел озеро – и оно стало носить его имя.

Все, что написал Виктор Петрович, взято им, я думаю, из собственной жизни: это и впечатления детства, связанные с тайгой, рекой Енисеем; Великой Отечественной войной, которую писатель прошел рядовым солдатом-связистом, был тяжело ранен; это и тяжелые послевоенные годы, где каждому приходилось выживать, часто находясь на грани возможного и невозможного.

Впечатления детства бывают часто самыми яркими, затрагивающими многие стороны жизни. О впечатлениях детства у Виктора Петровича написано много произведений. Это в первую очередь рассказы или отрывки из больших произведений: «Конь с розовой гривой», «Фотография, на которой меня нет», «Песнопевица», «Бабушка с малиной», «Гуси в полынье» и многие другие. Из этих произведений я впервые узнала о довоенном и послевоенном детстве ребятшек из наших русских деревень. Как они похожи и в то же время не похожи на наших мальчишек! Вроде такие же задиристые и иногда вредные, а иногда принципиальные, правильные, честные. Тем мальчишкам из детства Астафьева приходилось труднее, но они многое умели, они были близки к природе, умели пользоваться ее дарами и хорошо ориентироваться в лесу.

В рассказе «Васюткино озеро» мальчишка 13 лет выжил в лесу, нашел выход к Енисею, в общем, спасся.

Когда Васютка увидел муху в паутинке, то вдруг понял: заблудился. И к тому же раздался какой-то шорох в глубине леса. И нервы мальчика сдали – он бросился бежать. И бежал до тех пор, пока не свалился в мох: «Будь что будет.»

Васютка стал вспоминать, что в этих случаях говорили отец и дед: «Тайга хлипких не любит». И он стал вспоминать все, чему его учили: как развести огонь, запасти дрова на ночь (ветки, валежник, пни). Он хорошо знал, как приготовить себе еду: ошипал и выпотрошил глухаря, сгреб костер в сторону, выкопал ямку и положил туда птицу. Закрыв ее мхом и горячей землей, углями, сверху снова положил горящие головни. И через час у него охотничье блюдо!

Утром ночные звуки уже не пугали Васютку. Он их знал. Ему также были известны приметы близкой реки – лиственничный лес. Но когда он влез на дерево и искал этот признак Енисея – его не было.

Васютка решил позавтракать и попутно принять решение, куда идти. Решил идти на север, чтоб кончился лес (он его давил своей угрюмостью). Погода была хорошая, но мальчик, зная приметы, видел, что скоро будет непогода. Когда уже был близко закат, он увидел пучки травы – эту примету он тоже знал – она растет вблизи больших водоемов. Он побежал. Неужели Енисей?!

Но это было лесное озеро. Мальчик напился, сел, и отчаяние вновь овладело им – расплакался.

Но навыки таежника опять помогли ему. Он снова готовился к ночевке: приготовил дрова, развел костер, но решил беречь хлеб (питаться мясом, печеными орехами).

Еще одну ночь провел мальчик в лесу, уже не разжигая огня, так как очень устал и выбился из сил.

Утром, подсчитав, что спичек осталось всего четыре, разжег костер, высушил портянки и сапоги, подвязал тесемками подошву сапога, которая едва держалась. Вдруг он уловил что-то похожее на писк комара. Он замер. Писк повторился. «Гудок!» Он услышал его с озера. А потом догадался: это «фокусы» тайги. Гудок всегда откликается на ближнем водоеме. А гудит на Енисее.

Он бросился вперед, к Енисею. Пароход. Но мальчика заметил и спас бот.

Деревня – это такой мир, где все друг друга знают и где все на виду: поступки, разговоры, взаимоотношения. И она же является истоком общечеловеческих ценностей: заботы о ближнем, умения

поступить по-человечески, честность, искренность, совесть, порядок во всем. В деревне люди всегда помогают друг другу. Случилась беда – на нее всегда кто-нибудь откликнется. В рассказе мы видим все эти истоки. Васютке помогли, увидели с бота и причалили, и, минуя другие остановки, поплыли к дому.

Во всех рассказах В. П. Астафьева мы узнаем о тех людях, которые жили рядом с ним, которые были дороги его сердцу, о которых он считал нужным рассказать.

Елена Русакова
Руководитель С. М. Иванова

«Вспоминая о весеннем острове, я думаю о нас, людях...»

*Пусть не остынет алая кровь в
тонких жилах цветов!*

В. П. Астафьев

Астафьев, безусловно, много писал о Пермском крае. Например, в рассказе «За синими горами» Виктор Петрович повествует о том, как рыбачил на реке Яйве: «Нет, не похожа Яйва на те уральские реки, где мне приходилось бывать. Обычно они сжаты со всех сторон горами, виляют из стороны в сторону, загибаясь во множество кренделей. Яйва – река упорная. Она если и изгибается, то по-своему».

Действие рассказа «Ягоды для папы» также происходит на уральской реке Чусовой, по которой семья Астафьевых спускалась на лодке от поселка Кын.

Природа и человек, человек и природа – эта тема многих произведений писателя: «Землю свою люблю и не перестаю удивляться красоте ее, неистощимому терпению и доброте...» «Я тянулся ко второй моей и неизменной матери – земле. И жизнь предоставляла мне постоянную возможность быть на природе и с природой».

В 1972 году в Москве в издательстве «Советский писатель» выпущено первое издание книги «Затеси». В нее вошли лирические миниатюры, которые Виктор Петрович писал на протяжении всей своей жизни. Они составили восемь хронологических тетрадей.

Астафьев так это объяснял: «Затесь – сама по себе вещь древняя и всем ведомая – это стес, сделанный на дереве топором или другим каким острым предметом. Делали его первоходцы и таежники для того, чтобы белеющая на стволе дерева мета была видна издалека, и ходили по тайге от меты к мете...»

«В разных концах России название мет варьируется: «зарубы», «затесины», «затески», «затесы», по сибирски – «затеси».

Но для писателя слово «затеси» носило и другой смысл: затеси – раны, не заживающие на сердце от пережитой войны, раны от того, что человек бездумно относится к природе.

В своих малютках-произведениях, как их называл Астафьев, автор беседует с читателем, говорит с ним по душам. Эти «затеси», эти мимоходные зарубки и меты на стволах «древа жизни», хоть немножко, хоть чуть-чуть обозначают читателю просвет впереди, укажут тропинку к собеседнику, утешат в горькой этой жизни. Быть может, заставят вспомнить о Боге, о ближнем своем.

Живя в нашем крае, в силу стесненных жизненных обстоятельств, Виктор Астафьев занимался охотой и рыбалкой. Он исходил многие километры по дорогам и бездорожью, долгие часы проводил с удочкой на берегу уральских рек. И в его рассказах перед читателями встает природа нашего края – прекрасная, мощная тайга, вольные, могучие реки... Рассказы В. П. Астафьева – настоящая энциклопедия уральской природы.

Астафьев создает великолепные словесные, художественные описания беспредельной красоты окружающего мира. При этом, тонко чувствуя все грани бытия, писатель не впадает в умиление и романтизм. В «Затесях» он реалист, восхищающийся красотой: будь то природа Урала или Сибири.

В затеси «Весенний остров» автор поражается яркости многоцветья:

«...Я увидел впереди остров. В середине острова грудились скалы, меж скал темнели кедрачи, местами выгоревшие, а внизу острова кипел вершинами лес. Берега яркие, в сочной зелени – так бывает здесь в конце весны и в начале лета, когда бушует всюду разнотравье...»

Автор рисует красу весеннего острова яркими и точными эпитетами: яркие берега, сочная зелень, яркие цветы, живая лента зелени, синяя полоса, окропленная розовыми и огненными брызгами... Поражают глаголы, создающие картину весны: кипел лес, бушует разнотравье, полыхают цветы... Читатель не может равно-

душно пройти мимо такой картины, он вместе с автором восхищается красотой природы.

В затеси «Хвостик» писатель олицетворяет явления природы. Под его пером оживает и остров, и стог, и птица.

«В осени мягкий лист кустарников бронзовел, и выкошенный, чистый остров в ровной стрижке зеленой травы победно возносил мачту над высоким стогом сена. И всю-то зимушку покрыто было боязливое темечко земли пухлой шапкой сена, и серебряно звенел венец, надетый на чело острова. Желтая птица кружилась и кружилась над зимним стогом. Ветер с Енисея гнал ее навстречу бурям, и алым флагом вспыхивало крыло высокой птицы под широкой зарею в часы предвечерья».

В затеси «Синий свет» активно «работает» олицетворение:

«Синий свет небес. Синий дым над горами. Перетомленная в летнем зное, дышит миротворно земля спелостью трав и лесов, дышит, будто слобный каравай, вынутый из русской печи».

Автор воспринимает живой даже саму землю: она «дышит, перетомленная... зноем», и ее дыхание «миротворно», потому что дало миру травы и леса, которые теперь поспели. Автор проводит параллель не только с жизнью человека, но и с крестьянским бытом: земля похожа на «слобный каравай, вынутый из русской печи». Они такая же горячая, мягкая, так же дышит, так же дает жизнь.

Описание следующего пейзажа воспринимается даже несколько фантастично:

«..Солнце выкатилось на горб сопки, ударило лучами по облакам и густым туманам. Снег засверкал на вершине, облака потускнели, нехотя сползли в ущелья, и мир разделился надвое. Вверху были сопки, с белыми зайцами на спинах, все в солнечном сиянии, все в сверкании. А внизу все затоплено, закрыто. Это был тот час, когда неживая чернота сопки и осыпей окутывалась призрачным дымком и сопки не отпугивали, а манили к себе этой призрачной загадочностью».

Темой затеси «Падение листа» стало знакомое всем событие в природе – листопад. Это явление сотни раз описано в литературе. Но В. П. Астафьев увидел в этом явлении новое и глубокое:

«Притихла земля. Притихли леса и горы. Воссияло всей глубиной небо, чтоб отражение листа в нем было нескончаемо, чтоб отпечатался его лик в беспредельности мироздания, чтоб сама земля, приняв форму листа, похожего на слабое человеческое

сердце, легко и празднично кружилась среди звезд, планет и там продолжилась в стремительном движении неведомых нам миров».

Пейзаж – неотъемлемая составная часть произведений В. П. Астафьева. Через создание пейзажа писатель решает несколько художественных задач.

Виктор Петрович не только показывает нам, насколько прекрасна природа, он еще и доказывает, что природа учит человека, направляет, может дать совет. Природа открывает перед нами простые истины, преподносит жизнь такую, какая она есть на самом деле: суровая, холодная или же, напротив, радостная, счастливая. Природа, таким образом, дает человеку нравственный урок, учит его жить правильно, по совести.

В затеси «И прахом своим» мы видим встречу писателя в тонкоствольном осиннике с серым пнем, из сердца которого растет тоненькая елочка: «...елочка ловко устроилась на пеньке. Она вером развернула липкие ниточки корешков, а главный корешок белым шильцем впился в середину пня. Мелкие корешки сосали влагу из мха, и потому он был такой линиялый, а корешок центральный ввинчивался в пень, добывая пропитание».

Эта тоненькая елочка вступила в трудную борьбу за жизнь! Она будет расти из самого сердца того, кто, возможно, был ее родителем, кто даже после смерти своей хранил и вскармливал дитя.

В одной из затесей «Сильный колос» писатель пишет: «...сделалось видно высокую рожь со сплюснутым колосом. Она переливалась под ветром, шумела молодого и беззаботно. Но однажды налетела буря с крупным дождем и градом. Еще жидкую и нестойкую рожь на взгорьях прижало к земле», «были провалы в густой и высокой ржи, словно раны. День ото дня все горестней темнели и запекались они в безмолвной боли».

Но природа помогла колосьям. Пригревало и пригревало солнце, сохла земля в поле, и вот уже усы пустили колосья, накололи их на солнце. Колосья оказались стойкими и «раны на поле постепенно закрылись, ровное оно сделалось и безоглядное».

Читая, мы словно слышим призыв: «Человек, будь стойким, борись за жизнь, борись за возможность к росту, развитию! Используй для этого любую возможность!»

Не раз раскрывает автор в затесах тему борьбы за жизнь! Одна из таких затесей – «Марьины коренья».

«...Цветы стоят, как детишки в ярких шапочках с завязанными ушами, и не дают холоду сжечь семена. И лепестки у цветов с

проседей, и мясисты они, толсты. Вся сила этого цвета идет на то, чтобы сберечь семена, и они не откроются во всю ширь, не зазеваются на приветливо сияющее солнце. Они не доверяют этому солнцу. Они слишком много перенесли, прежде чем пробудились от зябкого сна среди голых, прокаленных стужей камней.

«Пройдут годы, и плеснут на осыпи всполохи ярких, багровых цветов. А пока их здесь всего три, мужественных, непокорных цветка, и в них залог будущей красоты».

«Первые солдаты тайги, согнутые, но непокоренные, иссушенные голодом и мертвящим дыханием скал, принимающие на свою грудь всю лютость севера ради лесов, что идут за ними, – низкий поклон им от бывшего солдата российского, который знает, как трудно быть первым».

О силе человеческого характера, о единстве человека с природой, которая дает ему силы, идет речь в затеси «Весенний остров»: «Весна на острове! Весна!..»

«Вспоминая о весеннем острове, я думаю и о нас, людях. Ведь к каждому человеку поздно или рано приходит своя весна. В каком облике, в каком цвете – неважно. Главное, что она приходит».

Анастасия Бурлева
Руководитель М. С. Ушакова

«Бабушка простила бы меня...»

Читаю Виктора Петровича Астафьева, о его семье, потере матери, глубокой привязанности к бабушке и нахожу какие-то точки соприкосновения со своей жизнью. Расскажу о ней...

Жила-была семья: мама, папа, дочка и сын. Все вроде бы было неплохо, но случилось горе: у мамы умерла сестра. Эта беда отразилась на маме – она начала выпивать. Немного позже к ней присоединился папа. Проблема все увеличивалась. Дочке пришлось ходить в церковь, помогать наводить там порядок и чистоту, за это девочке давали поесть. Но она не спешила съест, что ей дали... Она несла еду младшему братишке и двоюродной сестренке, оставшейся после смерти матери маленькой и беззащитной. Это происходило примерно в течение двух лет. Заботясь о питании своих брата и сестры, девочка редко ходила в школу. В это время папа уже сидел в тюрьме за неуплату алиментов, мама

сидела дома без работы, пыталась устроиться на другую работу, но спустя буквально неделю «срывалась» и снова оставалась без работы. Однажды летом сестру с братишкой отправили в оздоровительный лагерь, откуда они больше не вернулись домой, а попали в приют, где были два месяца, после чего оказались в приемной семье. Сначала казалось, что все хорошо, но потом все чаще стали возникать конфликты с родными детьми новой мамы. Даже из-за лишней взятой конфетки могла возникнуть ссора, родные дети стали ревновать, говорить, что мама больше любит приемных, даже пытались поднимать на них руку, закрывали в комнате.

Каждый месяц в их дом приезжала женщина, которая интересовалась условиями жизни, взаимоотношениями. Услышав, что отношения между детьми не складываются, она решила помочь приемным ребятишкам. Сестра и брат оказались снова в приюте, затем в Детском доме. Несколько раз приезжали люди, смотрели детей, но не брали. Так прошло три года, в течение которых сменилось три детских дома. Причем после первого детдома их разделили с братом.

Когда уже очередной раз девочка увидела посетителей, которые смотрели детей, она уже не верила, что ее возьмут в семью. Девочка волновалась и гости тоже. Никто раньше не приезжал второй раз на встречу с девочкой, и вдруг это произошло – они приехали и попросили разрешения взять девочку на праздники. Девочка оказалась в новой семье, где уже были трое приемных детей. Встретили ее дружелюбно, напоили чаем, затем познакомили с деревней. После возвращения в Детский дом, состоялся разговор с директором, девочка дала согласие, что готова воспитываться в этой семье. И вот уже четвертый год девочка в семье, где ей комфортно, где ее понимают. И даже когда год назад умер приемный папа, мама не отказалась от приемных детей. Они настолько сдружились, что приезжающие гости и родственники говорят, что девочка очень похожа на приемную маму. А это, наверно, что-то значит...

Что такое семья? Семья – это самые близкие, родные люди, которых мы очень любим, которые дарят нам тепло и помогают в сложных ситуациях. Вот и думаю: сколько трудностей необходимо преодолеть, испытать, чтобы осознать великую ценность семьи. Мне кажется, что у нас с Виктором Петровичем Астафьевым есть схожие моменты в жизни... Надеюсь, что когда-нибудь я все осознаю и прощу своих родителей, но это будет тогда, когда заживут душевные раны... Пока еще живет обида, боль...

У Виктора Петровича Астафьева, как и у меня, не было семьи в обычном понимании – родители и дети, но зато у него были его любимые бабушка и дедушка, которые заменили ему маму и папу (отец был у Виктора Петровича, но при чтении произведений я чувствовала, что Витю не совсем желают видеть в новой семье отца. Вите психологически тяжело, но он сильный, он уходит, не хочет быть обузой, ему и надо-то только, чтобы его любили).

Теперь у меня в жизни тоже есть такие люди, которые заменили мне моих родителей (хотя, как у Астафьева, они живы, но им не до нас...) Виктор Астафьев очень любил свою бабушку. И по его рассказам видно, что бабушка его тоже очень любила. О детстве, проведенном с бабушкой Катериной Петровной, у писателя остались только светлые воспоминания. Катерина Петровна была доброй и требовательной, заботливой и строгой. Она заботилась о своем внуке, отдавая ему самый лучший кусок. А вот пример бабушкиной заботы и тепла, искреннего переживания: «Студеный-то какой! И ноги мокрушие! Опять болеть будут. Бабушка подоткнула под меня одеяло, погладила по голове». В другом рассказе читаю: «Во время половодья я заболел малярией, или, как ее по Сибири называют, веснухой. Бабушка шептала молитву от всех скорбей и недугов, брызгала меня святой водой, травами пользовала до того, что меня начало рвать, из города порошки привозили – не помогло. Тогда бабушка увела меня вверх по Фокинской речке, до сухой росохи, нашла там толстую осину, поклонилась ей и стала молиться, а я три раза повторил заученный от нее наговор: «Осина, осина, возьми мою дрожалку-трясину, дай мне леготу», – и перевязал осину своим пояском. Все было напрасно, болезнь меня не оставила».

Всего, что сделала бабушка для своего внука, наверно, трудно перечислить и переоценить. Но так понятны мне и близки размышления, желание увидеть и обнять родного человека – бабушку Виктора Петровича в рассказе «Последний поклон»: «Задами я пробрался к нашему дому. Мне хотелось первой встретить бабушку, и оттого я не пошел улицей». После смерти бабушки Виктор Астафьев не мог себе простить, что не выполнил просьбу бабушки Катерины Петровны, наказывавшей ему, чтоб именно он закрыл ей глаза, когда она умрет. Но мне кажется, что Катерина Петровна не держала на внука обиду, что он не мог выполнить ее просьбу, ведь она его бесконечно любила. Астафьев признается и страдает: «Я знаю, бабушка простила бы меня. Она

всегда и все мне прощала. Но ее нет. И никогда не будет. И некому прощать...»

«Бабушка была для меня отцом и матерью – всем, что есть на этом свете дорогого для меня!» И далее: «Я еще не осознал тогда всю огромность потери, постигшей меня. Случилось это теперь, я бы ползком добрался от Урала до Сибири, чтобы закрыть бабушки глаза, отдать ей последний поклон».

*Анастасия Лусевич
Руководитель А. А. Печур*

«Жажда жизни рождает стойкость...»

*Война превращает в диких зверей людей,
рожденных, чтобы жить братьями.*
Вольтер

Виктор Астафьев – это писатель, прошедший войну и живший с этими воспоминаниями в мирное время. Он через себя пропустил все ее ужасы, увидел ее умение лишать людей человеческого, превращать их в злых и бездушных существ. Именно от этого писателя пытается предостеречь нас в своих произведениях. Показать, насколько это ужасно. Неправильно. Нелогично. Несправедливо. Одно из таких произведений – современная пастораль «Пастух и пастушка». Именно она всем своим содержанием, каждой строчкой доказывает, что пусть война, пусть страшно и сложно, но нужно оставаться человеком, сочувствовать друг другу, помогать. Ничто не должно искоренить в нас то, что отличает от животных, то, что делает нас людьми.

«Бой» – первая глава. С чего она начинается? Два предложения. Но как много в них сказано: «И под ногами качалась, дрожала, шевелилась растревоженно земля вместе со снегом, с людьми, приникшими к ней грудью». Земля, наша кормилица, матушка, как страдает она вместе со своими детьми! С детьми, которых вырастила, выкормила и теперь вот прижимает, умирающих, к груди.

Несколько раз в своей пасторали Астафьев обращается к образу природы, земли-матушки, земли-кормилицы. Для автора она живая. Она все понимает, все чувствует... Но природа у Астафьева также слита с войной. Она воспринимается через призму войны. Вот «подрост-вишенник или терновые кусты – клубится немymi и

тоже угольно-черными взрывами». Вот звезды на небе, которые «расколоты, рассыпаны». Вот «луна, мутная, тоже как будто издолбленная осколками».

Уже в госпитале Борис понимает, что природа «вечна, а он мимолетный гость на ней». Мужичонка в санпоезде радуется весне, грачу, земле... А Борис этого уже не чувствует. «А может в самом воскресении уже и есть счастье?» Но очерствела душа. Хочется ей только покоя, а воскреснуть, возродиться вместе с природой она уже не может.

Война – это то, что идет вразрез со всем живым. Война – это испытание человека на прочность. Война – это испытание на звание быть и являться человеком. Как не потерять душу человеческую в нечеловеческих условиях? И как жить, если смысл жизни уже потерян? «Жажда жизни рождает неслыханную стойкость – человек может перебороть неволю, голод, увечье, смерть, поднять тяжесть выше сил своих. Но если ее нет, тогда все, тогда, значит, остался от человека мешок с костями». Земля и природа, которая «на сносях, готовится рожать», здесь как бы противопоставляется людям. Весна... Природа снова радуется жизни, снова готова дать жизнь всему живому. А люди... Люди так не могут. Не может Борис, не может Мохнаков, не может Люся... Поэтому и уходят они из жизни. Поэтому и забирает их к себе матушка земля, чтобы, напитавшись их человечностью, дать жизнь другим. «Корни жилистых степных трав и цветов ползли в глубь земли, нащупывали мертвое тело, уверенно оплетали его, росли из него и цвели над ним».

Истинное нутро человека проявляется только в условиях каких-то сильных переживаний. И именно в таких ситуациях происходит переоценка ценностей. Мы начинаем что-то по-настоящему ценить, только едва это не потеряв. Об этом же рассуждает Астафьев, вкладывая эту мысль в уста Бориса: «Оказывается, жизнь его была полна радостями, она просто из сплошных радостей и состояла. Но неужели надо на войне побывать, чтобы узнать об этом?!»

«За давно не топленной, но все же угарно пахнувшей баней, возле картофельной ямы, лежали убитые старик и старуха... Они лежали, прикрывая друг друга. Старуха спрятала лицо под мышку старику... Хведор Хвомич пробовал разнять руки пастуха и пастушки, да не смог и сказал, что так тому и быть, так даже лучше – вместе на веки вечные... Зарыли безвестных стариков, бугорок лопатами прихлопали, кто-то из солдат сказал, что могила

весной просядет, а Хведор Хвомич заверил, что как соберутся все селяне «до хутора», то и перехоронят старика со старухой.»

Зачем Астафьев рассказывает нам про неизвестных пастуха и пастушку? Почему от этой картины «звереют», казалось много что повидавшие бойцы? «Не могу... Не могу видеть убитых стариков и детей – тихо уронил подошедший Филькин. – Солдату вроде как положено, а перед детьми и стариками...» Почему именно их образ преследует Бориса всю жизнь? «Он плакал сухими слезами о старике и старухе, которых закопали в огороде. Лиц пастуха и пастушки он уже не помнил, и выходило: похожи они на мать, на отца, на всех людей, которых он знал когда-то...»

Обычные солдаты склонили головы перед этими людьми. Простыми, прошедшими через многое в своей жизни и не потерявшими в ней самого главного – любви и души. И это понимают солдаты, перед этим и преклоняются. Этому отдают дань. А Борис... Борис страдает, что уж никогда ему не быть в последнюю минуту своей жизни рядом со своей любимой. И также хорошо он понимает, что что-то самое главное важное и нужное он на этой войне утратил.

«В темном углу сеней слышалась возня, хрипел кто-то задущенно и слышался срывающийся голос: «Не нужно! Да не надо же! Да что вы?! Товарищ старшина... Товарищ старшина...»

– Мохнаков!

– Вот что, Мохнаков! Если ты... Я тебя убью! Пристрелю. Понял?»

Еще одна ситуация, доказывающая, что хоть война, хоть мир, но мы не должны вести себя как дикие бездушные существа. Именно поэтому Борис останавливает Мохнакова в его попытке надругаться над Люсей. Ведь неважно, какое время, старшина хотел сделать нечто ужасное, за что его нельзя было бы простить. И сам себе он никогда бы этого не простил. Но знакомимся мы со старшиной не в этом эпизоде. Знакомство с ним произошло ранее, в бою. И там он – настоящий солдат, достойно несущий свою службу. Так хороший или плохой Мохнаков?

Для ответа на этот вопрос Астафьев опять же избирает человеческие категории. «Я весь истратился на войну. Весь! Сердце истратил... Не жаль мне никого», – так говорит старшина о себе. Но при этом разрывает себя на части в буквальном смысле слова, ложась под танк с миной в сумке. Зачем? Чтобы просто умереть? Нет, чтобы и уход его был солдатским – уходом чести – за Родину. «В полевой сумке старшины, оставленной на НП, обнаружили

награды и записка командиру взвода. Просил его старшина позаботиться о жене и детях». Так исчезло ли в Мохнакове человеческое? Так ли истлела его душа? Нет. «Светлый ты парень! Почитаю я тебя. За то почитаю, чего сам не имею...» – говорит Мохнаков Борису. А может потому и почитает, что сам когда-то был таким же? Был, конечно, иначе по-другому отнесся бы он к Борису. Не осознавал ли Мохнаков, когда делал что-то отвратительное, что это ужасно? Все понимал, все про себя знал. Да и в целом, хорошим он был человеком. Только что-то перегорело, выключилось. Это же потом перегорит и в Борисе. Так кто же в этом виноват? – вот, наверное, самый важный вопрос, поднимающийся автором.

Ответ Астафьевым дан однозначный – виновата война! Это она заставляла людей делать то, что не надо. Думать так, как не надо. Привыкать к тому, к чему привыкать нельзя. «Страшнее привыкнуть к смерти, примириться с нею... Страшно, когда слово «смерть» делается обиходным, как слова: есть, пить, спать, любить».

Особенные строки в современной пасторали посвящены матерям. Вся душевная боль, все то, о чем думали все матери, читаем в письме мамы Бориса. И неизвестно, чей подвиг был выше: детей ли, отправленных на гибель, или женщин, ежесекундно переживающих эти смерти в своих сердцах. И перед этим подвигом тоже склоняет голову автор. Склоняем голову и мы... «Матери, матери! Зачем вы покорились дикой человеческой памяти, примирились с насилием и смертью? Ведь больше всех, мужественней всех страдаете вы в своем первобытном одиночестве, в своей священной и звериной тоске по детям. Нельзя же тысячи лет очищаться страданием, откупаться им и надеяться на чудо. Бога нет! Веры нет. Над миром властвует смерть. Кто оплатит ваши муки? Чем оплатит? Когда? И на что нам-то надеяться, матери?»

Так и Борис, выросший в любви, сам легко поддается любви и всецело ей доверяет, тем самым сохраняя в себе человека. «Не отдаляйтесь от людей и принимайте мир таким, каков он есть, иначе вас раздавит одиночество. Оно страшнее войны». Совершенно правильный диагноз ставит врач Борису, но диагноз запоздалый: «...Душа и тело выболели, устали».

Как жаль, что тем людям, которые действительно достойны носить высокое звание – Человек, не удалось просто жить и просто быть счастливыми. Как жаль, что остались они одни – посреди России. Одни. Но как их много...

Наталья Мальцева
Руководитель В. Е. Овчинникова

«Кто задул лампаду нашего сознания?»

Виски, вино, водка, пиво... Алкогольные напитки в XXI веке прочно вошли в обиход. А все начиналось еще с греческой хмельной браги и римского виноградного вина. Пьянство процветало, а за ним следовали его неизменные спутники: разврат, преступления, тяжелые болезни. Многие писатели стали поднимать тему алкоголизма и его пагубного влияния. Одним из них был Виктор Петрович Астафьев. Этот писатель уникален тем, что его перу послушно описание любой стороны жизни. Такая энциклопедичность не взята из книжек, это его жизненная энциклопедия. На протяжении всего творческого пути Виктор Петрович создает почти монументальные образы крестьянина, солдата, русской женщины.... Одним словом, образ чистой русской души человека, человека-созидателя и творца.

В тоже время он с болью подмечает и слабые стороны людей. Подмечает все нарастающую бездуховность общества. В рассказе «Слепой рыбак» писатель спрашивает: «Что с нами стало? Кто и за что вверг нас в пучину зла и бед? Кто задул лампаду нашего сознания?»

На мучившие его вопросы Виктор Петрович отвечает своими произведениями. Зачастую «лампаду нашего сознания» заливают алкоголь. Не случайно в произведениях как раннего, а особенно позднего Астафьева на многих страницах бесчинствуют пьяные герои.

Можно с горькой улыбкой прочитать пьяную историю Левонтьевской семьи. Горе-отец давал «пир горой» семье один раз в 10 или 15 дней. Накормив многочисленное семейство до отвала, поздно вечером или ночью «Левонтий бил остатки стекол в окнах, ругался, гремел, плакал». «На следующее утро он осколками стекла стеклил окна, ремонтировал скамейки, стол... Тетка Васеня (жена Левонтия) дня через три-четыре снова занимала до получения денег, муки, картошек – чего придется...»

Словами бабушки, которая долго поносила Левонтия, писатель дает характеристику заброшенного хозяйства непутевого хозяина: у дома их не было забора, ворот, наличников, «...даже бани у деда Левонтия не было, и они мылись по соседям».

Другими красками описывает Виктор Петрович семью Павла Яковлевича в рассказе «Бурундук на кресте». «Межеумки, драчуны, гуляки и бездельники... не успели пропить мельницу прадеда». На мельнице круглый год шла гулянка. «Мололи мужики иной раз по неделе, с мельницы являлись чуть живы, пропившиеся...» Писатель смотрит на этих пьяных глазами 11-летнего ребенка. Страх и отчаяние, главное необратимость можно прочесть в глазах мальчика. Вот пришел закадычный папин друг и собутыльник Шимка Вершков, и «пошло целование, слезы, разговоры, песни и пляски».

Через некоторое время родители «готовились гулять отвальную», к вечеру «гулянка была в самом распале: папа плясал, мачеха с подвывом смеялась», «вякала гармошка».

Прямо со знанием врача-физиолога наблюдает Астафьев со своим маленьким героем за состоянием пьяного человека: «Перебрав, папа, как всегда, долго не сдавался сну, сидел под лампой у окна, курил, рассуждал сам с собою вслух». «Папа был пьян еще и сердит». А на утро «мачеха вылезла из узлов, косматая, недовольная, широко зевая, шарясь пятерней в волосах...»

В ранних рассказах эпизоды выпивки не вызывают остро отрицательного отношения. Дедушка с «четушкой» после продолжительных полевых работ, дядя Филипп – судовой механик, выпивший стопочку, многочисленная родня на празднике у бабушки, принявшая горячительное для веселья, воспринимаются легко как часть разнообразия жизни. Редкие минуты расслабления не мешают героям быть добрыми, интересными, щедрыми, не мешают созидать.

В более поздних рассказах пьяный человек зачастую показан разрушителем. В рассказе «Яшка-лось» затянувшаяся весна отодвинула время ледосхода и отрезала село от другого берега. Вот и «...бедовали селяне праздник без вина», потому что брагу и самогонку «прикончили давно».

Из сельчан автор выделил фигуру бригадира. Тот не слезал с коня, так как в войну у него были перебиты обе ноги, но замечателен был тем, что «пил каждый день... и бабы из заречной бригады и теперь пугались его трезвого...» На его примере автор показывает, как страшно и непредсказуемо поведение человека, желающего выпить! В эти минуты в него будто вселяется бес: «Бригадир, осатанелый от трезвости, лупил кнутом Яшку, и жену, и детей...»

Печален итог поведения разбушевавшегося человека. Он гонит на коне по тонкому льду, губит коня и чудом спасается сам.

Но еще печальнее то, что во время весенней страды «бригадир снова пьяный, на другой уже лошади, ездил по полям заречным...»

Привычку к одурманиванию алкоголем можно встретить в рассказе «Слепой рыбак». Писатель показывает картину всеобщей деградации русской деревни. Бабы в ней забыли, «как и что варить, разучились стряпать и ткать, шить и молиться». Зато все «люто матерились и смекали «средствия» на выпивку».

Потребностям людей, как нельзя кстати, отвечают социальные условия. По весне в деревню привозят серый хлеб, вроде блокадного, другие продукты, которые в пищу употреблять невозможно, зато «сверх всего козырный сладостный товар – бормотуха. Бормотуха, отбивающая «почки, печенки и селезенки», уродует человека физически и нравственно. После принятого спиртного люди становятся без повода злыми, равнодушными к себе и близким. Их не радует ни весна, ни солнце.

Чем больше читаешь рассказы Астафьева, тем больше убеждаешься, что писатель видит в пагубной привычке огромную разрушительную силу, так как пьют, кажется, уже все.

Грустная история из короткой жизни Кольки Чугунова представлена Астафьевым в рассказе «Жестокие романсы». Офицером в артиллерии Колька служил недолго. Искалеченного, его отправили домой в тыл, где он «пил с родителями беспробудно». Таким образом пропил и совесть, и честь. И, наконец, собрав вокруг себя местную шпану, держал в страхе всю округу, «все больше наглед и лютел».

Безнаказанность Кольки и ему подобных подогревалась самогоном. «В барачную плиту хитро был вделан самогонный аппарат. Ничего не видать, никаких трубок, лишь котел наруже, в нем беспрестанно что-то кипит и клокочет». И варево в аппарате, и эпизоды из жизни Кольки, и окружающее его создают картину всеобщего бурлящего котлована, от которого трудно уберечься. Естественно, что гибель ждет Кольку Дзыка в отдаленном от людей подобном котловане, где «черными гроздьями висело воронье».

Молодые и старые, мужчины и женщины заражены коварной привычкой в романе «Печальный детектив». Образы бабки Тутышихи и Урны очень правдоподобны и часто встречаются в русской действительности. Они современны, как сама нынешняя эпоха. Вот поэтому, наверное, автор подчеркнул, что бабка Тутышиха, казалось, «что жила тут вечно, никуда не уезжала и ниоткуда не возникла». Еще будучи буфетчицей при железнодоро-

рожной станции, пристрастилась она к вину и мужскому полу, вскоре сделала растрату и попала в колонию.

По выходе из колонии уже долгая езда в вагоне томила ее, и жизнь манила соблазнами. Спешить Зое было некуда. В поисках жилья и тепла она набрела на будку путеобходчика Адама Зудина. В ней прижилась, родила сына. Но вольная жизнь слишком влекла ее, и когда Игорь поступил в железнодорожное училище, «запирovala с прежней силой».

Возникнув из ниоткуда, бабка Зоя давно и долго жила в восьмиквартирном доме. «Была бабка Зоя страшная сквернословка и любила выпить. Подвыпивши, пела частушки...» Скоро все в поселке забыли ее настоящее имя и просто называли ее Тутышихой. Женщина не только потеряла свое имя, она как будто слилась с бутылкой навсегда. Даже смерть одолела ее в пьяном угаре: «лежала она на кровати поверх одеяла, в верхней одежде», а рядом была «керамическая бутылка из-под «Бальзама рижского», «пользительного питья».

Люди, которые принимают в больших количествах алкоголь, теряют разум, стыд, совесть... человечность! Я боюсь таких людей, да они уже и не люди, в них больше преобладают животные повадки.

Такова ситуация с тетей Граней в «Печальном детективе». Знаете, у меня сердце сжималось, когда читала. Четыре молодых парня изнасиловали пожилую женщину. А потом «все четверо плакали в голос на следствии, просили их простить». И знаете, автор не пишет о том, что кто-то из них пытался извиниться перед тетей Граней, все они беспокоились за свою участь. Астафьев пишет, что судья «ввалила трем сладострастникам по 8 лет строгого режима», а вот «четвертый все свалил на собутыльников и сумел ускользнуть от возмездия».

И все-таки есть в наше время борцы с разрушительной силой алкоголя, молодые радители за лечение общества. Газета «Комсомольская правда» рассказала об Ярославле Тиховодове из Нижнего Новгорода, который обратился за помощью... к Богу. В семье, где отец искал утешение на дне бутылки, а мать разрывалась между работой и хозяйством, Ярослав рано задумался о смысле жизни. Еще в начальных классах он начал оклеивать заброшенный вагончик картинками с ликами святых. Потом на сэкономленные от завтраков деньги покупал настоящие иконы и молился. Молился о людях, а главное о том, чтобы папе простили

его грехи, и он бросил пить! Когда мальчику исполнилось 14 лет, он задумал возвести храм на пустыре у дома. Вскоре появился маленький храм: с аналоем, с настоящими иконами на стенах, с духовной литературой. «Вы не представляете, как счастлив был Ярик: его папаша взялся за строительство, пить перестал! Бог услышал его молитвы!» – плача от радости, рассказывала мать мальчика.

Эти случаи, конечно, особые, но поучительные. Значит, можно и надо бороться хотя бы за одного человека. Значит, нужно бороться, так как алкогольный огонь в нашей стране не потушен. Ведь об этом думал и писал В. П. Астафьев.

Писатель до конца дней болел душой за потерянное общество. И думается, что до конца дней верил в перемены «...все наши болезни вылезли наружу, и нам дан шанс их увидеть и понять.»

Мария Линкова
Руководитель Н. И. Казанцева

Спешите делать добро

Прочитав сборник В. Астафьева «Затеси», я задумалась над тем, что же их объединяет. Писатель обращает наше внимание на такую сторону жизни как мораль, отношения людей друг к другу. Об этом писали и пишут очень много, но Астафьев, как мне кажется, выразил огромную душевную боль человека, уже прожившего жизнь. Он многое испытал, перетерпел, увидел и мог сравнить: как было раньше и как теперь.

Мне же, живущей сегодня, удивительны поступки астафьевских героев. Например, из рассказов о войне и ее тяготах: «Рукою согретый хлеб» и «Макаронина». Писателя волновали милосердие и бескорыстная человеческая помощь. Автору на всю жизнь запомнился поступок человека, поделившегося с ним куском согретого в ладонях хлеба, а также история с простой макароной из солдатского супа. «Я не забыл случайного напарника по котелку и не забыл на ходу преподанного урока, может, самого справедливого, самого нравственного из всех уроков».

Главный смысл этих воспоминаний в том, что даже в очень тяжелых условиях жизни есть место милосердию, истинно гуманным отношениям.

В наше благополучное время, хотя люди и не голодают, каждый думает прежде всего о себе. Сегодня считается нормальным не интересоваться чужими проблемами, как говорят «не грузить» себя этим, особенно если тебя не просят. А если хочешь кому-то помочь, то сначала узнай, нужна ли ему эта помощь. Даже родственники живут по такому принципу.

Страшная история описана В. Астафьевым в маленьком рассказе «Записка». Сын оставляет на вокзале свою мать с запиской в кармане: «На прокорм легка, хотя и объесть может. Но не зловердна». Сыну не нужна в квартире неграмотная деревенская женщина. Случай страшен цинизмом и жестокостью самого близкого человека. К сожалению, подобные случаи происходят и сейчас. Мы видим на улицах нищих стариков и старух, которые собирают пустые бутылки, роются в мусорных баках, просят денег у прохожих. Кто знает, не лежат ли в их карманах подобные записки, ведь эти люди, скорее всего, чьи-то отцы и матери.

Великодушные люди должны быть положительными героями. На таких примерах должны воспитываться и дети, чтобы не случалась такая беда, которая описана Астафьевым в рассказе «Дуда». Пионеры подожгли пустую избу в заброшенной деревне, а ветер разнес пламя, и сгорела половина села. Больно и стыдно читать: «Да что им, нашим многообразным деткам, чьи-то жилища – это все чужое». Автору не хочется смотреть на сожженную деревушку, на заросшее бурьяном поле – на раздавленную страну под названием «Русь».

В нашей стране уничтожено и духовное наследие. Сколько церквей, храмов и монастырей было разрушено. В рассказе «Видение» Астафьев заставляет читателей почувствовать глубокое сожаление о загубленной красоте. Перед рыбаками из тумана возникает видение-храм Спас-камень, легкий, белый, сказочно прекрасный. Его взорвали в тридцатых годах для строительных нужд колхоза, но кирпича не взяли, так как получилась только груда развалин. У писателя дух захватывало от видения, а товарищ его угрюмо сказал: «Такой был, что и словами не перескажешь. Чудо, созданное руками и умом человеческим». Я считаю, если люди осмеливаются поднять руку на красоту, значит, они не способны ценить и понимать того, что могло бы дать им приобщение к культуре.

У Астафьева есть удивительная героиня – Паруня, как ее звали в селе. Всю свою жизнь эта женщина, не имевшая семьи, помогала

другим людям и ничего не требовала взамен. Паруня была всегда «первой в работе, любой, особенно которая потяжелее»: копать, косить, убирать в огородах. Во время войны чувствовала себя в долгу перед всеми, ведь ни мужа, ни сына на фронте у нее не было. А паек свой отдавала в семью брата, куда ее даже не пускали. Но Паруня жила, не обижаясь на людей и редко жалуясь на болезни. Вот этому и удивляешься. Писатель видел эту женщину счастливой во время такой «легкой» работы, как покос, долго любовался ею. Почему же так? Автор сделал вывод: «общение с природой, родство с нею, труд во имя нее, есть древняя неизменная, самая, быть может, надежная радость в жизни человека». Таких людей часто не замечают, но когда они уходят из жизни, то после них людям плохо, приходит какая-то пустота. Невеселые рассказы Астафьева отражают нашу безрадостную жизнь. А радость появится, если будет добро, как в жизни Паруни. Она бескорыстно помогала всем, облегчала им жизнь, не завидовала и не злилась.

Все хотят, чтобы к ним проявляли доброту, но ее сейчас почти нет. А так не должно быть. Вот об этом говорит нам Виктор Петрович Астафьев в своих удивительных проникновенных затеях.

Эльвира Коняева

Руководитель Л. В. Коняева

Мера оценки поступков – человеческая душа

Делать людям хорошее – хорошесть самому.

Л. Татьяничева

В одной из миниатюр, а точнее «Чтобы боль каждого...», В. П. Астафьев рассказывает о местечке Гелати, что расположено в глубине Грузии. Здесь стоит древний собор, воздвигнутый еще Давидом-строителем в далекие времена. Собор был темен от копоти. С высокого купола по стенам собора скатывались тяжелые серые подтеки. В разрывах черной копоти виднелись клочки фресок. Автор объясняет, что по дикому обычаю завоеватели монголы в каждой православной церкви устраивали конюшни и разводили костры. Но царь Давид строил собор на века, и меж кровлей купола, по велению Давида, была налита прослойка свинца. От монгольских костров свинец расплавился, и потоки его обрушились

на головы иноземных завоевателей. Они бежали из Гелати в панике, считая, что их карающим дождем облил православный бог.

О чем нам говорит «мудрая печаль нетленных слов»: «Пусть каждый входящий в этот храм наступит на мое сердце, чтобы слышал я боль его...»? Что можно сказать о человеке, так настойчиво задающего себе вопросы: «Все ли сделал для счастья других? Всегда ли был честен перед собой? Не рвал ли хлеб изо рта близких? Не оттирал ли с дороги локтями слабых?»

В прозе В. П. Астафьева я нашла размышление о нашей жизни, о назначении человека на земле и в обществе и его нравственных устоях. Предлагаю заглянуть в повесть и понять, что там происходит...

Место действия – Краесветск, Детский дом. По разным причинам оказались в нем дети. Ребята совершают преступление: они крадут деньги из кассы бани. Кассирша находится под следствием, а двое ее детей отправляются в детдом. Затем усилиями Толи Мазова и других ребят деньги были возвращены. Мать детей на свободе.

Обращение В. П. Астафьева к теме детства не случайно. Валериан Иванович Репнин – заведующий Детским домом в разговоре со Ступинским привел слова великого немецкого поэта: «Если мир расколется – трещина прежде всего пройдет по душе поэта». А затем добавил еще от себя: «А я думаю: прежде всего пройдет она по судьбам детей». Как понять эти слова и справедливы ли они? Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним, как оказались дети в детдоме, какова их судьба? Гошка Воробьев, Саша Рагулин, Галя Косовая, Борька Клин, Толя Мазов, Зина Кондакова. У каждого ребенка своя судьба, свой путь в Детский дом, всех их бросили по разным причинам.

Совершена кража. Почему именно Толя Мазов решает вернуть деньги? Какая сила помогла стать Толе Мазову против властного и почти готового убийцы Деменкова? Ответ прост. Помогли подростку добрые люди, которые его окружали: комендант города Ступинский, зав. детдомом Репнин, кочегар Ибрагим, профсоюзный дядька Махнев, т. Уля, сами ребята, которые объединились вокруг Толи Мазова, и книги, которые он прочитал. А какую победу еще одержал Толя? – задаю я себе этот вопрос и начинаю размышлять. Не столько Деменкова одолел, сколько душу вывел из потерянности и сомнения.

После признания Репину: «Я, может, никого так в жизни не

уважал, как вас» Толя Мазов с удивлением видит: «... каким застенчивым сделался Валериан Иванович, когда ... сказал ему про уважение, как покраснел этот тяжеловатый, насупленный человек, как засуетился, отыскивая очки в кармане ...» «Толе было неловко и в то же время приятно, что решился сказать такое Валериану Ивановичу. Сказал и ровно бы невесть какую работу важную сделал или дал кому-то подарок. И лицо побитое уже меньше болело. И вообще стало легче как-то, уютней на душе, и мысли ровнее пошли. Каким-то далеким, отмякшим проблеском сознания, еще не склеенным сном, Толя отметил: «Вот это, видать, и есть счастье: не болеешь, теплынь под одеялом, и о деньгах можно не думать». Много ли человеку надо?...

Почему повесть называется «Кража»? (Не потому ли, что украли не только деньги, но украли мать у детей, у детей – детство и т. д.) Что же является для писателя мерой оценки человеческих поступков? Мне думается, что мерой оценки становится человеческая душа. Если она, душа, светлая, то и поступки у человека добрые, а если – темная, то не жди от такого человека добра, обходи его стороной. Это я испытала на себе, когда начала разбираться в людях. Я поняла, что нужно помогать тем, кто нуждается в помощи, любить себя, свою семью, людей, которые живут рядом со мной и, конечно, же свою милую родину. Много ли человеку надо, чтобы его любили и понимали...

Спешите, торопитесь, не опаздывайте с любовью к живым, им помогайте преодолеть заботы бесконечно текущих дней. Ведь это так важно и так просто...

Дмитрий Устинов
Руководитель Е. В. Попкова

Понять – простить

Если смотреть поверхностно, то человеку нужно немного – это еда, вода, одежда, сон, воздух. Назовем это «необходимыми земными ценностями». Однако, если мы взглянем глубже, то поймем, что наша жизнь становится ярче благодаря другому: есть друзья, которые поддерживают нас в трудных ситуациях или делят с нами радость побед; родные, которые всегда поймут и помогут; наконец, это те, кого мы любим.

Некоторым людям важно внимание и мнение окружающих, других волнует только их семья и ее благополучие, третьи живут исключительно для себя, не слушая никого. Однако, как бы ни старался показать себя человек, его в той или иной степени волнует, что о нем скажут. И, конечно, каждый бы хотел услышать о себе хорошее. Но чтобы к тебе хорошо относились, нужно научиться правильно вести себя в обществе. К сожалению, не у каждого это получается, а когда у нас что-то не выходит, мы пытаемся найти того, кто в этом виноват. Как правило, виновником становится человек, который нам больше всех неприятен. Мне кажется, что это порождает в людях такие негативные качества как зависть, ненависть, цинизм, коварство. К сожалению, этот список можно продолжить.

Некоторые люди, не сумев забыть старые обиды, живут прошлым. Я лично сталкивался с такими: они становятся замкнутыми, в глазах – злоба. Их можно сравнить с дикими животными, которые, однажды пострадав от человека, опасаются всю оставшуюся жизнь. Я уже понял, что нужно научиться прощать обиды, тогда жизнь станет намного проще.

Человек, чтобы быть счастливым, должен чувствовать, что он кому-то нужен, что его кто-то любит и ждет.

Прочитав повесть Виктора Астафьева «Пастух и пастушка» (автор определяет ее как современную пастораль), я задумался о том, что больше всего было необходимо человеку в военное время, какими гражданскими ценностями дорожили его герои. Если задуматься, то главной задачей на фронте было выжить в этом «аду», когда люди с той и с другой стороны переставали быть людьми: «...темная масса людей с кашлем, криком и визгом ринулась... на траншею, навалилась, завязла...»; старшина «рубил лопатой, стрелял и отбрасывал что-то с пути»; немец «с визгом, по-собачьи, вцепился в него, и они клубком покатались в траншею, где копошились раненые, бросаясь друг на друга, воя от боли и слепой ярости». Ненавистные фашисты напоминали вурдалаков-нежитей; солдатские головы похожи на грязную немытую картошку в снегу... И в этих условиях надо было остаться человеком!

Остаться человеком: что это значит? На фронте, по-моему, – это слаженно жить среди однополчан, не доносить на своих, доверять и вообще суметь сохранить в душе доброту, честность, порядочность. Ведь когда есть кому доверять, неважно где – на фронте или в тылу – остаться человеком намного легче. На войне не все

могут сохранить в себе эти качества, так как они видят смерть почти каждый день и сами убивают, убивают и убивают! Поэтому война не только убивает людей физически – она сжигает их души!

Не всем героям повести удалось сохранить в себе человека. Да это и не удивительно. Лейтенанту Борису Костяеву это удалось. Молодой офицер Красной Армии, который сразу после военного училища попал на фронт, встретил будущих братьев по оружию, он был еще юношей, который поначалу представлял себе войну, как место, где он будет совершать подвиги.

Борис рвался в бой и с нетерпением ждал того момента, когда он по-настоящему смог бы проявить себя. После очередного ожесточенного боя отряд во главе с главным героем останавливается на ночлег в незнакомом хуторе, в котором еще пару дней назад хозяйничали немцы. Отряд останавливается в избе, в которой живет молодая женщина по имени Люся. Озверевшие от боя солдаты долго не могли прийти в себя: бой будто заражал людей слепой яростью, когда неважно, кого ты убиваешь, – своего или чужого, женщину или врага...

Конечно, я не имею права осуждать никого из них, всех их я должен понять. Однако как хорошо, что остались среди них искренние, не потерявшие человеческого облика люди! Одним из них был Борис. Он не просто «положительный герой» – он благородный. Возможно, что это благородство ему заложили в детстве, так как его родители были интеллигентными людьми и имели в родстве «дворянскую кровь». Поэтому для Бориса моральные ценности всегда значили очень много: способность к дружбе, доверию, любви, к трепетному отношению к женщине... Постепенно он осознает, что война совсем не такая, как он себе ее представлял. На войне люди теряют себя, становятся злыми, жестокими... а порой даже хитрыми и трусливыми.

Однако Борису удастся сохранить в себе человека, несмотря ни на что. Глядя на него, и другие старались не забывать, что они – люди. В отряде Бориса было несколько человек: старшина Мохнаков; мальчишка по кличке Шкалик; два алтайца-родственника, Карышев и Малышев, которые трогательно берегут друг друга на войне.

После того, как солдаты возвратились после боя в избу, они пьют самогон. Я думаю, что так они пытались забыть все, что произошло там, в этом пекле, после которого можно сойти с ума. Этого не представить, если сам не пережил того, что пережили они, – те, кто отдал жизнь за наше благополучие и свободу. И вот, когда сол-

даты изрядно подпили, старшина стал приставать к хозяйке дома. (Старшина вообще не славился порядочностью, хотя в бою ему не было равных.) Увидев это, взводный, не мешкая, прекратил надругательство.

Именно такими поступками Борис пытался сохранить в себе и в окружающих его людях человечность. Может быть, за такой юношеский максимализм его и любили?

Люся была очень благодарна Борису за заступничество и даже решила постирать его вещи. А еще хозяйка предложила Борису лечь спать на настоящей кровати, в отдельной комнате. Лейтенант, осознавая, что он очень грязный, грязный настолько, что его одежда срослась с кожей, пытается лечь на скамью. Люся, можно сказать, заставила лейтенанта вымыться, приготовив его вещи к стирке. В их общении появляется неожиданная симпатия. Постепенно, когда они лучше узнают друг друга, их чувство перерастает в более глубокое. Когда они остаются наедине, то им вдруг кажется, будто война не касается их, она где-то там, далеко: вспоминали свое детство, когда они просто жили и радовались жизни. Даже когда заканчивались слова, они молча смотрели друг на друга, «и ничего им больше не хотелось: ни говорить, ни думать... только испытывать неведомое блаженство, от которого душа делалась мягкой, податливой.»

Когда вдруг пришло время отправляться дальше, Люся сначала обижается на Бориса, (он и сам ведет себя так, как будто в чем-то провинился). Однако позже Люся понимает, что он простой солдат, который выполняет приказ. Она бросается к грузовику, в котором сидят солдаты, ночевавшие в ее избе. Люся, провожая, наставляет беречь себя, беречь командира, просит не давать пить Шкалику. Лишь когда грузовик уезжает, Люся и Борис вспоминают, что не знают адресов, куда писать и отправлять письма друг другу.

Со временем, когда половину тех, кто был в отряде, убило, Борис и сам получает ранение в плечо, он отправляется в санбат. Идет пешком, и Шкалик, который очень уважает и даже любит командира, находит повозку, догоняет его и везет в санбат. Однако происходит ужасное, но такое обыденное на войне: повозка цепляет мину. Даже раненый, в полуобморочном состоянии, Борис, стоя в очереди к врачу, пропускает вперед тех раненых, которым, по его мнению, помощь нужнее.

В медчасти Борису делают операцию, и, по прогнозам врачей, он должен выздороветь за три недели. Однако этого не происхо-

дит. Борис погружается в глубочайшую депрессию. Он чувствует, как в нем угасает то, что называется человечностью, привыкает к мысли о возможной смерти.

Так называемые врачи, к которым попал Борис, относятся к раненым солдатам так, будто это рабы, с которыми они могут сделать все, что угодно. Такое незаслуженное к себе отношение угнетало Бориса, исчезало само желание выздороветь, иссякали силы.

Борис погибает как достойный человек, как солдат, несмотря на то, что смерть настигла его не в бою. Такие люди все меньше встречаются в жизни, чаще – в книжках и фильмах. Но о них нужно знать для того, чтобы мы видели, как можно прожить, пускай недолгую, но прекрасную жизнь.

Не могу не рассказать еще об одном герое. Шкалик – самый молодой боец в отряде. Я захотел написать об этом персонаже более подробно, потому что нашел некоторое сходство между Шкаликом и собой: он почти мой ровесник и тоже родом с Урала. Мне стало интересно, как справлялся с трудностями того времени этот мальчишка и смог ли бы справиться я. Шкалик был подростком, который «прибавил себе два года, чтобы поступить в ремесленное училище и получать бесплатное пропитание, а его в армию забрали». Раньше война казалась ему не такой, какой она была там, на фронте – жестокая, беспощадная, кровопролитная. Может, он представлял, начитавшись военных книжек, что будет совершать подвиги. Однако то, что на войне можно запросто погибнуть, знали все. Я думаю, что немногие в таком возрасте смогут перенести то, что ему приходилось переживать день за днем. Хотя этот мальчишка еще не стал хорошим бойцом, он из всех сил хотел быть полезным. Именно эта готовность помочь своим и стала причиной смерти юного солдата. Любя своего лейтенанта, он находит повозку, на которой везет Бориса в санбат. И теряет бдительность... Возможно, если бы не эта мина, он прожил бы долгую жизнь, однако смерть застала Шкалика не в бою, а здесь, за деревней, в совершенно незнакомом, ничем не примечательном месте.

Повесть «Пастух и пастушка» рассказывает и о том, что даже среди жестокости, подлости и лицемерия можно найти удивительных людей, за общение с которыми ты будешь благодарен судьбе всю жизнь. Удивительно, но я вдруг представил среди героев повести своего прадеда Устинова Василия Яковлевича, участника Великой Отечественной войны, которого я никогда не видел, но который сейчас стал мне и понятнее, и ближе.

Наталья Вербицкая
Руководитель М. В. Зайцева

Счастье – не награда за добродетель

Когда я переворачиваю страницы книг, множество видений переполняют меня. Я проживаю каждую строчку, каждую букву, могу разговаривать с персонажами, сидеть с ними рядом. Но это только сопереживания, повлиять на судьбу героев я не могу. Поэтому всегда трудно ставить прочитанное на полку.

Я прочитала произведения нашего земляка писателя В. П. Астафьева «Жизнь прожить» и «Пастух и Пастушка».

Сразу же начинаешь относиться к обычным вещам с большим интересом, находишь в простом волшебство и тайны, что-то прекрасное. Но что следует понимать под словом «прекрасное»? Я считаю, что-то непохожее, необычное, которое заставляет посмотреть на мир с другой стороны, в восхищении замереть и долго-долго думать об этом.

Любовь Ивана Тихоновича и Татьяны Финогеновны удивительна и прекрасна. Они трогательно заботятся друг о друге, сидя на заваulinке своего дома, нарядившись, болтая о пустяках, глядя на солнышко и горы, на проходящих людей, приветливо улыбаясь, наслаждаясь гармонией, царящей вокруг, гармонией, которую создавали они сами.

И я решила, что чувствовать и видеть прекрасное в обыденном – на такое способны добрые и отзывчивые люди (например, как старики этой повести). К этому надо стремиться, но не знаю как. Можно рисовать картины, можно рассказывать или писать книги, а можно просто оставаться Людьми: задумываться над своими поступками, временами делать остановки и размышлять об обычном, человеческом...

А много ли человеку надо? Может, только заваulinка и любовь? Ведь хватает этого героям Астафьева. И, кажется, они по-настоящему счастливы.

Каждая любовь особенна, необычна, даже порой безумна. История Люси и Бориса трагична: она говорит о том, любовь может победить смерть и войну, говорит о бесконечности жизни. Она рассказывает о тайне любви, жизни и смерти, о неразделимости радости и печали. Немногих часов их любви и отданных ей страниц Астафьеву хватило, чтобы описать переживания героев,

но оказалось мало для того, чтобы описать и раскрыть всечеловеческую тайну любви.

Задумываются ли люди в наше время о прекрасном и вечном, о чувствах и красоте? Сложно ответить. Мамуле-невестке, жадной до денег, для счастья нужен муж «хоть артист, хоть енерал» и богатство. Сыну Петруше — дружная любящая семья, как и внучке Клавочке. Люсе и Борису из «Пастуха и Пастушки», чтобы быть счастливыми, нужно быть рядом, вместе.

Что же тогдаечно? Скажет ли об этом тот ветер в степи, описанный в конце современной пасторали «Пастух и Пастушка»?

Эта нотка грусти произведений Виктора Петровича является частью неведомой тайны понимания глубокого смысла.

Кто не может найти счастье в пути, не найдет его и в конце дороги. Поэтому жалко немного невестку, она не понимает, что имеет.

«Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте делать добро! Счастья нет и не должно его быть, а если в жизни есть смысл и цель, то смысл этот и цель вовсе не в нашем счастье, а в чем-то более разумном и великом. Делайте добро!» — говорит герой Антона Павловича Чехова. Ведь счастье — это не награда за добродетель, а сама добродетель. Нужно делать добро другим, чтобы ощутить все радости жизни. А что еще человеку надо?..

В произведениях Виктора Петровича это называется человечностью, является главной мыслью.

Теперь я по-другому смотрю на мир. И искренне говорю «спасибо» В. П. Астафьеву за те новые знания и чувства, которые я пережила, читая его произведения.

Ольга Беляева
Руководитель Т. Н. Еремеева

Здравствуйте, Виктор Петрович!

Пишет Вам простая девчонка из села Лобаново Пермского района Пермского края. Я хочу сказать Вам большое, нет, огромное спасибо за то, что Вы написали такие замечательные откровенные рассказы. Они — правила жизни! Сколько в них силы правды, доброты, милосердия. Вы учите людей смотреть на мир открытыми глазами и радоваться каждой мелочи. Вы учите нас быть честными, совестливыми, умеющими приносить людям любовь и радость,

осуждаете отрицательных героев и на их примерах показываете, каким не должен быть порядочный человек.

Я уверена, что люди всех возрастов найдут в Ваших произведениях что-то важное для себя. Вы пишете с болью о России, сибирской деревне, о природе и любви. Мы вместе с Вами обдумываем старые и вечные вопросы о смысле жизни, о человеческом предназначении.

С какой любовью Вы восклицаете: «Сибирь! Родина моя! Далекое и вечно близкое детство, ночи у костра, пахнувшие летом, жарки, и песни куликов, и звон кузнечиков!» А дальше слышится призывный голос «Уймись и ты, тревожный человек, успокойся душа. Слушай! Внимай! Любуйся! В мире царствует благодать!» Читаешь рассказы и понимаешь, как болит у Вас душа от того, что «на пустынной российской дороге ни души, ни звука. Обмерла земля, унялось живое поле. Нет путников, нет машин».

Нельзя не заметить, что Ваше сердце, Виктор Петрович, всегда болело о родной деревне. «Родная моя деревня, а как же ты там? И люди, русские люди, как же они-то?» Этими строчками призываете помнить о том, что не может выжить Россия без сельского хозяйства. Те, чья родина – деревня, никогда не должны забывать о ней. Я уверена, что, благодаря Вам, я никогда никуда не уеду, для меня нет ничего роднее моего села.

Вы говорите нам: «Люби природу, человек!» Да, она прекрасна в любое время года. Вот мы вместе с Вами любимся летним пейзажем: «За дальней горой садится солнце. В небе – ни одного облачка. Мягкое, бледное к середине небо...» А вот пробуждение природы: «Каждую весну, когда в лесу засинеет снег, вспучатся речки и появятся первые проталины, начинает выстреливать мохнатыми шишечками веснянка-верба». Такой вот видится Вам осень: «Поздняя осень, чуть греющее позднее солнце, но сколько от него свету! И чуть слышится хрустальный звон кругом, россыпь искрящихся колокольчиков над берегами – голос грустного преддизимья по всему поднебесному миру». Будто попадаешь в сказочный мир, где природа живет и дышит. Сколько чувства, силы, восторга!

Призывом звучат слова для читателя: «Люби, Человек, ближнего своего!» Трудно живется человеку на земле. Сколько опасностей подстерегает его в современном мире. Вам больно видеть одиноко светящиеся окна в покинутой деревушке: «...и стиснет больно сердце: что там, за этим светящимся окном? Кто родился? Кто умер? Может, больно кому-то? Может, радостно?» У Вас

болит сердце за каждого. Вы заставляете и нас задавать эти же вопросы, чтобы не быть безучастным к чьей-то судьбе. Участие, соучастие, соболезование...

Как нам не хватает любви! Современный человек стал жесток: родители бросают своих детей, а повзрослевшие дети бывает, даже убивают родителей ради своей выгоды. Наверное, поэтому герой произносит Вашими устами: «Боже, милосердия ми воздаждь... и милосердия ми воздаждь... и милосердия...» – этими словами Вы призываете нас к тому, чтобы мы остановились, одумались, побыли наедине с собой, заглянули в глубину себя, поучились у природы.

Виктор Петрович, я понимаю и благодарю Вас за то, что Вы говорите нам, жителям планеты XXI века, как мало человеку надо – лишь доброе слово. «Иду, кашляю... настроение мрачное. Чаше думается о конце света. Оглянувшись – мчится девочка по весеннему березняку, приветствует всех, всему радуется. Много ли человеку надо? Вот и мне сделалось легче на душе».

Порой Вы кричите, потому что у Вас кричит душа: «Люди, помогите мне! Помогите! Ну, если мне помочь не можете, хотя бы себе помогите!» Вот она – сила слова писателя Астафьева Виктора Петровича!

«Виктор Астафьев – писатель редкостного умения вглядываться в жизнь народа, подмечать в ней все, судить это подмеченное, размышлять о нем и сочувствовать человеческой душе» – писал М. Дудин.

Я с ним полностью согласна. Вы – лекарь, способный восстанавливать человеческие души. Я Вам низко кланяюсь. Вы для нас всех личность, писатель, гражданин! Вы сделали все для счастья других, не разменяли на пятаки так тяжело доставшуюся жизнь, всегда были честны перед собой, не рвали хлеб изо рта близких. Спасибо Вам, Учитель!

*Павел Исаев
Руководитель А. В. Перфильева*

Идеал человечности и подлинной гражданственности

Как хочется ответить на вопрос «Много ль человеку надо?», точно определив, что же именно нужно человеку. Но не получается. Даже в зарисовке Виктора Петровича «Приветное слово»,

хотя и дается ответ, но как же он непрост! Образ маленькой девочки, для которой все люди – братья, которая «шурует» на трехколесном велосипеде, открытая этому миру, готовая всем сказать свое по-детски наивное и искреннее «Дястуй!» Это ведь не просто встреча. Это вера в обновление жизни. Восхищение детской непосредственностью. Получается, что это не так уж мало!

А если говорить о гражданских ценностях? Что это? Как человек создает или усваивает эти ценности? Что дорого В. П. Астафьеву? Что, по мнению писателя, нужно человеку, чтобы полноценно жить? Чтобы быть гражданином? Чтобы на сердце легче стало. Чтобы не было слишком уж много тревог.

Вообще у Астафьева всегда так. Вот читаю некоторые рассказы и думаю: о какой гражданственности необходимо писать? Ведь Виктор Петрович мне запомнился как писатель, который мастерски раскрывал взаимодействие природы и человека. Казалось бы, здесь нет места гражданственности. Картинки, которые он рисует, просты и тихи, как и сама Россия...

Но если внимательно вчитаться в его тексты, можно легко увидеть, как трепетно описывает Астафьев тайгу, лес, всю Сибирь. Сибирь буквально окружает героев, они растворяются в ней, они – ее часть.

Необычно, правда? В наш век подобная гармония удивляет.

Все писатели, которые выражали в своих произведениях тему гражданственности, обычно выражали ее в рамках светских идей. От Чаадаева и Радищева до Черняховского и Некрасова – все гражданственники считали, что национальное самосознание должно строиться на принципе гражданской сознательности.

Астафьев не принимает эту позицию.

По Астафьеву, чтобы обрести национальное сознание, совершенно необязательно быть или становиться гражданином, гражданином государства. У всех нас по праву рождения уже есть гражданство – мы все граждане сибирской природы. Просто мы часто забываем об этом гражданстве. Мы, пользуясь правами, которые принимаем как должное, не выполняем наших гражданских обязанностей перед природой.

Да, наша сибирская природа не всем может показаться красивой и интересной. Даже в европейской России природа и ландшафт гораздо разнообразнее, чем в Сибири. Но не какая-то исключительная красота заставляет Астафьева восхищаться природой. Для него Сибирь исключительна уже только потому, что

просто существует на карте России, на Земле. Соглашусь, что Астафьев изображает природу, которую чужаку сложно назвать восхитительной – темные леса, топкие болота, тучи гнуса – однако же Астафьев видит в этом не что иное, как целостную, законченную картину своей малой родины – картину, роднее которой, наверное, нет.

Астафьев хочет, чтобы мы прониклись его чувствами по отношению к природе. Именно эти чувства он и видит основной, первичной гражданственностью, без которой невозможно формирование гармоничной личности человека.

Если человек не любит свою малую родину – лес, речку, поля за городом, в котором он родился – скорее всего, он не сможет в полной мере полюбить нашу общую Родину – Россию.

Но и тут я не могу остановиться... А как же тогда произведения о войне?! Сколько в них важных, нравственно необходимых (да-да! именно так!) истин, откровений. Не могу не вспомнить «Пастуха и пастушку», в которой для меня открылась истина – как важно оставаться Человеком на войне. Это непросто, но жизненно важно.

А если посмотреть, как те, кто некогда жил в гармонии с природой, своими привычными занятиями оказываются втянутыми в войну. Вспомните, например, сцены столкновения немцев с Меланьей Тимофеевной (рассказ «Старый да малый»). С какой отвагой она восклицает, защищая привычный быт: «Дьявола плешивого не хотите?.. Убирайтесь из дому!..» Какую храбрость проявляет, когда на нее замахивается враг: «Она смирла его презрительным взглядом с высоты печки и выкрикнула: – Но-но, не больно рукам волю давай, а то я возьму рогач да рогачом-то по башке и налажу. У меня хозяин пошире тебя костью был и нравом лютой, да и то пальцем не трагивал». Даже кричать на себя бабка не позволяет. И «вороги» слушаются, умиряются, хотя санитар все же ударяет старушку. Колька дивится «ее бесстрашию»: «И где только вмешалось оно в дряхлой старушонке!»

Этот рассказ мне показался особенным интересным с позиций нашей темы.

Особую трагичность повествованию придают картины обыденности, привычности войны: «ночью на печи шуршат тараканы, за окном, в трубе, ветер воет, и **слышатся нерусские крики, хрип автомобильных гудков**». Нерусские крики в русской деревне

воспринимаются с той же привычностью, что и шорох тараканов, завывание ветра...

Виктора Петровича никак не назовешь религиозным писателем, но, близкий народу, связанный с ним кровным родством, он часто обращается к привычным верованиям и покаянию. Так, мотив молитвы, который находим позднее в повести «Пастух и пастушка», прослеживается и здесь. Молитва, совершаемая «на новый лад»: «Чтоб вам, смердящим мокрицам, ни дна ни покрывки! Чтоб вы, нехристи, околели все до единого!..» – не оставляет сомнения: во всех сферах жизни происходят страшные метаморфозы. Молитва, призванная спасти и сохранить, превращается в страстную мольбу старой женщины о смерти людей (врагов, но людей!)

Чудовишные изменения коснулись даже ребенка: он не плачет, когда немец выдирает ему клочья волос, а затем «с ненавистью» глядит «на лысеющую голову чужеземца, а глаза его» горят **«лютой, немальчишеской ненавистью»**. Несколько позже автор показывает, с одной стороны, наивность, непосредственность, ребенка, который выбирает совсем неподходящее оружие, чтобы отомстить обидчику: «дрожащими руками перебирал вилки, ложки и, наконец, отыскал нож, старый столовый нож, закругленный на конце и сношенный на середине от долгого пользования». С другой стороны, крик ребенка: «Все равно зарежу! Он куриц сожрал, голову ошипал, на тебя с ружьем! Хоть одного угроблю!» – не может не напугать. Ребенок готов убить человека. Да, это обидчик, враг, но – человек (сравните: молитва бабки).

Образ Богородицы, который отражен в более поздних произведениях о войне, занимает важное место и здесь. Вместо того, чтобы укрыться в подполье, Меланья Тимофеевна «пала среди кухни на колени и, волоча разом ослабевшие ноги, поползла в горницу, отбивая земные поклоны Богородице-матери, которая **умильно поглядывала** из переднего угла на этот **неспокойный мир**». Созидательное начало, страдание, которые характеризуют бабку с первых строк рассказа, героически заостренно нарисованы в сценах общения с немцами, в этой сцене расширяется до пределов страдания общечеловеческого, христианского, одухотворенного идеей самопожертвования. И опять автор максимально драматизирует ситуацию, акцентируя внимание читателя на трагизме, противоестественности ситуации, которая при-

водит к гибели старого человека: «Тут, в горнице, за молитвой и застали бабу Кушке и Генрих».

Страшная правда осознается ребенком тяжело, и именно как ребенком, который уже не в силах противиться естественным человеческим чувствам. Мастерски использованный прием градации усиливает трагизм положения: «тревожно спросил» – «с ужасом закричал», «отпрянул» – «упрашивал», «а потом заревел». И хотя после этого он «повзрослевшим голосом» обещает отомстить, он именно «палит» из карабина, не целясь, а, возможно, и боясь убить ЧЕЛОВЕКА. Заметим, при этом Колька кидается цапать немцев, и они его, «осатаневшего».

Еще один важный момент, прослеживающийся на протяжении рассказа. Муж бабки не был коммунистом («убит еще при Цусимском сражении»), но она язвительно утверждает, отвечая «чужеземцам» – коммунист. Вероятно, и сама Меланья Тимофеевна не во всем сочувствовала власти (на ее стене фото родных, а не вождя, икона Богородицы), однако «Ночью бабка потихоньку выбралась из дому и вместе с соседями похоронила тех, кого раньше кляла за агитацию и пропаганду против Бога, тех, кого срамила не раз в клубе принародно, называя супостатами и антихристами. Видно, понарошку гневалась на полуярских комсомольцев бабка, иначе зачем бы пошла их тайком хоронить, не боясь немецкой пули»).

Таким образом, ее поведение, ее смерть по-настоящему достойны подвигов воевавших солдат. Это ли не подлинная гражданственность? Выше и глубже привычных стандартных образов. Неслучайно после смерти накрывают Меланью Тимофеевну «красноармейской плащ-палаткой», а командир приказывает «схоронить бабушку вместе с бойцами, павшими в бою за эту деревню», а «над ее могилой, как и над могилами бойцов, залп из винтовок дали и столбик со звездочкой поставили».

Интересно, что на этом повествование не заканчивается. В. П. Астафьеву важно не только показать противоестественность войны, но и убедить читателя, что она не способна уничтожить в человеке человеческое (вспомните «Пастуха и пастушку»), что есть иная жизнь, ради которой стоит жить. Именно поэтому в канву произведения вплетены казалось бы второстепенные эпизоды с «вражеским конем». Посмотрите, как и когда он возникает в рассказе. Вначале знаменует приход чужаков в дом Меланьи Тимофеевны и Кольки: «В окно было видно: в ограду въезжа-

ла **длинная, как гроб, повозка**. Повозку тянул **короткохвостый пегий конь...**» Затем равнодушно сопит, хотя бабка уже умерла, а мальчишку душат рыдания. Потом нас поражает своей страшной безысходностью мысль: «Одно живое существо осталось с мальчишкой – немецкий конь. Колька сначала и на коня злился, вилами по хребту его лупил, ругал всячески и есть ему не давал, а потом понял, что конь ни в чем не повинен, и принес ему с поля соломы». Когда Колька решает сдать коня «в фонд обороны», утверждая: «в плен мы его с бабушкой взяли», – боец ему говорит, фактически выражая позицию автора о необходимости мирного хлебопашества: «Береги, малый, конягу! Пригодится. Скоро пахота начнется, а колхоз у вас разоренный, вот и будет тягловая сила». И наконец, конь помогает мальчику совершить по тем временам подвиг – привезти картошки, чтобы накормить бойцов.

Кольцевая композиция рассказа позволяет, с одной стороны, подытожить происшедшее: «Хорошая была бабка. Семьдесят лет прожила она в родной деревне и никому зла не делала. Но пришли враги и убили ее». С другой – наглядно демонстрирует извечный круговорот жизни, победу жизни, весны над смертью: «Над Полуярами кружились и громко кричали грачи, устраивая гнезда на тех деревьях, что уцелели от пожаров и бомб... Самая большая война прошла по деревне Полуяры, которая сто лет стояла на земле, а может, и больше. Побавилось в деревне жителей, прибавилось могил на погосте. Весна спешила утопить побитую деревню в зелени, заполнить палисадники птичьим щебетом. **Весна селилась в Полуярах прочно и надолго**».

Весна – возрождение природы, символ женщины, создающей новую жизнь. Таким образом, рассказ «Старый да малый», несмотря на трагические перипетии, мастерски переданные В. П. Астафьевым, заканчивается оптимистически. Из беспросветного зла войны еще виден выход в мир, в котором воцаряется жизнь и весна.

Вот она – высшая гражданственность! Гармония человека и природы. Человечность. Вечное обновление жизни, ради которого можно жертвовать собой. Лишь бы все повторилось. Так же просто и безыскусно. Но в этой простоте – сакральный смысл, мудрость поколений, идеал человечности и подлинной гражданственности.

Яна Пяева
Руководитель М. В. Зайцева

«Почему ты лежишь один посреди России?»

*Любовь моя, в том мире давнем,
Где бездны, куши, купола, –
Я птицей был, цветком и камнем,
И перлом – всем, чем ты была.*

Теофиль Готье

Этот эпиграф предваряет повесть Виктора Астафьева «Пастух и пастушка», названная современной пасторалью. В ней рассказывается о том, как любили в тяжелое время войны Люся и Борис, и кто такие Пастух и Пастушка, наполнившие жизнь согласием и ссорами, печалью и радостями. Тяжела жизнь людей, разьединенных судьбой и войной. Жалкое существование в темном мире, утратившем краски, обрекает лишь на смерть, и только иногда вдруг появляется свет, и снова хочется жить, но это проходит так же быстро, как и появляется. Герою кажется, что это лишь выдумка, это было давно или не было? Неужели Борис вспоминает ее? Нет, это было очень давно.

«Почему же ты лежишь один посреди России?» – слова Люси, столько лет искавшей того, кого она когда-то приютила и полюбила. Люся была кроткой и испуганной женщиной, все понимали, что она немало повидала за свою жизнь. Виктор Астафьев жалеет эту девушку и дает ей, как награду, замечательного человека – лейтенанта Бориса Костяева.

В тексте имеет место удивительная деталь: в тот момент, когда Борис мчится в бой, его товарищи ищут безопасную позицию в кустах, ямах, в снегу. Автор в этом месте удивляется трусости или мудрости героев, а Борис на горячую голову вновь кидается в бой. Удивительно, но порой кажется, что видишь человека и знаешь, кем он станет, долго ли проживет? Астафьев знает, что Борис пройдет через темноту войны, преодолеет все испытания, потеряв много друзей и однополчан. «Такие на войне не погибают!» – так говорили сослуживцы о нем, но получилось все не так.

В повести очень много рассуждений, ведь иногда бойцам, находясь в окопах, есть время подумать и вспомнить всю свою жизнь и все, что с ней связано. Я думаю, что больше всего размышлений можно услышать от друзей Бориса: старшины Мохнакова, взвод-

ного Карышева, Шкалика, Малышева и особенно Пафнутьева. В чем-то с ними можно согласиться, а в чем-то и нет. Пафнутьев обладал резкостью мысли, и иногда этим злоупотреблял.

Но бой сменял бой, сражение за сражением, и вот автор вновь отправляет Бориса на трудное испытание войной и разлукой с любимой. А он так и запомнил ее: в легком платьице с черными лентами, бегущую по снегу за машиной, Это было их последнее свидание.

Как трудно, наверное, пронести сквозь бой, сражения и разлуки человечность и любовь.

Борис был похоронен далеко от сел и городов. Другом ему стал лишь татарник. Лейтенант остался один, «один посреди России»...

Анна Чемоданова

Руководитель В. Л. Горячевская

«Как долго я искала тебя...»

Виктор Петрович Астафьев – один из самых любимых моих прозаиков. Его произведения мне очень нравятся, ведь в них изложены затрагивающие душу истории. За эти достоинства его рассказы и повести становятся интересны для многих молодых читателей, не знавших войны. Многие рассказы Виктора Петровича автобиографичны, поэтому, читая произведения, мы не только узнаем историю героев произведений, но и изучаем историю Великой России!

Сам же Виктор Петрович сражался на фронтах Великой Отечественной войны, самой жестокой и беспощадной. За время войны у Астафьева сложилось достаточно много историй и идей для своих будущих произведений. Поэтому многие его сюжеты в рассказах происходят именно в эти годы. Астафьев говорил: «При всей своей ненависти к войне, я еще с большей ненавистью думаю о том рабстве, в которое намеревался нас ввергнуть фашизм». «Но как бы ни были высоки наши побуждения, война все равно оставалась противоестественным состоянием для каждого человека, не потерявшего людской облик. И если забыть об этом, то правды о войне не напишешь.»

Одно из самых любимых моих произведений Виктора Петро-

вича – «Пастух и пастушка». Две истории любви. Солдаты взвода остановились в доме, где хозяйкой была девушка Люся, с того момента и начинается история их любви: Люси и Бориса. За баней, на снегу, Борис увидел убитых залпом арподготовки старика и старуху. Они лежали, прикрывая друг друга. Местный житель Хведор Хвонич рассказал, что убитые приехали на этот украинский хутор с Поволжья в голодный год. Они пасли колхозный скот. Пастух и пастушка. Руки пастуха и пастушки, когда их хоронили, расцепить не смогли. Этим самым Астафьев хотел подчеркнуть настоящую, чистую, не предаваемую любовь.

Первая любовь Люси и Бориса обречена на разлуку. Побыв совершенно недолго вместе, Борис уезжает воевать, где его ранят в плечо, рана была не тяжелой, но тоска съедала Бориса. Борис смотрел в окно, жалел себя и раненых соседей, жалел Люсю, оставшуюся на пустынной площади украинского местечка, старика и старуху, закопанных в огороде. Лиц пастуха и пастушки он уже не помнил, и выходило: похожи они на мать, на отца, на всех людей, которых он знал когда-то... Однажды утром Арина пришла умыть Бориса и увидела, что он умер. Его похоронили в степи, сделав пирамидку из сигнального столбика. Арина горестно покачала головой: «Такое легкое ранение, а он умер...» Умер он не от раны, а от отчаяния, что не увидит свою любимую Люсеньку. В начале рассказа речь идет о девушке (в конце читатель понимает, что это и была Люся), которая идет по пустынной степи вдоль железнодорожной линии, под небом, в котором тяжелым облачным бредом проступает хребет Урала. В глазах ее стоят слезы, дышать становится все труднее. У карликового километрового столба она останавливается, шевеля губами, повторяет цифру, значащуюся на столбике, сходит с насыпи и на сигнальном кургане отыскивает могилу с пирамидкой. Женщина опускается на колени перед могилой и шепчет: «Как долго я искала тебя!» Как же много значат эти слова, проведенная целая вечность без самого любимого человека. Это сильная любовь разорвана расстоянием.

На месте Люси в годы Великой Отечественной войны оказались большинство женщин: мужчины уходили на фронт, сохраняя в себе эту чистую любовь, многие также погибли, но любовь оставалась навечно в их душах! Эта повесть необычна сочетанием гармонии любви, благодарности судьбе за нее и войны.

Еще одно из моих любимых произведений В. П. Астафьева

«Звездопад».

Эта повесть пронизана глубоким лиризмом. Тема любви начинает звучать с самых первых строк. Едва юноша открывает глаза, придя в себя после тяжелой операции, его взору предстает молодая медсестра, в которую солдатик влюбляется с первого взгляда. Автор далек от романтизма. Где-то между строк мы можем понять, что эта любовь вовсе не нечто уникальное, неземное. Девятнадцатилетний детдомовец Михаил ни разу не встречался с девушкой до той поры. Побывав на грани жизни и смерти, подсознательно Миша приходит к потребности встретить свою любовь. И первая увиденная им девушка – миловидная обаятельная медсестра Лидочка – сразу покоряет его сердце. В этом произведении так же есть трагические стороны: уходят из жизни те люди, с которыми Миша еще недавно находился в одной палате.

Юношеское жизнелюбие, стремление познать жизнь способны победить боль и ужас войны. И это мы видим не только и молодом солдате, но и в девушке, также полюбившей его глубоко и самоотверженно. В конце произведения происходит тяжелая непростая сцена прощания – Михаил уходит на фронт, а Лида остается в тылу помогать другим раненым.

В этом произведении Виктор Петрович не затрагивает тему военных действий, а лишь трепетно и достоверно говорит о первой любви своих героев.

«Звездопад» показывает целую эпоху в жизни девятнадцатилетнего юноши. Те несколько месяцев, что он провел в краснодарском госпитале, отпечатались в его душе и памяти на всю жизнь.

Кристина Канаева
Руководитель З. Н. Гудкина

Диалектные слова в малой прозе В. Астафьева

Говор или диалект – территориальная разновидность языка, на которой говорят жители нескольких близлежащих деревень или даже одной деревни. В говорах, как и в литературном языке, действуют свои законы. Каждый говорящий на диалекте знает, как можно сказать, а как нельзя. Однако сельскими жителями зако-

номерности говора отчетливо не осознаются, к тому же, они не имеют письменного свода правил. Русские диалекты существуют только в устной форме в отличие от литературного языка. Слова, употребление которых свойственно людям, живущим в определенной местности, составляют **диалектную лексику**.

В русском языке различают три основные группы диалектов: **севернорусские** диалекты (или севернорусское наречие), **южнорусские** диалекты (или южнорусское наречие), **среднерусские** диалекты (или севернорусские говоры).

Диалектная лексика, по утверждению многих ученых, отличается от общенародной не только более узкой сферой употребления, но и рядом фонетических, грамматических и лексико-семантических особенностей. Это отчетливо проявляется, когда диалектные слова попадают в литературное употребление: своей формой (произношением, ударением, словоизменительными особенностями) или значением они отличаются от лексических средств, соответствующих литературной норме. Такие слова называют **диалектизмами**.

Фонетические диалектизмы – слова, в которых отражаются фонетические особенности данного диалекта: *бочкя, типятюк* (вместо *бочка, кипятюк*) – южнорусские диалектизмы; *целовек, немчи* (вместо *человек, немцы*) – диалектизмы, отражающие звуковые особенности некоторых говоров. **Фонетическими считаются диалектизмы, отличающиеся от слов литературного языка звуковым составом и/или ударением:** *омм'ан* (сев.) – обман, *мос* (сев.) – мост, *дру[х]* (южн.) – дру[к]. **Фонетическим диалектизмам свойственны:** **цоканье** – *д'о[ц]ка*, *но[ц]* и **яканье:** *[в'а]дро*, *[па]т'ух*; произношение [х] на месте [г] в конце слова: *сне[х]*, *дру[х]*.

Морфологические диалектизмы: [г'] в окончании 3-го лица глаголов: *идеть беруть*; окончание род. пад. I склонения существительных – *е*: *у жене, от сестре*. **Морфологические** диалектизмы, считают Е. И. Диброва, Л. П. Касаткин и др., «обладают специфическими диалектными категориями и формами. Так, слова типа *дедушко* (сев.) склоняются как существительные муж. – ср. рода – *дедушка, дедушку* и др.; *поеть, поють, несеть, несуть* – <г'> в окончании 3-го л. глаголов (южн.) – *поет, поют; ср'ама* (дон., ж.р.) – *срам*».

Синтаксические диалектизмы – особое управление предлогов: *приехал с Москвы, пошла по корову, жили о реку*; упо-

требление деепричастий в роли сказуемых: *он уехавши, магазин уже закрывши*. По утверждению Е. И. Дибровой, Л. Л. Клобукова, **синтаксические** диалектизмы имеют иную сочетаемость, чем аналогичные слова литературного языка: *жили о реку* (сев.) – жили около реки, *выйтить на п'ензия* (дон.) – выйти на пенсию.

Словообразовательные диалектизмы имеют иную/иные морфемы, чем слово в литературном языке: *никчем'ушный* (дон.) – никчемный, *черн'ига* (сев.) – черника.

Лексические диалектизмы, по утверждению Л. Л. Касаткина, Е. В. Клобукова, Л. П. Крысина, – слова, и по форме, и по значению отличающиеся от слов общенародной лексики: *кочет* (петух), *намедни* (на днях, недавно), *гутарить* (говорить).

Лексические диалектизмы, по мнению Л. Л. Касаткина, Е. В. Клобукова, П. А. Леканта, могут быть нескольких типов: 1) **этнографизмы** называют предметы, понятия, характерные для быта, хозяйства данной местности, и не имеют параллелей в литературном языке: *т'уес'сосуд из бересты*; *панева* – так в ряде областей называют особую разновидность юбки из пестрой домотканой материи; **собственно лексические** диалектизмы – синонимы соответствующих слов литературного языка: *к'очет* (петух), *д'юже* (очень); баской (сев.-ур.) 'красивый'; **семантические** диалектизмы имеют иное, чем в литературном языке, значение: *погода'ненастье'*, *худой'плохой'*. Словом *верх* в некоторых говорах называют овраг, в сибирских говорах *дивно* означает «много».

Грамматические диалектизмы – слова, имеющие иные, чем в литературном языке, грамматические характеристики или отличающиеся от общенародной лексики по морфологической структуре. Так, в южных говорах существительные среднего рода нередко употребляются как существительные женского рода (*вся поле*, *Чует кошка, чью мясу съела*); в северных говорах распространены формы *в погребу*, *в столу* (вместо *в погреб*, *в столе*), вместо общеупотребительных слов *сбоку*, *дождик* в диалектной речи употребляются слова с тем же корнем, но иные по морфологическому строению: *сбочь*, *дожжок*.

В ходе работы мы анализировали найденные слова, определяли их значения по толковым словарям В. И. Даля, С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова, Л. Н. Скворцова, по словарю Т. Ф. Ефремовой, а также в словарях русских говоров южных (СЮГ), северных (ССГ), центральных (СЦГ) районов Красноярского края, в Полном словаре сибирских говоров (ПССГ), в Словаре внелитературной лек-

сики в «Царь-рыбе» В. П. Астафьева (СВЛ), в Словаре диалектного просторечия Среднего Приобья (СДПСР), в Вершининском словаре (ВС). Учитывали значение слов, сравнивали со значением их в тексте В. П. Астафьева, делали вывод об особенностях использования диалектизма писателем, определяли тип диалектизма.

К лексическому типу относятся такие диалектизмы:

Алябушник («Бурундук на кресте»)

В словарях В. И. Даля, Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова, ССГ, ВС, ПССГ, СВЛ слово не зафиксировано. В СЦГ алябушник – плохо пропеченный хлеб. В СЮГ отсутствует слово алябушник, но есть однокоренные слова: 1) **алябуш** – плохо выпеченный, неудавшийся хлеб. – **Алябуш** – нехороший хлеб, ись нельзя, надо свиньям; 2) **алябушек** – то же, что алябуш. – *Хлеб как алябушек, в одну сторону брось, в другую отскочит. Сверху корка твердая, а там (внутри) хоть ложкой мешай. Если мои плохи (хлебы), у Софьи возьми алябушки да и поставь*; 3) **алябушка** – то же, что алябуш. – *Седня квашня не удалась, напекли таких алябушек*; 4) **алякушка** – то же, что алябуш. – **Алякушек** напекла, есть не будешь.

Слово «алябушник» не встречается в толковых словарях и в большинстве словарей говоров, но о его значении В. П. Астафьев знал, употребил его в значении «непропеченный», «плохо пропеченный» в следующем контексте: *«Мачеху же Катерина Петровна не приняла», презирала, называя подергушкой, растрепой, кляла за то, что та долго любит спать, срамила за алябушник – непропеченный хлеб, за легкомысленный характер, бросивший ее на чужое дитя, когда и сама она, по заключению бабушки, «разуменьем еще не шибко богата».*

Веснуха («Бурундук на кресте»)

В словаре В. И. Даля слово веснуха с другим значением – веснушка, крапинка на лице. В словарях С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова, в СЦГ, ССГ, ВС, ПССГ, СВЛ слово не зафиксировано. В СЮГ веснуха – это малярия. – *Сейчас и не болеют вовсе, а раньше, как снег сошел, и веснуха пошла.*

Слово «веснуха» редко употребляется в русском языке, зафиксировано только в словаре южных говоров. В. П. Астафьев использует его в значении «болезнь, лихорадочное состояние» в следующем контексте: *«Колотило меня после купания трое суток подряд и выкололо из слабого парнишечьего тела все, что*

еще можно было выколотить, **веснуха** удовлетворенно стала отпускать»; «Все не оставляла меня **веснуха**, таилась во мне, проклятая, все осердие мое, бывало, сотрясается, как она разойдется по телу, губы шлепают, свистят и разом терпнут, будто луковок борща я наелся».

Вылупка («Без приюта»)

В словарях Д. Н. Ушакова, В. И. Даля, С. И. Ожегова, ССГ, СЦГ, ВС, ПССГ, СВЛ слово не зафиксировано. В СЮГ **вылупка** – пустой картофельный суп. – *Вылупка – одна картошка очищена и мелко искрошена. С водой варена и луку добавляют.*

В. П. Астафьев использовал редко употребляемое в русском языке слово «**вылупка**» в значении «простой суп, из картошки, воды, с добавлением масла». в следующем контексте: «*В мешке оставались еще мерзлые картошки, стучали камешками. Суп – картофельная **вылупка**, получился мутный. Однако жиров было много, и мы хорошо нахлебались горячего варева.*».

Дресвяный («Медвежья кровь»), дресва («Бабушкин праздник»)

В толковых словарях В. И. Даля, С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова слово не зафиксировано. В СЮГ «**дресвяный камень**» – гранит. – *Здесь в Саянах я красивый дресвяный камень нашел. В СЦГ имеется слово «дресвенный». Дресвяный. – Камень дресвенный прокалишь, он раскрошится легко.*

У слова **дресвяный** (камень) обманчивая внешняя форма: кажется, что это слово родственно слову **дерево**, однако не имеет к нему никакого отношения. В. П. Астафьев знал об этом значении и использовал его в значении «гранит, камень» в следующем контексте: «*Низкие, топором рубленные избушки почти до крыши закапывались в землю – для тепла; нары из жердей, постель из травы, топливо по норме – все из-под топора, топором же много не натукаешь, железа почти никакого, всюду дерево, и освещение от таганка или от лучины, да если еще в каменку попадет **дресвяный** камень, и получится угарный очаг?*»

Зобенка («Без приюта»)

В словаре В. И. Даля есть однокоренные слова **зобня**, **зобенька**, **зобелька**, **зобница** сев. вост. **плетюшка**, **пестерок**, **кошель**; **кузовок**, **лукошко**, **плетеное** или **лубочное**, **берестяное**, для дачи **лоша-**

дям овса или ячменя; зобнею же манят коней с поля и с нею ходят по ягоды, по грибы, так же называют и конскую торбу. – Привяжется зобня (сума), откажется родня. В словарях С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова, в ССГ слово не зафиксировано. В СЮГ слово имеет два значения: 1) коробочка для соли, сплетенная из бересты. – Зобенки делали для соли. Старики плели их из лыка, как лапти плетут, или сплошны делали; 2) небольшая сумка из холста. – Высыпь муку в зобенку, а чашку дай мне.

Слово «зобенки» не изменило своего значения (коробочка) в тексте В. П. Астафьева: *«Перед ним на крапивном мешке разложены были пастушьи дудки, ивовые пикульки, берестяные зобенки под соль, резанные ложки, расписные туеса, птичьи чучела».*

Колба («Без приюта»)

В словарях В. И. Даля и Д. Н. Ушакова слово колба дано с другим значением.

В них другое, чем в тексте В. П. Астафьева, значение слова – лабораторный стеклянный сосуд, а не растение. В словаре С. И. Ожегова, в ВС, ПССГ, СВЛ слово не зафиксировано.

В СЦГ колба – злак, особый вид пшеницы с ломким колосом; полба. – Колба какая-то была. У нее колос такое-то под вид ячменя, только плосковатенькой. В СЮГ слово колба имеет три значения, 1-е, как и в СЦГ, а два других имеют иной смысл: 1. Колба – особый вид пшеницы; полба. – *Колба – это така порода хлеба, ее теперь не сеют. Колба-то как пшеница, но помельче, из ее тоже муку делают. Весной все колбу сеяли, просо, овес. Дикий чеснок. – С гор дети приносили колбу, ее еще черемшой зовут. 3. Место, где в тайге обильно растет черемуха. – Вчера ездили в тайгу, в колбе черемши нарвали.*

В. П. Астафьев использует одно из значений слова «колба» – дикий чеснок, в Красноярском крае – «черемша», он использует это значение в следующем контексте: *«Насыпая орехи берестяной, кержак воротил от меня рыло – я «вонял» табаком, но от самого кержака так перло черемшой, что пассажира послабей и с ног могло сшибить, – ушат с этой самой соленой стоял чуть в стороне. «Колбы не надо ль?» – мотнул кержак бородою на ушат».*

Кызырган («Медвежья кровь»)

В словарях В. И. Даля, С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова, в ССГ

и СЦГ слово не зафиксировано. В СЮГ кызырган – дерево, черная кислица. – *Кызырган-дерево. Черная шура на ем. Цвет, как на талине, молодом рацитнике. Лист поменьше талинника. Кызырган – крепкое, очень крепкое дерево, не сильно толстое. На кызыргане ягода крупнее, чем от смородины. Цвет желтоватый. Растет на горных россыпях. Кызырган – черная кислица, мундштуки делать (можно), сердцевина большая.*

Слово «кызырган» в значении «кустарник ягодный, похожий и на черную смородину, и на красную», как и в СЮГ, употреблено у Астафьева в следующем контексте: *«Где-то там, в завалах камней, растет загадочная ягода **кызырган**, похожая на красную смородину, но двух она цветов – красная и черная, и, когда ешь ее, по пальцам сочится красная влага, которая даже мылу не дается, от рубях и совсем не отстирывается, влага эта резкая, кислая, вселяющая в тело силу и уверенность в здоровье. Ах, **кызырган**, **кызырган**, надежда наша!»*

Мреющий («Легенда о стеклянной кринке»)

В словаре В. И. Даля слово мреть с другим значением (мельтешить, маячить). СЦГ, СЮГ, ССГ слово не зафиксировано.

Слово «мреющего» в значении «упревающее, готовящееся, вкусно пахнущее» употреблено у В. П. Астафьева в следующем контексте: *«Бабушка, молча за мной наблюдавшая, кивнула головой на русскую печь, прикрытую беленой заслонкой, оттуда доносило запахом **мреющего** мяса...»*

Урочливый («Пеструха»)

В словаре В. И. Даля слово урочливый дано с пометой сев., уречливый – легко поддающийся порче, урокам, кто боится сглазу, кого легко изурочить; // у кого дурной глаз, кто урочит. В словаре С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова, ССГ, в ВС, ПССГ, СВЛ слово не зафиксировано. В СЮГ же, наоборот, противоположное словарю В. И. Даля значение слова *урочливый* – по суеверным представлениям, – вызывать болезнь, сглазом. – *Урочить – это глазить, уроки насыщать. Урочливый если человек, у него глаз дурной, на кого с умыслом поглядит, тот заболит, так и урочат.*

Слово «урочливый», как и в СЮГ, употреблено в значении «такой, который может сглазить, вызвать болезнь, испортить» у В. П. Астафьева в следующем контексте: *«... слава богу, никого у нас*

в родове и у левонтьевских тоже нету с **урочливым**, черным глазом, и вот мы допущены к теленку».

Хрумкать («Без приюта»)

В словаре В. И. Даля хрустать, жвакать, жамкать, грысть, жевать вслух. В словаре С. И. Ожегова слово не зафиксировано. В ССГ слово не зафиксировано. В СЮГ хрумкать – хрустеть, разжевывая что-либо. – *Ишь, летом забрался на печку сахар хрумкать! Весь день хрумкает сухарики. Хватит тебе хрумкать, надоело.*

Слово «хрумкать» употреблено в значении «грызть шумно» у В. П. Астафьева в следующем контексте: *«Глянулось нам крушить зубами упревшие кости. Мы их **хрумкали**, высасывали мозг и сок, выбрасывая в угол лишь трубочки, не дающиеся зубу».*

К семантическому типу относится слово:

Веретье («Где-то гремит война»)

В словаре Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова, ВС, ПССГ слово не зафиксировано. В словаре В. И. Даля верЕтье, иногда веретьЕ, верЕтище, нвг., ряз., тмб. врЕтье, стар. врЕтище – воспище, торпище, рядно, дерюга, ватола – ряднина, сшитая в 3-4 полотнища, для сушки зернового хлеба, для подстилки в телегу под хлеб. В СВЛ веретье – сплетение веток, трудный, непроходимый участок тайги. – Зимовье темнело продавленной крышей за прибрежным веретьем, в сером оголившемся ольшанике. В ССГ нет слова веретье, есть веретие – веретено. – На веретие мы прядем. Кежем.

Слово «веретье», довольно редкое в русском языке, отмеченное в других значениях, отмеченное только в СВЛ в том значении, которое выбрал прозаик. Используется В. П. Астафьевым не только в рассказе «Где-то гремит война», но, как указывает Словарь вне-литературной лексики, и в «Царь-рыбе»: *«Ветер тронул и потянул с торосов и сугробов снега. Пока он раскуделивал их, прятал над самой дорожкой, скручивал в **веретье** и пошвыривал обрывки за гребешки торосов, за воротник пальто, в лицо и глаза – было не столь холодно, сколь глухо».*

К словообразовательному типу относятся следующие диалектизмы:

Встречь («Зорькина песня»)

В словарях В. И. Даля, ССГ, СЦГ, ВС, СДПСГ слово не зафиксировано. В СЮГ употреблено в значении «навстречу». – Вот

эта встреча нам идет, и есть Шатохина. Сказал, что встречу нам пойдет, ну и мы пошлика-встречь ему. В СВЛ встречу – навстречу. Диал., словообр. – *Сам же бродом поспешил к кедру, все так же упорно, лбом встречу течению, стоявшему в речке.*

В диалектных словарях отмечено одно значение слова «встречь», его и выбирает В. П. Астафьев в следующем контексте: *«Енисей тоже был в тумане, и скалы на другом берегу будто подкуренные густым дымом снизу отдаленно проступали вершинами в поднебесье и ровно бы плыли **встречь** течению реки безостановочно».*

Завалинка («Бабушкин праздник»)

У В. И. Даля завалина, завалинка – призва, земляная насыпь вокруг избных стен. У С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова слово завалинка общеупотр. В СЮГ завалинка – постель в балагане – завалинки были в балагане на пашне. Спали на них. На три стороны на пол жердочек положат, настелят соломки, привяжут дерюги али половики и спят. В ССГ слово не зафиксировано.

Слово «завалинка» употребляется у В. П. Астафьева в значении «насыпь вдоль стен деревенского дома» в следующем контексте: *«Бобылю Ксенофонту надоедало сидеть одному в старой, наполовину засевшей в земле хибарке, и он вечером, после дневного труда и забот, приходил на нашу **завалинку**».* От глагола завалить с помощью суффикса – инк.

Убоина («Легенда о стеклянной кринке»)

В словарях В. И. Даля, С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова, в СВЛ слово не зафиксировано. В ПССГ два значения слова: 1) свежее мясо только что убитого животного. – Убоина – свежее мясо. 2) помещение для убоя скота. – Убоина – помещение, где забивают.

Слово «убоина» употреблено у В. П. Астафьева в значении «свежанина, свежее мясо, только что добытой птицы» в следующем контексте: *«Бабушка, молча за мной наблюдавшая, кивнула головой на русскую печь, прикрытую белой заслонкой, откуда доносило запахом мреющего мяса: **«Че убоину-то не дожидаеться? Кто ее исти, акромья тебя, станет?»***

К морфолого-словообразовательному типу относятся такие диалектизмы:

Наверхосытку («Ельчик-бельчик»)

В словарях В. И. Даля, С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова слово не зафиксировано. В СЦГ наверхосытку, нареч. наверхосытку – немного, не досыта.

Слово «наверхосытку», встречаемое не часто, но знакомое писателю, употребляется в значении «будучи уже сытым, для удовольствия» у В. П. Астафьева в следующем контексте в рассказе «Ельчик-бельчик»: *«Ельчик-бельчик метался по воде, выпрыгивал наверх, ловил мошек собирал с травы личинок и наверхосытку отыскивал возле берега, за камешком или в заливишке травяное семечко и долго держал во рту, будто конфетку-леденец. Такое было сладкое семечко».*

К морфологическому типу относятся диалектизмы:

Батюшко («Бабушкин праздник»)

Слово «батюшко» в значении «батюшка, дорогой» (сказано в отношении внука, на которого бабушка возлагала важную задачу – вернуть деда с заимки) употреблено у Астафьева в следующем контексте: *«Он ндравный, но тебя послушат... Созови, батюшко...»*

Соседушка, соседушко («Бабушкин праздник»)

Слово «соседушка» в значении «сосед» употреблено у Астафьева в следующем контексте: *«Ага-а-а, дедушка-соседушка, все же о добре-то печешься!»* Слово «соседушка» относится к женскому роду, но с появлением рядом слова «дедушка» мы уверенно относим его к мужскому роду, то есть теряется отнесенность к женскому роду. В другом случае у В. П. Астафьева: *«Вовремя, вовремя умотал соседушко! Я бы ему задала! Я б его пропесочила!»* – используется архаический вокатив типа *Боже, владыко*, сохранившийся в диалекте.

К фонетическому типу относятся следующие диалектизмы:

Бастриг («Бабушкин праздник»)

В словарях С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова, В. И. Даля слово бастриг не зафиксировано. В СЮГ зафиксировано два значения слова: 1. Бастриг – Незаконнорожденный ребенок. – *Нагуляла если ребенка, так бастриг и будет, который в замужестве ребенок, а есть и без мужа, так это бастриг.* Бастриг – Жердь для скрепления снопов, сена и т. д. при перевозке. В ССГ бастриг – Жердь, длинная палка, при помощи которой затягивается воз.

В. П. Астафьев был знаком со значением слова бастрик, но в своем тексте употребил слово бастриг в значении «жердь, большая доска для запора ворот»: *«Тетка Адвотья бочонок с омулем катнула на улицу, шляпу с Терентия содрала, затоптала ее ногами, ворота заложила на бастриг и занавески на окнах задернула».*

Чикать («Бурундук на кресте»)

В словаре В. И. Даля чикать, чикнуть что, чиконуть по чем, ударить, треснуть, бить палкою, в игре кляп, клеп, чиж, чирок, чурок. В словарях С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова, ССГ слово не зафиксировано. В СЮГ слово чикать означает высекать искры.

В. П. Астафьев использует другое, нежели в диалектных словарях значение слова чикали – «стучали», видимо, по аналогии со словом тикали в следующем контексте: *«На руке родителя чикали, шевелили стрелками огромные зимовские часы».*

Из отобранных методом выборочной проверки слов не зафиксированы хотя бы в одном из толковых словарей 58 случаев, зафиксированы как общеупотребительные 19 случаев, не зафиксированы в диалектных 6 случаев.

Перспективу нашего исследования мы видим в выяснении причин расширения значения диалектных слов в произведениях В. П. Астафьева.

Надежда Шукина

Руководитель М. С. Волкова

Спасая заблудшую душу...

Виктор Петрович Астафьев – русский писатель. Важнейшими темами его творчества были – военная и деревенская. Его произведения посвящены людям труда, их напряженной внутренней жизни, теме возмужания души.

Поводом для написания повести «Царь-рыба» послужило путешествие автора по родному Красноярскому краю. Наверно, ничто не вызывает в человеке такой трепет и любовь как место, где он вырос. Особенно ценным является то, что перед читателем раскрывается не просто природа Сибири, а ее самые потаенные уголки, куда не ступала нога обычного человека, места, известные

только выросшим в этих краях главным героям рассказов. Невероятный, чарующий образ природы стоит перед глазами на протяжении всего чтения повести «Царь-рыба». Появляется ощущение необъяснимого восторга, который так часто надеешься найти в книгах, музыке, живописи. Ведь именно красотой природы и может питаться человеческая душа. И как заразительны эмоции и чувства рассказчика, очарованного великолепием окружающего мира. Только в глуши таежного леса, на берегу прохладной «притаенно говорливой» речки, у ночного костра, наполняясь тишиной и блаженством, успокаивается человеческая душа.

Вот так сидел герой на берегу Опарихи в рассказе «Капля». В такие минуты думалось ему о вечной печали, рождающей думы о близких, о подростке-сыне, который когда-то останется один на один «с этим прекраснейшим и грозным миром», о больном брате, который «с девяти лет таскался по тайге с ружьем, делал то, что не хотел делать развеселый папа, – кормил им брошенных детей». Казались они ему малыми, забытыми, нуждающимися в защите.

Ведь изначально было заложено в человека природой благородство и великодушие. Герой рассказа «Не хватает сердца» беглый «норилец» искренне верил, что «должен прийти до самого главного, самого справедливого человека, который может всех спасти, развеять тяжкую напасть на эту страну, на ее страдавший народ». Чувство великого долга повелевало Акимом в рассказе «Сон о белых горах», когда он, рискуя собственной жизнью, забыв про все дела, спасал умирающую в тайге девушку.

Очень много в повести сравнений человека с окружающим миром. Человек был и остается с природой единым целым. Но «утрачилось в нем чувство благородства, дух дружбы и справедливости к природе, ожирело все в нем от уверенности в умственном превосходстве над нею». Люди, сами для себя незаметно, «переступают ту роковую черту, за которой кончается человек и из дальних, наполненных пещерной жутью времен, выставляется и глядит, не моргая, низколобое, клыкастое мурло первобытного дикаря».

Рассказывает Виктор Петрович Астафьев и про наш родной край – «Урал, которому прежде всех и больше всех досталось от человека, про ржавые и мертвые озера, пруды, реки, про загубленную красавицу Чусовую, про Камское водохранилище...» Ведь и у нас когда-то было то бесценное богатство, которое не смогли сохранить для потомков.

Но мудрая терпеливая природа раз за разом помогает челове-

ку, вновь спасает его заблудшую душу, раскрывая перед ним свое могущество и величие.

Дарья Коняева
Руководитель Л. В. Коняева

«Ты камнем упала, я умер под ним»

Истина – противоположность лжи; все, что верно – подлинно, точно, справедливо. Именно так, без прикрас, показывает современную действительность В. П. Астафьев. Основная тема его произведений – человек и природа, а его герои – выходцы из российской глубинки. Многим знакомы такие его произведения, как «Царь-рыба», «Печальный детектив», «Последний поклон». К этой же теме можно отнести, по-моему, рассказ «Людочка». Со страниц небольшого по объему произведения встает целая жизнь обычной деревенской девушки. Читаешь название и понимаешь, что речь пойдет о чем-то близком, дорогом писателю. Болью наполнены строки Владимира Соколова, которые вынесены в эпиграф:

*Ты камнем упала.
Я умер под ним.*

В этом же эмоциональном ключе написано и вступление рассказа. Оно буквально переполнено риторическими вопросами, умолчаниями, за которыми чувствуется переживание автора, его желание найти истину. И читатель уже настроен: речь пойдет о чем-то необычном, ярком, и, может быть, поэтому столь контрастно звучит рассказ о жизни обыкновенной девушки: «Людочка родилась в небольшой угасающей деревеньке под названием Вычуган. Мать ее была колхозницей, отец – колхозником». Когда мы вспоминаем свое детство, в памяти всплывают самые яркие события. А что могла вспомнить Людочка? Астафьев, рассказывая о детстве девушки, подчеркивает, через детали, что ничего запоминающегося в ее жизни не происходило: «... росла, как вялая, примороженная трава, мало играла, редко пела и улыбалась, в школе не выходила из троечниц, но была молчаливо-старательная и до сплошных двоек не опускалась». Читатель постоянно натывается на такие слова, как «незаметно», «ни хорошо, ни плохо». Чувствуется

какая-то дисгармония, нарушено то, что каждому из нас привычно: ребенка надо любить. Людочка не ощущает даже материнской любви, ее не понимают. Чужим для нее является и родной дом. И поэтому так хочется вырваться из серой обыденности. Кому не понятна мечта девушки уехать в город, чтобы все, все изменить. И Людочка как все «... ехала в город – устраиваться».

Не знаю как вам, но мне врезались в память строки о «новой жизни» Людочки: «... первую ночь провела на вокзале». Девочка, ничего не зная кроме своей деревеньки, не могла не чувствовать себя одинокой. Город встречает ее равнодушно, давая понять, что она лишняя в нем. Психологически тонко Астафьев показывает желание Людочки стать, как все, приспособиться к «новой жизни»: «... приводила себя в городской вид, сделала завивку, маникюр». Но мне почему-то было жалко ее в этот момент: никакие внешние перемены не могли в ней скрыть простую деревенскую девочку: «Тихая, вроде бы по-деревенски скованная, но по-крестьянски сноровистая, она предложила подмести волосы на полу, кому-то мыло развела, кому-то салфетку подала...»

Может быть, именно поэтому среди всех выделила Людочку старая парикмахерша Гавриловна. Астафьев нам подробно не рассказывает о жизни Гавриловны, но за незначительными фразами, фрагментарными описаниями встает еще одна судьба, и читатель понимает, что привлекает Гавриловну в Людочке. Она очень похожа на нее, ведь когда-то эта женщина сама приехала в город за счастьем. Симпатии Астафьева всегда на стороне деревенских людей, привыкших мыслить просто и ясно и не способных на зло, умеющих любить и уважать людей вокруг себя. У этих людей свое понимание совести, в них есть какая-то природная сила. Законы, по которым они живут, просты и человечны: за добро нужно платить добром, нужно много трудиться, уважать старших, не брать чужого. Автор рассказывает нам о двух студентках, живших когда-то у Гавриловны: «...крашенные, курящие...», «... постоянно воспитывали Гавриловну...», «... не различали свое и чужое...» Это полный контраст представлениям о жизни деревенских людей. В. Астафьев известен как мастер портретных характеристик. Вот одна из них: «Ликом он и в самом деле смахивал на черного узкозадого жука, летающего по деревенской рухляди и что-то там или кого-то там длинными хрусткими усами терзающего». Прочитав эту цитату, трудно догадаться, что речь идет о человеке. Но, тем не менее, именно таким предстает со страниц рассказа Стрекач

– гроза местных жителей, человек, лишенный всяких нравственных принципов, олицетворение зла. Астафьев не случайно описывает бесчинство Стрекача: «... ломом крушил окна, веранду, бил посуду, растаптывал скарб, рвал постели, мочился в банки с крупой и мукой...» Что же позволяет этому нравственному уроду чувствовать себя хозяином? Безразличие и страх окружающих, их нежелание вмешиваться. И опять Астафьев проводит мысль о том, что в городе люди живут разрозненно, каждый сам за себя. Эти нравственные проблемы существовали с древнейших времен – с тех пор, как только начало складываться человеческое общество. Это и есть реальность, от которой никуда не уйти.

По-моему, главную роль в понимании основной идеи рассказа играет описание парка. Все мы привыкли к тому, что парк – это место, где человек может отдохнуть от городской суеты. Но в рассказе Астафьева «Людочка» все иначе. Отвержение вызывает описание парка: «Вдоль канавы, вламываясь в сорные заросли, стояли скамейки...», «из грязной канавы и пены торчали и гудели горлами бутылки разных форм и мастей...», «всегда тут, в парке, стояла вонь, потому что в канаву бросали щенят, котят,дохлых поросят...» И люди ведут себя по-звериному: «Бесилась, неистовствовало стадо, творя... телесный срам и стыд». А ведь это описание танцплощадки. Именно здесь столкнулись зло и незащищенность, цинизм и наивность. Как всегда, Людочка шла «от трамвайной остановки до дома Гавриловны через парк», а в нем – «Стрекач, свободный от дел, сидел... на бетонной скамейке...» А дальше ужасающая своей реалистичностью сцена изнасилования. Наверное, никто не мог остаться равнодушным к судьбе девушки, когда читал строки: «Людочка, слепо шаря по земле, по себе, ползала в бурьяне, натыкалась на кусты, между приступами рвоты чихала и все что-то искала...»

Любое человеческое сердце содрогнется от сострадания, но мир, который описывает Астафьев, жесток. Оскорбленная, униженная девушка ни у кого не находит понимания. А ей-то всего-навсего нужно было, чтобы ее кто-нибудь пожалел. Не замечает страданий девушки и Гавриловна, уже привыкшая к оскорблениям и не видящая в них ничего особенного. Мать, самый близкий и родной человек для Людочки, не чувствует ее боли (и Астафьев вновь проводит мысль: там, где разорваны кровные узы, недалеко до беды).

Меня всегда поражало внимание Астафьева к деталям. Из рассказа «Людочка» мне запомнилась та «пестренькая веревочка,

туго затянувшаяся» на шее бедной, всеми отвергнутой девушки. Эта веревочка является символом, и автор несколько раз вводит эту деталь в текст («Вот она, плотно скрученная веревочка! Мать сказывала, что привязывала ее к люльке». «Отчим Людочки плюнул окурок, пошел было, но тут же вернулся, раздергал... веревочку, снял ее с тополиного обломка...»)

От люльки до рокового дерева, от начала жизни до ее конца, протянулась веревочка. Что же нужно сделать, чтобы не оборвалась эта нить, на которой держится самое дорогое и хрупкое – человеческая жизнь. Астафьев учит нас: надо вовремя сказать доброе слово, вовремя остановить зло, вовремя не растерять себя. Может быть, отчим Людочки (ведь не случайно Астафьев к нему в карман кладет веревочку) остановит зло и беспредел, царящие вокруг. Несмотря на всю трагичность произведения, Астафьев дает надежду: есть еще время опомниться! И читатель верит ему. «Дитя не в тягость нам будет, хоть мы и старые, дитя нам будет уж как и сын и дочь, как внук и как внучка, оно скрепит нас, на плаву жизни удержит», – размышляет мать Людочки, возвращаясь в деревню после похорон.

По-моему, в рассказе «Людочка» В. П. Астафьев поднимает вопрос, уже давно волнующий людей. Сейчас, в двадцать первом веке, человек также одинок, как и раньше. Постоянно сталкиваешься с безразличием, равнодушием по отношению к другим людям. Это приводит к тому, что в безвыходной ситуации человек замыкается в себе и отдаляется от окружающих еще больше. Произведение служит предупреждением о том, что люди не должны забывать своих близких и родных. Писатель призывает беречь тех, кто окружает нас. Только забота о друг друге и любовь к ближнему делает нас людьми.

В этом рассказе Астафьев очень точно изображает реальность, заставляет задуматься об окружающем нас мире, о беспорядке, хаосе, безразличии, которые царят вокруг. «Нравственность есть Правда», – писал Василий Шукшин. Правда и нравственность в литературе неотделимы. Светлая любовь, непримиримость ко всякому злу и доброта, восхищение красотой Земли высказывается в произведениях Виктора Астафьева «от первого лица», со всей прямотой и бесстрашием.

Сегодня всем ясно, что наше общество больно. Но чтобы его правильно лечить, нужен верный диагноз. Над этим бьются лучшие умы страны. Очень точный диагноз одной из страшных болезней

ней, поразивших страну, поставил Астафьев. Главную трагедию героини своего рассказа «Людочка», в образе которой отразились как две капли воды боль подавляющего большинства наших соотечественников, он увидел в душевном одиночестве. Рассказ легко вписывается в литературный процесс современности.

Одна из главных особенностей таланта Виктора Петровича – умение охватить проблемы, волнующие многих: бесхозяйственность, падение нравственности, распад деревни, рост преступности. Астафьев показывает нам будничную, серую, самую обыкновенную жизнь: дом – работа – дом. В этом круге живет Гавриловна, потерявшая здоровье в парикмахерской, ее товарки, как должное принимающие все горести и удары судьбы. В этом круге должна быть и главная героиня рассказа – Людочка. И она, не сопротивляясь, двигается по этому кругу...

Карина Болгова
Руководитель Н. И. Леонова

Открывая новое в себе...

Первая встреча с творчеством Виктора Петровича Астафьева произошла у меня в 5-м классе, когда на уроке литературы изучали рассказ «Васюткино озеро». Трудно было оторваться от текста. История потерявшегося в тайге мальчика запомнилась не только трудной дорогой возвращения к людям, природой, живущей по своим особым законам, но и тем, что позволило главному герою выжить в казалось бы невыносимых условиях. Это данные в свое время советы взрослых, их жизненный опыт, мудрость, те «затеси», от которых «далеко не уходи – сгинеешь».

Обратившись к другим рассказам, поняла: «затеси» эти как пометка на сердце, как духовная памятка, как нравственные законы жизни. Начало всему положено в деревне, где живут простые люди, где говорят просто и мудро, где живут размеренно и достойно. Наверное, мы стали забывать какие-то важные и обязательные для каждого законы. Иначе как объяснить жестокость по отношению к старикам, равнодушие ко всему, что происходит в стране. Мне кажется, что правильно и мудро – это жить в уважении друг к другу, в любви к своей стране и близким людям. Поэтому, обращаясь к произведениям В. П. Астафьева, задумы-

ваешься о нравственных уроках, которые современному читателю необходимо усвоить.

Во многих рассказах встречаются одни и те же персонажи. Это бабушка Катерина Петровна, дед, дядя Левонтий с многочисленной семьей, тетка Авдотья, тетка Августа и другие жители села. Автору, мне кажется, хотелось представить всю деревню одной семьей. Дети в семье бывают разные, поэтому и герои рассказов с разными характерами, судьбами.

Особое место отведено образу Катерины Петровны, бабушки главного героя. Она связывает всех членов семьи Потылицыных, всю многочисленную родню, которая соберется однажды на ее день рождения, а также всех жителей деревни.

В рассказах «Монах в новых штанах» и «Бабушкин праздник» мы видим, как люди тянутся к ней за помощью, за поддержкой, за пониманием. Никого она не осуждает, но строго учит уму разуму. Терентия, мужа тетки Авдотьи, Катерина Петровна могла заставить просить прощения у жены и давать обещание стать «анделом», умирjala разошедшегося дядю Левонтия. Несчастливого дядю Митрия наряжала в мужнину одежду, чтобы посадить за праздничный стол, где бы и он разделил общую радость. Жалела одинокую и бездомную тетку Августу. День рождения бабушки показал не только любовь близких к ней, но и всей деревни. Так и надо жить, чтобы заслужить уважение и признательность окружающих.

Очень по-доброму, душевно автор передал предпраздничное настроение, царившее в доме. Мне особенно запомнилось, когда бабушка принесла детям первые горячие пирожки. Ощущается теплота, нежность, любовь этой женщины. Она становится воплощением дома, в котором тебя всегда ждут, о тебе заботятся и всегда защитят от всех невзгод.

А когда заболела Катерина Петровна, «старухи, дочери, племянницы и разный другой народ, хозяйничающий в доме, успокаивал ее», чтобы не беспокоилась о «ненаглядном ребенке».

Бабушка стала нравственной опорой для многих, «генералом», с которым не страшно в жизни.

Характер у бабушки сильный, яркий. В рассказе «Фотография, на которой меня нет» Катерина Петровна хоть и бранит внука, но нет в ее словах злости, желания сделать больно, жестоко наказать. Она понимает, что перед ней ребенок, со своими детскими проказами, шалостями, своим миром. Его боль – ее боль.

В рассказе «Конь с розовой гривой» за обман наказала она вну-

ка: «и срамила же меня бабушка! И обличала же!..» Даже дед не выдержал – ушел. Сам герой ночь в чулане проплакал от вины перед близким человеком. Поняла Катерина Петровна, что ее непутевый внук много выстрадал, значит, уроки усвоил. Нельзя ребенка постоянно наказывать, иначе вырастет злым, несчастливым. Пример мудрого прощения показала бабушка, подарив пряничного коня, мечту «с розовой гривой». Будущий писатель В. П. Астафьев всю жизнь помнил об этом, был благодарен за науку.

А какой язык был у бабушки! «Окаянная твоя душа», «нате-ка! Уросит!», «...на вот конфетки-то, помусли», «...ешь с дедом ши капустные, будут шея бела, кудревата голова!..» – так выразительно, сочно умеют говорить искренние и добрые люди. С ними и другим хорошо, душевно.

Могла Катерина Петровна и неправоту свою признать. Когда «взбаламутит» деда, обидит его, долго крепится, но первый шаг к примирению делает. Внука пошлет за ним, еды «в обрез» даст, чтобы «раздразнить домашней снедью», но вернет и плохого не вспомнит. Как мудро она умеет вернуть мир в семью, наладить отношения со всеми.

Бабушка и дед научили мальчика уважительно относиться к людям. В рассказе «Бабушкин праздник» почти все односельчане весело гуляли на дне рождения, несмотря на желание родственников устроить только семейный праздник.

А когда в только что сшитых штанах герой рассказа «Монах в новых штанах» отправился к деду, все встречные «оглаживали и говорили всякие хорошие слова».

В рассказе «Конь с розовой гривой» главный герой стремился в шумную семью дяди Левонтия. Там денег не всегда хватало на жизнь, хозяйство велось как-то странно. Зато здесь были искренние отношения, здесь был дядя Левонтий, который любил море, пел песню про обезьянку и вспоминал мать нашего героя. Автор в нескольких рассказах признавался в любви к этому человеку, простому, наивному, несчастному. Так в сострадании, в сопереживании формировалась душа мальчика.

Особое отношение в произведениях В. П. Астафьева к учителям. «Уважение к нашему учителю и учительнице всеобщее, молчаливое», – пишет автор в рассказе «Фотография, на которой меня нет». Такое почтение не только за вежливость, уважение ко всем людям, «не разбирая ни бедных, ни богатых», но и за помощь. Только Евгений Николаевич смог умирить дядю Левонтия

«вежливо все, вежливо». В любое время дня и ночи учительский дом открыт для каждого. Благодарным ответом учительской семье было то, что жители «забывали» еду в их доме, за ребенком присматривали. Могли и поучить, как вести хозяйство. Мне кажется, сельчане относились к ним так, как будто это их дети, родные.

Такие люди, как бабушка Катерина Петровна, дед, учителя, открывают детям мир во всем его многообразии. И он, мне кажется, становится понятным, близким и красивым. Заболевший герой рассказа «Фотография, на которой меня нет» долго ждет пробуждения цветка. Его удивляла и завораживала тайна «расцветания» из «темной нежилой земли». С каким восторгом описывает «яркогубый цветок... с младенчески-радостным ртом!» Так ощущать красоту природы может только человек с чистой душой и открытым сердцем.

Встреча с творчеством В. П. Астафьева — всегда открытие нового в себе и в людях. Его произведения помогают сохранить веру в то, что доброго, хорошего в жизни больше, чем плохого. Надо только жить по нравственным законам: жалеть несчастного, помогать нуждающемуся, не проходить мимо чьей-то беды. Уметь быть благодарными тем, кто когда-то научили тебя видеть прекрасное в обыденном, радостно принимать этот мир, показали пример искренней любви к малой родине.

Начинаешь чувствовать и свою ответственность за все, что происходит вокруг. Жить хочется ярко, чтобы оставить добрый след в душах людей, в судьбе страны. В этом, я думаю, и должна заключаться гражданская позиция каждого человека. В. П. Астафьев стал одним из любимых моих писателей.

Екатерина Титлянова
Руководитель А. А. Печур

Живое в мертвом, мертвое в живом

Каждый человек несет ответственность перед всеми людьми, за всех людей и за все.

Ф. М. Достоевский

Я читала, читала, читала... Никак не могла оторваться... И что-то переворачивалось в душе с каждой прочитанной строчкой... Нет, легче не становилось. Становилось горше.

Жизнь и смерть... Эти понятия неразрывно идут рядом в произведениях В. П. Астафьева. Читая его рассказы о животных, о природе, я невольно ужаснулась: почему-то из многих строчек сквозило уж если не холодом, то пустотой. Почему? Ведь и рассказы вроде о природе, живой природе. И герои чаще всего животные или люди... Так откуда же взялся этот холодок?

Продолжая чтение, я заметила, что практически всегда человек противопоставляется животному. Животные, жить, живой – с точки зрения этимологии в этих словах один корень и обозначает он «жизнь; то, что живет». Никто и не спорит, что животные – это живые существа. А кто же тогда человек? В рассказах Астафьева именно от рук человека страдают и гибнут живые существа. Гибнут просто так, ни за что.

Рассказ «Яшка-лось». После прочтения на душе остался неприятный осадок. Обида. Недосказанность какая-то. Что это? Отчего? В рассказе идет речь о жизни жеребенка и о его гибели. От рук человека. От человеческой глупости, человеческих пороков, банально, просто от желания выпить. Но обо всем по порядку.

Яшка – это жеребенок, который родился от «вислогубой, справной кобылы Марианны». Уже с самого начала мы видим отношение автора к этим животным: Марианна нежно называется мамой, а Яшка – ласковым, ручным парнем. Тем самым автор стирает границы между животными и людьми. И вообще на протяжении всего рассказа создается ощущение, что читаешь ты не о жеребенке, а о маленьком ребенке: «запришлепывал плачущими губами», «ликует сердце Яшки».

А вот финальная сцена – гибель Яшки. Сердце разрывается на части, когда читаешь это. Потому что картинка как бы оживает на твоих глазах. Ты и видишь, и слышишь то, что происходит на этой злосчастной реке. «Яшка увидел мерцающий вдали берег с затаившимся снегом в логах, темнеющий лес по горам, услышал жаворонка и заплакал слезами, а заплакав, крикнул вдруг пронзительно и высоко. И услышал издали, с берега:

— Я-ашенька-а-а!»

Если не знать, что читаешь про жеребенка, можно подумать, что гибнет ребенок.

Так почему же так происходит? Почему погибает Яшка? Смерть его – дело рук человеческих. Сожалеет ли бригадир, что погубил жеребенка? Сначала – да:

«Мокрый, драный, он катался по земле, выливая воду из сапог, и взывал, как о милости:

– Убейте меня! Убейте меня!..»

Но финал рассказа показывает, насколько неискренним было такое раскаяние: «Началась весенняя страда, и бригадир, снова пьяный, на другой уже лошади, ездил по полям заречным императором, крыл сверху всех по делу и без дела и, если ему напоминали о Яшке, скорее скрывался с глаз долой, грозясь и стегая лошаадь».

Нет раскаяния, не чувствует человек, что совершил что-то ужасное, непотребное, жуткое – убил ни в чем не повинное животное. Просто так. Да и наказания никакого бригадир за это тоже не получил:

«Бригадира отдали под суд, но на вызовы в суд он не являлся: то был пьян, то занят, и так вот проволынил лето. Осенью, к юбилею нашего государства, вышла амнистия, и дело о погублении коня Яшки-лося было закрыто».

Так о чем этот рассказ? Я думаю, об ответственности человека за свои поступки: губя животное, убивает он и в своей душе что-то живое, сам умирает духовно.

Этому же посвящено еще одно совсем небольшое произведение, в котором изображено то, что угнетает, шокирует, выворачивает душу наизнанку! Рассказ называется «Из милосердия». Начинается он вполне радужно: «Девочка ... кормила голубей из кулька». Но сердце ухает вниз, когда читаешь продолжение рассказа: «...а ночью отец сгребал лопатой мертвых голубей в кузов машины и, когда нагреб их полный кузов, отвез на свалку и сжег там». Что это – параноидальная нелюбовь к птицам? Оказывается, нет. Это так называемые «борцы» за здоровье людей – как саркастически называет их автор. Их миссия – спасти людей от гибели, потому что голуби стали болеть и могли заразить человека. А во втором случае, который вспомнился рассказчику – птицы погибли от того, что люди хотели истребить энцефалитных клещей, якобы для предотвращения эпидемии. Какое-то странное «спасение» одних через убийство других. Причем, создается впечатление, что придумывают такие «приказы» не живые люди, а какие-то бездушные машины. Да, так это, в конце концов, и получается. Поэтому, наверное, рассказ и заканчивается словами из старой молитвы, которую вспоминает автор. И в этом мы видим скрытый авторский призыв – спасите свои души, люди! Остановитесь! Что вы с собой

делаете?! Неужели не видите, не осознаете, что, губя живую природу, вы убиваете себя? Свою душу. Живое в себе...

Тот же скрытый призыв повторяется во многих рассказах В. П. Астафьева. И вот, к примеру, еще один, поразивший меня, – «Старая лошадь».

Идет война, а «на нейтральной полосе... вот уже третий день стоит раненая лошадь». Как она там оказалась? Что она делает среди этого хаоса на границе двух миров? Живое, измученное жизнью существо, привыкшее во всем полагаться на людей, верить им, доверять. А теперь «...в большом глазу ее можно было заметить тупую боль, тоску и недоумение». Отчего же?

Объясняет все история ее жизни. Она рождена была для работы. Она послушно исполняла свой тяжелый, но вполне понятный долг лошади. Подчинялась людям, верила им... Но когда состарилась, про нее забыли. Ее бросили: «Так она и осталась на поле одна, всеми брошенная, никому не нужная». С лошадью обошлись, как с пришедшей в негодность вещью. Никто отчего-то не задумался, что она живая, что тоже может страдать... А она до последнего верила людям, верила, что ей помогут, хотя бы просто пожалеют.

«Так и стояла она между двумя враждебными мирами, в самом центре войны. Она была рождена работать и всю жизнь работала на людей, а они выстрелили в нее из того оружия, которое придумали для себя». Так почему опять расплачиваться за наши глупые поступки приходится животным? Они-то в чем виноваты? Стыд, боль, слезы переполняют душу, когда читаешь эти строки. Что мы видим снова? Людское бездушие, безответственность... А лошадь эта как немой укор тем, кто развязал эту глупую, беспощадную, бессмысленную войну. Укор в том, что очень часто мы, люди, абсолютно не задумываемся о последствиях.

И это только три небольших произведения. А сколько их еще... И самое горькое то, что о чем бы ни писал Астафьев, не выдумка... Почему, например, многие люди не могут смотреть документальные фильмы о войне? Потому что во многих из них показана неприкрытая правда. Так и у Астафьева. Режет эта правда глаза. Заставляет говорить в нас совесть. Заставляет понимать, что мы в ответе за нашу землю, за каждую травинку, что растет на ней. И убивая природу, мы, прежде всего, убиваем себя...

И так хочется повторить вслед за автором, в надежде на человеческое пробуждение: «Боже, милосердия ми воздаждь... и милосердия ми воздаждь... и милосердия...»

Максим Титов
Руководитель Н. А. Морева

Всегда оставаться человеком

Много ль человеку надо? Много. Понимания, сопереживания, любви. Признания окружающих. Здоровья, счастья... Всего того, что составляет смысл жизни.

Но как порой сложно найти этот самый смысл! Вот и мучается человек, мечется, совершает глупости, страдает из-за этого и вновь совершает ошибки, опускаясь иногда на самое дно жизни и теряя человеческий облик, и вновь обретает духовные и гражданские ценности, без которых нельзя быть человеком. Многие писатели обращались к проблеме духовной деградации. Истинным мастером слова, способным на примерах из жизни показать ее процесс, причины и следствия, является В. П. Астафьев.

Вспомните его «Затеси»! Одной фразой писатель показал свое отношение к тем, кто считает себя Человеком: «Под бравую песню «То ли еще будет...» расползаются они по затоптанному клочку земли, глядя на который еще раз убеждаешься, что в смысле выделения мусора и нечистот никто сравниться с высшим существом не может – ни птица, ни зверь...» Поневоле задаешься вопросом: как же могло такое случиться? Почему теперь приходится сомневаться в правильности названия вида: человек РАЗУМНЫЙ? Разумный ли?..

Любой образ – неважно, будь то мальчишка из рассказа «Хвостик» или ветеран из произведения «Афганец у ног президента» – заставляет задуматься: что заставило человека отказаться от того, что составляет ценность жизни, стать обычным потребителем благ, практически паразитом? Забыть об уважении к людям, к истории и культуре своей страны.

Не хочется верить, что реальность настолько страшна, вот и спорят люди: мол, не совсем прав Виктор Петрович. Не так уж люди плохи. Только на стороне писателя оказывается сама жизнь. Приведу пример.

Я с трепетом в сердце вспоминаю рассказы деда-ветерана о войне. Не жалея себя, мой дед сражался бок о бок с теми, кто тоже хранил в своем сердце драгоценные воспоминания о любимых, близких людях. Ради своих родных они отдали свои жизни.

Я всегда так думал. До определенного времени. Как-то в передаче «Новости Красноярска» увидел репортаж о том, как был же-

стоко избит ветеран Великой Отечественной войны. Избивавшие хотели отобрать пенсию и награды старика. Те самые награды, которые он получил, сражаясь за будущее своих детей, своих внуков. Будущее и тех людей, которые теперь покалечили его и отняли жалкую пенсию...

Как оказалось, это не единственный случай. В той же передаче рассказали, что другой ветеран попал в больницу с тяжелыми травмами после избиения. Напавшие отобрали у него медали и ордена. Выяснилось, что позднее они продали их за шесть тысяч рублей. А ветеран скончался в больнице спустя два дня. Думаю, что дело не только в побоях. Скорее всего, сердце бывшего солдата не выдержало ...

Вы правы, Виктор Петрович, отвечая на вопрос: много ль человеку надо? Много. Оставаться человеком. В любой ситуации. Несмотря ни на что. Не случайно появляются такие образы, как бабушка Катерина Петровна из «Последнего поклона», Павел Егорович и Аким из «Царь-рыбы» и многие другие – все те, кто живет для семьи, для окружающих, для следующих поколений – одним словом, для других людей.

Писатель показывает на примере своих героев, что рядом с нами живут люди, чья душа излучает свет, указывая в темноте путь другим душам. И чем больше таких людей будет на нашей земле, тем меньше останется места для зависти, злобы и равнодушия – именно на этот путь как единственно верный указывает великий писатель, мой земляк, Гражданин и Патриот – Виктор Петрович Астафьев.

*Анна Буланова
Руководитель З. Н. Гудкина*

Образ воина-солдата в рассказах В. П. Астафьева

В военных рассказах В. П. Астафьева особый интерес представляют образы солдат-воинов. В них зачастую прочитываются уже знакомые черты воинов-защитников семьи, дома, Отечества. Поэтому важным для нас представляется исследование приемов создания образов воинов, выявление традиционалистского и новаторского начал автора в их изображении.

Человек может изображаться в произведении идеализированным или таким, каков он есть в реальной жизни. Принцип реальности требует изображения героя со всеми достоинствами и пороками и оценки его в свете эстетического идеала. Идеал же определяют эпоха, литературное направление, мировоззрение писателя.

О войне написано много. В. П. Астафьев показал «свою» войну, войну, на которой он сам был, которую знает не понаслышке, поэтому в его рассказах действуют простые солдаты, воины, труженики войны. Отличительной особенностью его рассказов является то, что в них практически нет батальных сцен, что делает войну еще страшнее, еще противоестественнее для всего живого на земле. Астафьев создал единую книгу о своем поколении, драматической и в то же время счастливой судьбы, обладающем редкой нравственной силой, огромным духовным богатством. Нам хотелось бы ответить на вопрос, существует ли определенный тип воина-солдата в военных рассказах В. П. Астафьева.

В. П. Астафьев, создавая образы воинов-солдат, по-разному рисует их портреты: одни из них подробные, с указанием имен, фамилий, должностей, званий. Как правило, эти герои вернулись живыми с фронтов Великой Отечественной войны. Другие – неполные. Третьи даются одной-двумя деталями, штрихом. Четвертые вообще не имеют портрета.

Наличие фамилии, имени, отчества, должности, звания присутствует у таких героев: Иван Тихонович Заплатин, генерал Спыхальский, комбат Алексей Васильевич, Сергей Митрофанович, шофер Андрюха Колупаев; Верстюк Карпо, Копылов Тимофей; Дмитрий Степанович, Кеша, дядя Вася, Еремеев, Коля Зверев, Захар Куприянович, генерал Лелюшенко, связистка Голыба; Лешка – Алексей Шестаков; Васконян, Мансуров, Зарубин Александр Васильевич, генерал Сыроватко.

Отсутствуют имена у связиста, связистки, техника-связиста – жениха Саши, командира дивизиона, рассказчика, лейтенанта-связиста в рассказах «Индия», «Сибиряк», рассказчика («Горсть спелых вишен»).

В. П. Астафьев подробные портреты своих героев дает редко, лишь в нескольких рассказах есть подробное описание внешности героев: Андрюхи Колупаева, Матвея Савинцева, Саши Краюшкиной.

Коренастый, чернявый, на бурята смахивающий мужик – вот

таким впервые рассказчик увидел Андрюху Колупаева («Передышка»). Во время передышки на хуторе у Андрея пропал аппетит, лицо осунулось – впервые он влюбился. Все солдаты искали в нем «красоту и значительность, за которую господь бог ниспослал человеку такое чудо!» Когда Андрюха стал получать письма от вдовицы, это его совершенно изменило. «Лицо Андрюхино так блестело и сияло, будто он квашню блинов срубил во время масленицы и сверх того пол-литра выпил», «читал письмо, шевеля губами, сначала под носом, потом под нижней губой». На Андрюху повлияли разборки по поводу писем жене и женщине: «стал молчаливей», «неряшливый сделался, вонял бензином, редко брился, бороденка осокой кустилась на его шербатом, заметно старящемся лице». Даже спустя некоторое время думал о встреченной на войне женщине, но понимал, что вернуться придется домой, ведь у него двое детей и он любит их.

Встреча с Матвеем Савинцевым («Сибиряк») происходит в начале рассказа, перед нами «солдат с крупным, чуть рябоватым лицом». А вот таким увидел солдата лейтенант-связист, пришедший познакомиться с новобранцами: «Простоватое лицо солдата с реденькими бровками расплылось в широкой улыбке, а добродушные серые глаза смотрели на лейтенанта так, будто он давно-давно знаком с ним». «Пилотка, еще новая, уже успела потерять свою форму и напоминала капустный лист, пряжка ремня сбилась набок, гимнастерка вся была в мазутных пятнах». Крупный, грузный, он в конце рассказа внушает доверие, кажется надежным человеком, на которого можно опереться, можно рассчитывать.

Детский портрет Саши Краюшкиной, героини рассказа «Индия», дается неполно, известно лишь одно: девочка подстрижена под мальчишку, с прямой светлой челкой. Работая в узле связи, Саша стала дружить с техником, готовиться к свадьбе, поэтому стала солидной, строгой. К празднику сделала в парикмахерской завивку по моде того время. Рассказывая о Саше на войне, автор подчеркивает, что она была «невеликого роста, проворна и сноровиста в деле, снова стриглась под мальчишку, ходила в гимнастерке и брюках», считая их удобной одеждой на войне. В редкие минуты командир батареи замечал «в задумчивых глазах ее – теплую и долгую улыбку».

Менее подробно выписаны портреты Сергея Митрофановича, старого солдата из рассказа «Ясным ли днем», это «инвалид с осиновой деревяшкой, в суконном старомодном пиджаке, в синей

косоворотке». У него залысины, седые виски, морщины, а руки в царапинах и темными проколами – свидетельствами того, что это рабочий человек. На войне был ранен в левое плечо. Когда ходил, зажимал рукой раненое плечо и даже плакал «по-девчоночьи тонко и возил липким кулаком по залитому слезами лицу».

Автор не дает развернутого портрета старого солдата – повозочного в рассказе «Индия». Стараясь подчеркнуть простоту манер, а также доброту старого солдата, писатель использует детали, помогающие воссоздать портрет немолодого, простого человека: «... сказал он..., сморгнув с затяжелевших ресниц мокро и высморкался в жесткую полу шинели»; «повозочный почмокал губами, высасывая дымок из мокрой, притухшей сигарки», «дрогнув голосом».

Несколькими штрихами В. П. Астафьев рисует портреты связиста Коли Зверева, солдата Олега Глазова, Верстюка Карпо, рассказчика, Мишки Еремеева, Лешки Шестакова, Василия. Портрет лейтенанта-связиста в рассказе «Сибиряк» обрисован несколькими деталями: «черноватый лейтенант с усталыми глазами». Портрет Коли Зверева не дается, лишь подчеркивается, что он не крепкий («Сибиряк»). В рассказе «Солдат и мать» нет портрета солдата, возвращающегося в свою часть после лечения в госпитале, зато немного описана одежда и обувь рассказчика: в дороге было грязно, ботинки старые, быстро отсырели, одежда тоже бэу – бывшая в употреблении. Олег Глазов из рассказа «Сашка Лебедев» был невысокого роста, с «завидным телосложением». «Гимнастерка разделана в распашонку, в крови с ворота до подола. На брюках тоже насохла красная корка». Вид конфузный. Верстюк Карпо – герой рассказа «Улыбка волчицы» – участник войны, покалечен, вернулся домой кособоким.

Портрет рассказчика («Тельняшка с Тихого океана») передается автором так: инвалид, потерял на фронте ногу, ходит с протезом. Чувство одиночества (мать вновь вышла замуж) заставило героя в детстве идти на неблагоприятные поступки: стал курить, попробовал вина, говорил по-блатному, поэтому на улице все его боялись. Мишка Еремеев – сибиряк, бывший детдомовец, с наколкой в виде якоря на руке («Тельняшка с Тихого океана»). У Лешки Шестакова («Последняя песня») лицо обезображено войной. Василий из рассказа «Тревожный сон» – приветливый, широкодушный и озорной человек.

Отсутствуют портреты братьев Краюшкиных, командира батареи капитана Алексея Васильевича («Индия»); связистки Голыбы

(«Сибиряк»); Васконяна и Мансурова из «Последней песни»; рассказчика, Ваньки Мансурова, Кости Выгонова, Веньки Крюка, дежурного лейтенанта, сержанта с портупеей («Горсть спелых вишен»).

Род занятий до войны у наших героев был различным. Среди них профессиональными военными были майор Зарубин Александр Васильевич, генерал Сыроватко, генерал Лелюшенко, военный инженер генерал Спыхальский. На гражданской работе были задействованы многие герои военных рассказов В. П. Астафьева. Связисткой работала в районном узле связи Саша Краюшкина («Индия»). Прицепщиком, а потом трактористом успел поработать и отличиться в своем деле Матвей Савинцев («Сибиряк»). Шофером до войны трудился и зарекомендовал себя очень хорошо Андрюха Колупаев («Передышка»). Сплавщиками леса были Тимофей Копылов, Верстюк Карпо («Улыбка волчицы»). Редкую и дефицитную для тех лет специальность слесаря-краснодеревщика имел Дмитрий Степанович («Ночь космонавта»). Рабочим лесокombината, учеником курсов бракеров, плотником, печником, приемщиком пушнины, заведующим лодочной базой, коммерсантом (торговцем овощами) успел побывать дядя Вася («Сорока»).

Профессии неизвестны у многих героев, в том числе у связиста («Индия»), связистки (там же), бывалого солдата («Сибиряк»).

Семейное положение у всех разное.

Подробно описана довоенная жизнь, военная судьба, послевоенное житье у героев, вернувшихся с войны.

Верстюк Карпо («Улыбка волчицы») – необычный человек. Украинец, сосланный с родителями в Сибирь, не забыл свой родной язык. На войне проявлял храбрость, но не боялся показать свою слабость (выл во время одного из боев, плакал во время просмотра кинофильмов).

Был покалечен, вернулся без руки. Последние десять лет обзавелся вездеходом, усовершенствовал его. С молодых лет был мастеровым, «и хитро, как ему казалось, мог решить любую жизненную проблему». За годы работы егерем было всякое, свидетельство этому – большой черный шрам на шее от выстрела ружья, что говорит о нелегкой работе Верстюка, о том, что его работа была сродни «работе» его на войне.

Тимофей Копылов («Улыбка волчицы») – местный житель, чалдон. Участник войны, пришел домой искалеченным. Женился. Продолжал дружить с Верстюком, помогал ему в работе. Сам же

трудился и жил на метеорологическом посту, не мог сидеть без дела.

Сергей Митрофанович («Ясным ли днем») – прост и понятен только в общении с другими. Но как искренне и чутко переживает он день «традиционной» поездки на медкомиссию. Вспоминаются лица однополчан, танковая атака. И себя он видит молодым, бравым командиром орудия с орденами и медалями. В этот необычный для него день Сергей Митрофанович невольно все измеряет фронтовой мерой. Вот отчего так остро звучит сцена врачебного осмотра.

Сашку Лебедева («Сашка Лебедев») раненного в грудь, везут в госпиталь, а на самом деле его привозят в палатку, где не кормили, не поили и не сильно-то лечили. Там нужно отстоять огромные очереди, чтобы осмотрел врач.

Рассказчик Виктор («Соевые конфеты») работает на станции Базаиха сцепщиком вагонов. Уходит на фронт добровольцем, так как на него неизгладимое впечатление произвело то, что на станции отцепили от поезда, идущего с эвакуированными из Ленинграда, ледник, набитый покойниками, и Виктору поручили похоронить их. «Похоронами я был не просто раздавлен, я был уничтожен ими и, не выходя на работу, отправился в военкомат – проситься на фронт», – вспоминает он.

Шестаков Лешка («Последняя песня») – рядовой солдат в Великой войне – казалось бы, пылинка в великой буре. Награжден орденом Славы. Воевал на Днестре. Помнит, как «плыли безглазые, безгласные вниз по реке»; «за могилой и крестом», и «мыльная пена пузырилась вокруг них».

С войны пришел обезображенным. Но его полюбила хорошая девушка, оценившая Алексея за его душу. Помогал больной матери воспитывать трех сестренек, выучиться, встать на ноги. Заведует районным узлом связи в селе Шурышкар, депутат райсовета. Душа и раны болят к непогоде и с каждым годом болят все тупее и настойчивей.

Занимаясь обходом своего участка, лесник Захар Куприянович («Ночь космонавта») стал свидетелем аварии во время приземления космического корабля. Встреча с космонавтом Олегом Дмитриевичем возвращает его в годы войны, в которой принимали участие и он, и отец космонавта. Герою интересно узнать, как сегодня ценится подвиг космонавта, ведь на фронте солдат «из окопу вылазил и в атаку шел», зная, что это последняя атака. К тому же не

был уверен в том, схоронят ли его в случае гибели, не думал о почестях. Лесник спросил у космонавта: «Кто больше герой – ты или тот бедолага-солдат?» Олег Дмитриевич ответил ему, что без того русского солдата не было бы космонавтов, и вообще ничего не было бы. Покоряет мудрая доброта простого человека, который не кичится своими подвигами, но из его разговора ясно, что он прошел трудными дорогами войны.

Старый солдат-ездовой («Индия») появляется в жизни Саши в самое тяжелое для нее время – тогда, когда она погибала после тяжелого ранения. Повозочный был человек много поживший, много понимающий о жизни. Откопал девушку, находит у нее «большую рану, сочащуюся кровью». Перевязывает рану, «наговаривая при этом для утешения: «Ничего, ничего, сейчас я тебе первую помощь окажу, а после и в санроту доставлю, не бойся, не брошу. До свадьбы зажить должно, непременно зажить...» Речь старого солдата наполнена разговорными и просторечными словами: «снесу», «откудова», «будешь-то», «ну». Эти слова выдают не слишком образованного старого человека, но в душе – нежного, жалеющего молодую девушку, оказавшуюся на войне. Делая нехитрую повязку, солдат вспомнил о своих замужних дочерях. Когда девушка очнулась, забормотала что-то об Индии, ничего не понял, услышал последний вздох ее. Постоял возле нее, затем похоронил и, набрав в ближайшем палисаднике семян каких-то цветов, раскинул их по бугорку «широким взмахом сеятеля». Уехал «по военным делам» – доставлять к передовой боевые припасы, успев сказать хуторянам, что фамилия бойца Индия.

Савинцев Матвей («Сибиряк») – сибиряк, с Алтая, из деревни Каменушка. Отец большого семейства. Гордится сыновьями. Труд связиста-«паутинщика» на войне не ценили, считали его неблагодарным и хлопотным.

Во время тяжелого боя сумел наладить связь и порыв на чужой линии устранил. Вынужден был сидеть в трубе, а «вылезти снайпер не дает». Как человек, разбирающийся в крестьянских делах, заметил, что в «бабку» поставлено не пять снопов, а десять, то есть там и находится снайпер. Предупредил своих о том, что к трубе подходят танки, иначе враги отсекут пехоту. Кинулся к деревне, ища порыв. «Внезапно его, как пилой, резануло по животу. Он упал, широко раскинув руки, и колючая стерня впилась ему в щеку». Был смертельно ранен на поле боя. Матвей обессиливал, но прохода из рук не выпускал, пытался его соединить. Связь заработала

через его руку. Перед смертью видел детей, «колосок, похожий на светленькую бровь младшего сынишки», сибирский цветок жарок, кузнечика, который постепенно превратился в лобогрейку, трактор, самолет. «Маленькой искоркой» летел Матвей, «земля приняла его с тихим вздохом».

На первый взгляд, Андрюха Колупаев («Передышка») – деревенский житель, спокойный, понятный всем. На самом деле он был бойким, знающим себе цену человеком, не теряющимся ни в какой трудной ситуации. Во время войны возил по фронту на отечественном газике связистов, разведчиков, топографов вместе с катушками, телефонами и прочим скарбом. «Где «студдер» не везет, трактор буксует и олень не идет – там Андрюха Колупаев пройдет!»

Жизнь Андрюхи Колупаева оборвалась внезапно. «Во время броска от Берлина к Праге, уставший от работы и от войны, он наехал на противотанковую мину – и машину его разнесло вместе с имуществом и дремавшими в кузове солдатами».

Для писателя, как и для рассказчика («Солдат и мать»), самым дорогим человеком на земле была мать. Поэтому он проникся чувством жалости, доверия к этой женщине, осуждаемой всей округой за сына-предателя. Рассказчик-фронтовик помогает матери, как может: колет дрова, целует на прощание руку, ей, которая окружена ненавистью и презрением. Так может поступить лишь человек, повидавший страдания, любящий свою мать, свою Родину.

Кадровый военный, инженерный генерал П. А. Спыхальский, («Курица – не птица») возглавлял хозяйство и стройбатовцев, призванных двигаться за фронтом и налаживать искореженные пути. Награжден двумя боевыми орденами, что немало говорит о нем как о военном руководителе и инженере.

Коля Зверев («Сибиряк») – телефонист, нашел своего старшего товарища Матвея Савинцева на поле боя, спасал его. Давал ему маленькие кусочки огурчика, стараясь хоть как-то облегчить страдания. Звереву было горько от того, что уходит дорогой для него человек. Успокаивает Матвея так: «Ранение пустяковое, а ты мужик крепкий, сибиряк. Я вот тебя перебинтую, и порядочек. В госпитале залечат». Его речь, тон ее изменяется, становится резким, когда Савинцев просит написать после его смерти прощальное письмо: «Да какое ты имеешь право заживо в могилу оформляться?! Ты есть сибиряк! Понятно?! И ты живой будешь! Понятно?!» Ничего неиз-

вестно о довоенной или послевоенной судьбе таких героев: Васко-
нян, Мансуров, Крюк («Последняя песня»), неизвестных связиста и
связистки, связистки Голыба, командира батальона, раненого сол-
дата («Сибиряк»). Немного известно и о их военной судьбе. В рас-
сказе «Сибиряк» автор, желая показать типичность судьбы девушки-
связистки по фамилии Голыба, не рассказывает ее предысторию, а
обращает внимание читателя на то, что война сводила и разводила
сотни людей, и не до знакомства было во время боев.

Свой идеал воина-солдата – человека мужественного, бес-
страшного, смелого, но вместе с тем и простого, доброго, отзыв-
чивого, находчивого, до конца выполняющего свой долг – писа-
тель воплотил в образах Матвея Савинцева, Андрюхи Колупаева,
Саши Краюшкиной, Сергея Митрофановича, Дмитрия Степано-
вича, Ивана Тихоновича Заплата, Верстюка Карпо, Тимофея
Копылова. Они были дороги сердцу В. П. Астафьева. В некото-
рых из них узнаем черты самого писателя, а в событиях – страни-
цы, даже мгновения его жизни.

Автор в одном из рассказов («Жизнь прожить») ведет речь о на-
стоящем человеке, прошедшем войну, с уважением пишет о нем.
Талантливый, спокойный, любящий свою семью, жену, которая
забрала его, тяжело раненого, из госпиталя. Он видит неспра-
ведливость, унижение, которому подвергаются со стороны вра-
чей все годы после войны инвалиды, а значит, и страны, которую
они защищали. Однако Сергей Митрофанович не потерял чувства
прекрасного: видел красоту осени, красоту женщин. Этот образ
солдата очень близок Виктору Петровичу.

Тип воина-солдата, по Астафьеву, это обыкновенный человек,
в то же время его отличает неоднородность: все герои из разных
регионов страны, разные по возрасту, разные по социальному по-
ложению, но всех воинов-солдат объединяло желание победить
врага, несмотря ни на что, кроме предателя («Солдат и мать»).

В. П. Астафьев, в основном, пишет о военных буднях, показы-
вая простых солдат – будь то русский, украинец, немец – без при-
украшивания, не заостряя внимания на героике. Пишет о гибели
дорогих ему людей. Как отмечает автор в рассказе «Индия», они,
наверное, «мыкали горе в плену». Это замечание говорит о том,
что писатель хорошо знает, что такое быть в плену, оказаться про-
павшим без вести, как тяжела эта утрата для близких и для това-
рищей. Автор, создавая образы воинов-солдат, обращает главное
внимание на поступки героев, их речь, не прорисовывая детально

портреты всех героев, чем хочет подчеркнуть их общность. Говорит и о настоящих русских женщинах, которые не «забывали» своих родных в госпитале, приезжали, забирали и выхаживали их, жили счастливо, хоть и нелегко.

Образ воина-солдата, участника Великой Отечественной войны в военных рассказах Виктора Петровича Астафьева – сложный. Солдат-воин у Астафьева – бесстрашный, храбрый, отчаянный, решительный, находчивый, смелый, простой, добрый человек, при этом всех воинов-солдат объединяло одно желание – победить врага.

У Астафьева особый взгляд на войну. Мы согласны с мнением А. Ю. Колпакова в том, что «писатель стремится разрушить все привычные представления о войне. Война, по Астафьеву, губит все живое, без разбора наций, политических взглядов и душевных состояний. Читать Астафьева – тяжелый труд». Но у Астафьева своя война, он писал о ней в свое время и не солгал, рассказывая о ней. Наш долг понять писателя и героев его рассказов, еще раз воскресить в своей памяти образы воинов-солдат, «давших нам мир, любовь и свободу».

Александра Селина

Руководитель Е. Н. Савельева

Свет керосиновой лампы как символ правды

Далеко за Уральским хребтом остались детство и отрочество В. П. Астафьева, а по эту сторону гор началась послевоенная жизнь взрослого человека.

Где же юность, та сладостная пора цветения чувств, которая греет человека всю оставшуюся жизнь?

Как и юность сотен тысяч других, она осталась там, на фронтовых дорогах, да в живой памяти солдата. Юность и война. Война – как «звездопад», как общий наркоз. Так начиналась у В. Астафьева серия рассказов о русском характере.

У самородка все от Бога. Хотя детство его было сиротским, но он вырос в тени великой любви. И его маленькая жизнь – маленькая часть странной мозаики тех, кто является, как бы сказали сегодня, бабушкиным поколением.

Много ль им надо было?

Все было у них глубоко личным, неофициальным, и они как-то рано умели обнаружить в себе скрытый патриотизм, силу и ...лиризм в самых обычных вещах.

Есть у В. Астафьева в повести «Звездопад» один необычный герой – керосиновая лампа. Символ правды. Есть такая лампа и у моей бабушки.

Этот образ, по-видимому, очень дорог как русским людям, так и коми-пермякам; глубоко в памяти и газетный абажур, и заботливое отношение к фитилю.

А если поставить эти лампы рядом?.. Думаю, они могут сказать друг другу все, что захотят: запахом, звуками, светом спрятанной под стекло свечи, не произнося ни слова; могут спросить, ответить, упрекнуть, обнять, понять, простить!

Правду говорить – не всякому дано. Согласна со словами Л. Н. Толстого: «Прежде чем говорить правду людям, человек должен научиться говорить ее самому себе».

Две лампы – две детали – два очень русских характера. Как они просты, естественно неназидательны, откровенны. Для них «правда – важнейший компонент человеческой среды обитания, как, скажем, земля или воздух». (Е. Носов)

О чем бы ни писал В. П. Астафьев: о времени, о людях, о себе, действительность рассматривал при свете нравственных требований совести.

Именно правда – безусловная, честная – определяет жизнь многих астафьевских героев: Васютки, Миши Ерофеева, Лиды, Сошнина, Акима и других.

Все они разные, но живут на одной орбите. У каждого нелегкий путь постижения своего «Я» и своей правды жизни.

Много ль героям Астафьева надо? Надо любить время, которое им отпущено. Понимать, что «хорошее употребление времени делает время еще более драгоценным». Хранить отчий порог и свою жизнь.

Почему Васютка выжил в тайге? («Васюткино озеро») Он спасся не только благодаря практическим умениям, решающую роль сыграло воспитание в семье, где его научили этим умениям.

«Русский характер! Поди-ка опиши его...» Бесценны – умение жить, дружить и любить, как умели дружить Рюрик Ветров и Мишка Ерофеев! Девятнадцать лет – девятнадцать ран. Сту-

сток страданий и радость дружбы. Мужской дружбы, где оба понимают, что дружба – не услуга, за нее не благодарят.

Сейчас на дворе другое тысячелетие, которое выталкивает куда-то истинную дружбу. Интересуют многих не сами друзья, а какое место они смогли занять на современной иерархической лестнице.

Леонид Сошнин не просто человек героической профессии. Он – настоящий герой, защитник без страха и упрека, не уклоняющийся от долга рисковать собою. Это у него и в характере, и, что важнее, так Сошнин научил себя жить, думая прежде всего о других. Окружающие его люди – не посторонние для него. И еще он считал, что самое правильное – это делать не то, что ты хочешь или можешь, а то, чего не можешь не делать.

Так он и действует, так и поступает!

А Мишка Ерофеев? Разве не герой? Разве он не рисковал собою? Он по собственной воле пошел на войну. Повесть «Звездопад» открыла нам живую и прекрасную душу этого человека и солдата.

В своих произведениях В. Астафьев всегда использовал личный опыт: «Мне грех обижаться на память. Все книги написаны по памяти».

Война – госпитальная палата – наркотное забытие. Война у Астафьева – беспощадно-зримое «живое страдание», это мучительная и неотступная правда, когда «от судьбы пощады нет». Послеоперационная палата: Ветров, Антипин, Гусаков, контуженные, раненые. Вот Афоня «накрылся с головой», вот паренек побежал – рука разболелась или... клопы? Голодно в госпитале, голодно на пересыльных пунктах.

После «тмы» наркоза и тяжелой операции трудно возвращался Михаил к свету («Звездопад»). «Я напрягся и открыл глаза. Посреди палаты было светло. Горела лампа. Возле лампы спиной ко мне сидела девушка.»

Абсолютное счастье – вернуться к жизни. Счастье снова видеть свет. Душа готова прожить еще целую жизнь. А дальше Михаил и медсестра разговорились и выяснилось, как они близки «по духу» и разговор у них был легкий, близкий, очищающий.

Автор очень трепетно описывает зарождающуюся любовь, когда нелегко сказать слова признания! Н. Рубцов про такую любовь писал:

*Мы с тобой не играли в любовь,
Мы не знали такого искусства!
Просто мы за поленицей дров
Целовались от странного чувства.*

Но мечтам и годам нет возврата. Никогда себе не мог простить Миша Ерофеев того, что оттолкнул Лиду на пересыльном пункте.

Оттолкнул потому, чтобы Лида не видела его отчаяния, латанные штаны, расхлябанные ботинки, худую гимнастерку и себя – худого, безволосого, сердитого. Не видела застенчивость, неуверенность и робость, чтоб не догадалась, как он чувствует свою ущербность: образование – семь классов, детдомовский, раненый, а тут война, чего загадывать...

В. П. Астафьев часто обращается в своих произведениях к описанию лампы – «родился при свете лампы...»; когда солдат в госпитале очнулся, то увидел сидящую около его постели медсестру, которая читала «...при свете лампы...» и т. д.

Я не знаю, является ли для писателя керосиновая лампа чем-то особенным или это просто одна из деталей быта и жизни того времени, но хочется думать, она – символ отчего дома, воспоминания о котором всегда живут в сердце любого человека.

«Чтобы боль каждого...»

Мария Пыльнова

Руководитель Е. В. Агеенко

Мои любимые

*Любовь и уважение к родителям
безо всякого сомнения есть чувство
святое.*

В. Г. Белинский

Заветное... У каждого человека есть что-то заветное, тайное, то, о чем другие не знают или знают только близкие люди. Может быть, это какой-то секрет или просто то, что очень близко человеку. Семья – то бесценное, что есть не у каждого, памятное, дорогое, любимое. Наверное, у каждого дома хранятся старые семейные фотографии, на которых изображены бабушки, дедушки, прабабушки, прадедушки и еще родители, они тогда были совсем маленькими.

Когда я прочитала рассказ В. П. Астафьева «Фотография, на которой меня нет», вдруг поняла, что мне очень захотелось открыть старый альбом с семейными фотографиями. Альбом хранится в шкафу много лет, иногда его с верхней полки достает моя мама, открывает и пристально вглядывается в лица людей, изображенных на фото. Она шевелит губами, бережно разглаживает черно-белые снимки, пытаясь что-то, наверное, для себя вспомнить или понять... У мамы очень грустное лицо, она еле-еле сдерживает подступившие слезы и в такие минуты кажется мне беззащитной, как ребенок. Понимаешь, что ей захотелось вспомнить не только свои счастливые детские и юношеские годы, но и людей, которых она очень любила. Хотя... почему «любила»? Она любит их до сих пор, просто не может она с ними встретиться, обнять их и поговорить даже о чем-то незначительном. Родных, близких, бесконечно любимых людей уже нет...

И все-таки я прошу маму рассказать мне о моих родных, хотя и слышала о них. Перед нами старая фотография 1974-го года, сделанная тогда еще в модных коричневых тонах, когда все фотографии были черно-белые. Я вижу на ней: дедушку Геннадия Михайловича, дядю Бориса Геннадьевича, бабушку Альбину Дмитриевну, прадедушку Дмитрия Петровича, маму Елену Геннадьевну и прабабушку Клавдию Дмитриевну. Это вся семья моей мамы.

Удивительно, как похожи эти люди на маму и на меня. У нас

одинаковые по форме и цвету глаза, улыбки. Прабабушка с прадедушкой – Лиференко, а бабушка и дедушка – Пыльновы. Эта фотография напоминает мне о том, как раньше жила наша семья, когда все были живы, жили вместе и дружно.

А вот еще одна фотография... Мама была еще маленькая, ее брат (мой дядя) только родился. У маминой семьи были общие занятия: все вместе вели садоводческое хозяйство, мой прадед брал маму в лес по грибы, по ягоды, водил на сбор лугового шавеля. Моя мама рассказывала, как ее дедушка (мой прадед) брал ее на рыбалку (рыбачил он на реке Енисей), а потом пойманных карасей они чистили всей семьей и жарили до хрустящей корочки. Родители мамы никогда не наказывали своих детей, не повышали на них голоса, а просто считали, что самый хороший метод воспитания – собственный пример. Детей учили всему тому, что умели делать сами.

Когда читала про бабушку Виктора Петровича Астафьева, я думала о том, как все-таки похожи все бабушки друг на друга. Ласковые, добрые, веселые, несмотря на то, что им пришлось пережить. У них хватает сердца и любви на всех: на детей, внуков, правнуков. Они пекут нам самые вкусные в мире пироги, вяжут самые теплые носки и варежки, стараются нас понять, а со своей небольшой пенсии дарят подарки на наши дни рождения и праздники.

Как же семьи меняются со временем: кто-то умирает, кто-то рождается и продолжает род. Современное поколение должно помнить и знать свои корни, с гордостью рассказывать о них другим. У каждой семьи свои порядки, обычаи, общие занятия. И у моей семьи они были.

Вот такая моя семья и родственники, всегда я их буду помнить и обязательно передам свои знания будущим поколениям нашего рода.

*Александр Агафонников
Руководитель Т. М. Грошева*

Губаха – Красноярск: незримые нити

Ежегодно в нашем колледже проходит предметная неделя русского языка и литературы. В один из таких дней мы были приглашены на встречу с губахинской писательницей Ниной Павловной

Бойко. До этого я и, как оказалось, большинство студентов нашей группы немного знали об этой удивительной женщине, имя которой появилось на писательском небосклоне в 90-х. Именно тогда, в 1995 году, вышла в свет ее первая книга «На тот большак». Невысокая, миловидная, с приятным мягким голосом, она сразу завладела нашим вниманием. А сколько интересного мы узнали от нее о нашем городе! Почему-то раньше нам казалось, что Губаха не может быть ничем замечательна. И вдруг столько открытий в один день! И еще мы никак не могли поверить, что перед нами настоящий писатель, живой, а не с портрета в кабинете литературы.

– Нина Павловна, расскажите, пожалуйста, как Вы познакомились с Виктором Петровичем Астафьевым.

– Виктор Петрович – коренной сибиряк, родился и вырос в селе Овсянка Красноярского края, на берегу могучего Енисея. Но его вторая родина, как он сам не раз заявлял, – наше Прикамье.

В канун празднования 200-летия А. С. Пушкина литературный критик Валентин Курбатов заметил: «Юбилей – вещь опасная. Так заговарят доброго человека, что ничего не останется – одно общее место. Но гении на то и гении, чтобы на них наши законы не распространялись. Ну, да ведь остальных и хватает на одни юбилеи, а их – на каждый день».

Вот об этом «на каждый день» я и думала, когда сидела в литературном музее Красноярска во время конференции по случаю 75-летия В. П. Астафьева. Как его хватает на всех и всегда? Где силы берет? Откуда такой неиссякаемый свет?

Само здание нынешнего литературного музея власти Красноярска когда-то подарили Виктору Петровичу: в центре города красивый особняк – живи и радуйся. Но он отдал его под музей, а сам жил в обычном типовом доме. И помогал музею, чем мог, – потому и пополняется тот все новыми и новыми уникальными экспонатами из литературного наследия края, чтобы помнили люди свою землю, знали ее, любили и, любя, берегли.

А сколько еще всего было на попечительстве Виктора Петровича? И ведь обо всех он помнил, ведь ни разу не случилось, чтобы не выполнил обещанного.

Может быть, кто-то думает, что все это шутя и играючи ему доставалось? Нет. Врач и капельница, да не по одному разу в день. Однако не роптал, не жаловался, не просил пощадить.

Тогда журналисты атаковали его вопросами, и хоть Виктор Петрович очень болен был в тот день, но отвечал на все подробно, да

к тому же так, как это можно сделать только самому себе. Когда-то я читала «Дневники» Льва Толстого, они написаны настолько правдиво, что оторопь брала. А тут не дневники, не один на один с собой, тут – перед кино и телекамерами всей стране говорить голую правду!

И стало мне понятно, почему фильм о Викторе Петровиче, снятый красноярской киностудией, называется «Жизнь на миру». Не жил этот человек никогда только для себя.

В Овсянке на встрече «В кругу друзей» Виктор Петрович раскрылся во всей своей русской красоте! А как пели он и его 88-летняя тетушка Анна! Пели старинные сибирские песни, красивые, раздольные, берущие за душу, до слез радующие.

А песни все вели, вели за собой, залечивали ссадины моей души, давали поверить в особое на Земле предназначение моей Родины, и светло было вокруг.

Расскажу о «Литературных встречах в русской провинции». Начались они под колокольный звон только что построенного в Овсянке Храма святителя Иннокентия Иркутского, на освящение которого собралось огромное количество народа. И это глубоко символично. Служители церкви призваны врачевать души людей, объединять их, помогать и поддерживать отчаявшихся в трудные минуты жизни. Сходная задача и у искусства, у настоящей большой литературы.

В заключительный день «Литературных встреч», когда подводились итоги пятидневных дискуссий писателей, издателей, библиотечных работников о состоянии отечественной культуры на пороге второго тысячелетия, слово взял Виктор Петрович Астафьев. Заявив, что цель нынешних «Литературных встреч» полностью достигнута, он вдруг заговорил о нашем Прикамье: «Весной мне довелось побывать там, на своей второй родине. К сожалению, многих своих друзей и писателей, вместе с которыми я в начале 50-х делал первые шаги в литературе, уже нет. Я поклонился могилам Льва Давыдычева, Владимира Радкевича. Алексея Домнина... Но на смену этим писателям идет новое поколение литераторов. И среди них – Нина Бойко из Губахи, участница нынешних «литературных встреч» на Енисее... А ну-ка встань, Нина! Пусть все увидят тебя. Нина написала талантливый роман «На тот большак». Советую обязательно прочитать его. Хорошо бы добиться переиздания этой книги».

Я с растерянной улыбкой поднялась со своего места и тут же

опустилась, будто ноги у меня подкосились от волнения. Еще бы! Моя книга получила одобрение и поддержку знаменитого писателя.

В 1997 году я закончила сказку «Как коты ходили к римскому папе». Оценку ей дали очень высокую. Хотя и называется эта книга сказкой для детей, но и взрослым она, оказывается, интересна. А Виктор Петрович, прочитав рукопись, написал мне в письме, что с первой до последней строчки смеялся, и посоветовал поскорее издать эту сказку.

– Нина Павловна, а как к Вам попал 15-томник В. П. Астафьева?

К открытию «Литературных встреч» издательство «Офсет» отпечатало тираж 15-томного собрания сочинений В. П. Астафьева. Я получила эти книги от него в подарок там, в Красноярске. А потом передала их в нашу городскую библиотеку. Хочу, чтобы там они нашли достойных читателей.

А позже Виктор Петрович прислал мне свою фотографию, сделанную после победного мая, где он еще молодой, в украинской рубашке, с орденскими колодками на груди.

В послание было вложено миниатюрное панно с портретом А. С. Пушкина в окружении знаков зодиака и со словами «Пусть этот талисман хранит тебя, моя дорогая. Пиши, рассказывай об успехах».

Я прощаюсь с Ниной Павловной Бойко. Со стены над письменным столом мне вслед смотрит с фотографии Виктор Петрович Астафьев. А рядом отскерокопированная с нее обратная сторона: «Желаю Вам творчества в радость, музыки в доме, солнышка над Губахой, успокоения Уралу и России. Низко кланяюсь. Храни Вас Бог – Астафьев».

И мне уже кажется, что не только одной Нине Павловне адресованы эти слова великого писателя, но и всем нам, губахинцам.

Светлана Головкова
Руководитель М. С. Ушакова

Светлый человек

- Вот вы говорите, хороший человек, хороший человек! А как я определяю, поверю, что он действительно хороший человек, если

вы ни-че-го о нем не рассказываете?! Некогда вам все! – недовольно развела руками Света. – Кто может мне рассказать о прадеде?!

– Сходи-ка к тете Гале Пешиной, они с твоим прадедом много лет работали вместе. А мы тоже расскажем, только попозже, – успокаивала мама.

И пошла Света в соседнюю деревню, и рассказала тетя Галя много интересного...

– Правда, интересный человек был Григорий Никифорович Зашихин, много повидал на своем веку, а не озлобился, человеческим остался. А человек самый обыкновенный. Родом из Даниловки, сначала там и работал.

Немного служил, долго воевал. Ближе к концу войны один раз зашел вместе с другими солдатами, может быть, в Польше, в одну деревню... Так сам рассказывал: «Мы забежали во двор, один солдат поймал молоденькую девушку, хотел попользоваться, сильничать, мы не дали этого сделать, вступились. Доложили командиру, который сказал, что никого не трогать, мирное население...»

А когда Эльбу переплывали, всяко бывало: кто на пароме переправлялся, кто на бревне, кто просто на доске, кто за что прицепится, а кто и на дно уходил... Сверху бомбят, снаряды падают, взрываются... Куда ведь угадает бомба...

Сапером в какой-то момент был твой прадед. Нелегкая служба, знаешь, посылали в самые горячие точки фронтовой полосы, связь оборвется, за провод сапер цепляется и вперед, проверяет, где обрыв связи произошел. Сверху бомбят, все летит... а обеспечить связь надо... Никуда не денешься – война...

Пришел с войны, женился на Лебедевой Александре, у которой муж погиб на фронте. Он меня Галка звал. Мне наворожил шутя: «Галка, 80 лет жить будешь!»

Вот уж 76 годков мне!

Он сначала в Печмене кладовщиком вроде работал, а в Даниловке бригадиром. Потом взяли в контору, я была бухгалтером по животноводству, а он – бухгалтером по механизации. Когда ушел на пенсию, стал заниматься Советом ветеранов, беспокоился за пожилых.

Долго веселил нас твой прадедушка. Такой баловник был! Один раз приехал (примерно в 83-м году) уполномоченный из района. А у нас ведь на первом этаже на входе все какие-то чуланчики были, темно, ничего не видеть. Вот Григорий туда и спрятался,

хотел нас, женщин, напугать, пошутить. Слышит, идем мы, дверь открывается, и он выскакивает, и хватает первую попавшуюся... И вдруг понимает, что это не одна из нас, а уполномоченный из района, который очень испугался... Не меньше испугался и Григорий... Уполномоченный говорит:

- Так и инфаркт может хватить...

Один раз он мне бурундука в стол (выдвижной ящик) засунул. Шкурка у него была, он ее чем-то набил, ну прямо живой зверек! Я прихожу, Григорий сидит на своем рабочем месте как ни в чем не бывало. (Рядом с ним сидели). Я сажусь на свой стул. Ядвигаю ящик, как обычно, и вдруг на меня (мне так показалось от неожиданности) двигается бурундук, глаза смотрят на меня... Я закричала, пытаюсь отодвинуться от стола, а не получается, некуда. А Григорий захохотал, остановиться не может: «Испугалась что ли?!»

Когда заболел, мы ходили его проводить. Он уже не говорил. 5 декабря у него день рождения. Вот мы пришли. Я взяла его за руку и говорю:

- Ты ведь именинник, вчера праздник тоже был. Поздравляем тебя...

Он смотрит на меня и так крепко-крепко сжимает мою руку... Признателен, видно, был. Благодарил, видно, «спасибо» говорил... Прощался...

Добрый хозяин... В огороде все сам: парники, семена сам покупал, помидоры, огурцы... Одежду Шуре и то сам покупал (она, наверно, и в магазин не ходила).

Вместе праздники встречали, собирались 8-го Марта, в дни рождения. Чуть-чуть совсем выпивал. Всем хорош мужик был. Пел, веселился со всеми обязательно! Любил песню «Ромашки спрятались, поникли лютики!»

Шла Света домой и все о прадедушке думала. Решила к бабушке заглянуть. Чуть не с порога сказала: «Бабуля, давай теперь ты рассказывай о прадеде. К тете Гале я сходила. Твоя очередь». Куда деваться?

Села бабушка на диван, заговорила:

- В семье был хорошим отцом, хорошим мужем. К детям относился хорошо, но был строгим и требовательным как к себе, так и к детям. Отец был эрудированным, хорошим собеседником.

Я всегда обращалась к нему за советом на любую тему, особенно в трудную минуту.

А родом он из деревни. Родился в 1924 году в деревне Митрохи Уинского района. В 10 лет уехал со своей мамой Дарьей Андреевной и папой Никифором Григорьевичем в город Асбест Свердловской области, где с отличием закончил школу. Знаешь, он всегда учился на «отлично». После окончания школы поступил в ФЗО (тоже закончил с отличием), окончив которое, начал работать в геологоразведке.

Вот тебе Галина Аркадьевна кое-что рассказала о военной поре в жизни отца. А я знаю, что на передовой он был с 1944 года. Освобождал Западную Украину, Польшу, Германию, встречался с союзными войсками. Начал службу минометчиком, а закончил танкистом. А вот, оказывается, и сапером успел побыть. Знаю, что медалью «За отвагу» был награжден за поддержку непрерывной связи во время ночного боя.

О войне отец не особо любил рассказывать и никогда ни восхвалял себя за то, что был на фронте и что у него есть множество медалей, орденов. Нас жалел, что ли... Но одно он сказал: «На войне очень тосковал я по своему отцу, который тоже был на войне, но, к сожалению, не вернулся. Никифор Геннадьевич, пропавший без вести, никогда не вернется...» Так же сильно скучал по боевым друзьям: Усаеву, Раджабову, Золотухину. Всю жизнь мечтал с ними встретиться... С каким-то просветленным взглядом говорил о салюте ПОБЕДЫ, гремевшем 9 Мая на Эльбе.

И с войны пришел в сорок седьмом, и трудовой стаж у прадедушки – 47 лет. Такое совпадение... Твой прадедушка всегда бережно хранил награды, боевые документы, также он всегда был подтянутый, опрятный, активный, даже в отношении медалей соблюдал особый порядок. Он выглядел моложе своих лет. Секрет этого в его жизненной энергии, душевной доброте, сердечности и истинном стремлении помогать людям. Родные, близкие и просто односельчане запомнили его именно таким.

Много лет мы держали большое хозяйство, всегда были: корова, теленок, бык, гуси, овцы, утки, курицы, поросята, собака, кошки. Чтобы держать такое хозяйство, надо было много трудиться. Один из путей – заготовить побольше сена на зиму. Сенокосная пора была тяжела. Первым на покос спешил отец. На покос ходили всей семьей, даже дети из города приезжали, чтобы помочь.

Иногда помогала соседка тетя Наташа. Сообща и работа спорилась веселее.

А вот однажды мы ходили с твоим прадедушкой вдвоем на покос. Убирая сено, мы увидели тучу, но отец сказал, что туча уйдет в Даниловку, и мы остались. Но в одно мгновение начался сильный ветер. Я стояла на копне, от испуга я оттуда упала. Потом началась гроза с сильным дождем. Под дерево спрятаться было нельзя, поэтому стояли под дождем. Ветер разнес все копны по полю. После того как дождь чуть-чуть успокоился, мы пошли домой. Мама очень за нас беспокоилась, увидев нас, она начала нас расспрашивать. В то время, как мы, целые и невредимые, пришли домой, там ветер свалил дерево. Поэтому, испугавшись разъяренного ветра, мама переживала за нашу жизнь...

Пришла Света домой уже вечером и заявила: «Ну, мам, пришла твоя очередь рассказывать!» Ничего маме не оставалось делать...

– Мой дедушка Зашихин Григорий Никифорович был отличным человеком: добрым, веселым, честным. Мне с ним было всегда очень интересно, он много знал и любил рассказывать. Очень любил животных, у нас в доме было очень много домашнего скота: корова с телятком, поросята, овцы, куры, гуси и утки, кошка и собака. Собаку звали Тавка. Почему такая странная кличка была дана? Очень просто: дали, потому что лай, который издавала собака, был больше похож на «тав». Собака была невысокая, черная, а грудь белая, лапки были белые в черную крапинку, уши стояли. Это собака была необычная, она утаскивала туески со сметаной у соседей, эту сметану она не ела, а приносила домой, ставила на крылечко и уходила по своим собачьим делам. А бабушка потом ходила по соседям и спрашивала, у кого Тавка утащила сметану. Соседи сначала ругались, но потом перестали, ведь сметану все равно приносили обратно. Настолько дед любил Тавку, что после ее смерти (Тавку сбила машина) больше собак не держал...

Когда я была маленькая, наверно, только пошла в школу, дед постоянно меня с собой брал, а где-то я сама за ним увязывалась хвостиком. Вот однажды отправились мы с дедушкой в лес по грибы. Набрали полные корзинки и пошли домой, вдруг дед немного приотстал. Я смотрю, он свернул с тропинки и к дереву подходит, я тоже туда, смотрю – он держит что-то, я спросила:

«Что это такое?» А он мне говорит: «Смотри, Аленка, белку нашел раненую». И показывает мне, чтобы я все своими глазами увидела. У белки была повреждена лапка, принесли ее домой, дедушка посадил ее в клетку, потом перевязал ей поврежденную лапку, покормил ее. Когда лапа зажила окончательно (больше экспериментов с прогулками в домашних условиях мы не устраивали), дед сказал: «Пора ей домой!», и мы зимой на лыжах отправились туда же, где летом ее нашли. Отпустили.

А еще помню, как-то мы пасли коров с дедом, скотины было много и стадо было большое. Выгнали мы стадо за деревню и погнали далеко на какой-то луг, названия не помню. Отпустили коров отдыхать, а сами развели костер, я сходила, набрала воды из речки и поставила кипятить, а дед тем временем набрал целебных трав, чтобы заварить чай. Вода у меня к тому времени на огне закипела, заварили мы такой чаек, что никакого сахара не надо, попьешь такого чайку, на целый день хватает. А когда домой вечером гонишь коров, дед умудрялся набрать ягод, домой принести внучатам и всегда говорил, что это зайчик подарок выслал. Интересно и смешно, но очень было приятно.

А еще праздники, очень они мне нравились, особенно это 9-е Мая. Собирались у нас. И ограда позволяла, была большая, ставили столы, лавки, накрывали столы разными вкусностями, которые они готовили вместе с бабушкой, особенно пироги с рыбой, капустой, шаньги с картошкой и творогом, с зеленым луком, картошечка отварная с малосольными огурчиками. В это время у нас уже были свои огурцы! (Гордость деда, дед их сажил очень рано, чтобы они поспели к этому великому празднику). Сажались они за столы, пили свои фронтовые сто грамм и пели песни фронтовые до самого утра. Самая любимая у деда песня – это «Ромашки спрятались, поникли лютики». А потом поздно ночью пускали салют. Это было очень здорово.

А еще он был трудолюбивым человеком, обожал копаться в огороде, садить разные плодовые деревья и кустарники, любил разные цветы, сажил их дома и в палисаднике. Любимые срезал в подарок бабушке.

Удивительными чертами обладал прадедушка – улыбкой, открытостью и доброжелательностью. Сколько раз от людей слышала и сама не раз убеждалась в том, что помощь оказывал: словом, разговором, подход имел к человеку, умел убедить, взглянуть на ситуацию более оптимистично...

– А ведь мой прадед не просто хороший человек, он светлый человек.

– Молодец. А тебя как зовут?

– Света...

– Вот именно...

Лев Воронин
Руководитель А. Г. Зомарева

Детство, опаленное войной...

Прошлое, хранящееся в памяти, есть часть настоящего.

Уральское село Суда Уинского района, затерявшееся в глубине необъятной России – объект моей любви, тот самый островок, где живу я. История села, района, жизнь людей интересует меня, интригует, зовет искать и находить факты, их свидетелей, которые помнят и знают те далекие события не понаслышке, а сами были их участниками; хотя и в малой степени, но помогли спасти и отстоять мирную жизнь на нашей многострадальной земле, пережившей страшную, жестокую Великую Отечественную войну.

Удивительные женщины Курбатова Екатерина Ивановна и Смирнова (Курбатова) Мария Ефимовна никогда не покидали родные места. Здесь родились, здесь учились, вышли замуж за местных парней, вырастили дочек и сыночков. Они помнят свое трудное военное детство. К сожалению, сегодня их нет в живых. Родственники Екатерины Ивановны и Марии Ефимовны, проживающие в нашем селе, рассказали мне о них, показали фотоальбомы, дневниковые записи Марии Ефимовны. По сохранившимся документам я смог написать о деятельности пионерских и комсомольских организаций в годы Великой Отечественной войны.

1941 год. Началась война. Провожали на фронт отцов, братьев, сестер. Сборный пункт на площади села был полон народа, стоял плач-крик, его далеко было слышно и за селом. Пионеры с горнами и барабанами провожали бойцов. Ушли на фронт взрослые, а тринадцатилетние подростки получили мобилизационные листки и заняли места старших, ушедших на фронт. Школьники продолжали учиться, но начало занятий перенесли на первое октября. А заканчивались занятия в конце апреля. Хотя занятия и

сократили на два месяца, учились пионеры хорошо. «Пионер всем ребятам пример» – девиз школьников того времени. Пионером хотелось быть каждому, но слишком строго подходили к приему. В пионеры в то время принимали лучших учеников.

С первого мая комсомолы, пионеры и просто школьники выходили на работу в колхоз, а те, кто постарше, трудились в бригаде наравне со взрослыми. Младшие и более слабые выполняли разные поручения: пасли овец, доили их, делали брынзу, которую отправляли на фронт. Главная задача была ясна всем: «Все для фронта, все для победы!»

Работали с раннего утра и до захода солнца. Никакого нормированного рабочего дня не было. Какую же еще работу выполняли? Пололи яровые хлеба. Бригада учащихся Уинской школы работала на полях колхоза «Труженик». Очищала посевы от сорняков. Фрося Батуева, Лиля Лялина показывали образцы добросовестной работы, выполняли установленные нормы и не считали это пределом. Хорошо работали на прополке и сестры Шорины из Чернушинской школы. Приходилось пасти свой и колхозный скот. Работали на посадке, прополке, окучивании и уборке картофеля. Картофель целыми клубнями в землю не сажали. Ребята срезали верхушки клубней продовольственного картофеля на семена. В 1942 году ученики Уинской средней школы заготовили на семена 700 кг верхушек.

Передовиками производства называли и детей. Четырнадцатилетний пахарь Михаил Зонов из колхоза имени Чапаева выполнял норму на 150 %.

В колхозах района сеяли лен, и пионеры участвовали в его уборке. Теревить лен приходилось и из мерзлой земли. Работа была очень трудной, но, обдирая в кровь руки, все выполняли норму.

В 1942 году уинские школьники обмолотили 15 ц зерна. Ни одно зернышко не пропадало во время войны на полях. Хлеб вручную жали, снопы подсушивали, обмолачивали. Жали хлеб старшие пионеры и школьники вместе со взрослыми, а младшие – собирали колосья. В уборку 1943 года было собрано 53 ц колосьев. Собранные колосья обмолачивали, зерно размалывали и пекли хлеб для школьной столовой.

Отряды пионеров и школьников работали на колхозных полях под руководством учителей. Между ними развертывалось социалистическое соревнование. Чайкинские пионеры Самар Халилов,

Рафсат Мусарамов зарабатывали по два и по три трудодня в день на тереблении льна. А отряд под руководством Абдулина получил переходящее школьное знамя. Норма на тереблении льна была как и у взрослых: 0,05 – 0,08 га.

Выращивали пионеры и школьники рассаду овощных культур: капусты, огурцов. В каждом колхозе был овощной участок, который снабжал овощами колхозные столовые. Отправляли овощи в городские заводские столовые, снабжали фронт.

Сенокосная страда была особым радостным временем для ребятшек. Ранней зарей с песней ехали на сенокос, с песней затемно возвращались домой. Ребята работали на возке копен, гребли, старшие косили, метали стога, заготавливали сено для хозяйства и отправляли для нужд Красной армии.

Летом 1942 года 2635 пионеров и школьников работали на полях нашего района. В течение лета они заработали 20376 трудодней.

На трудодень осенью получали по 200 г зерна. Заработанного матерями, детьми зерна не хватало до нового урожая, а поэтому летом ребята собирали ягоды, грибы, лебеду, листья липы, лекарственные травы. Сушили, солили, запасали впрок все, что можно было съесть. Всей семьей готовились к суровой и долгой зиме. Весна радовала и оттепелью, и появлением весенней зелени: гранатов, «пистиков» (весенних побегов хвоща), грибов – сморчков и строчков.

Заготавлило грибы и сельпо (сельская потребительская кооперация). В 1942 году Аспинское сельпо заготовило 35 ц грибов. В заготовке грибов активно участвовали и пионеры.

С пятого класса в школах были введены уроки военного дела. Учили детей ходить в строю с винтовками, ползать по-пластунски, бросать гранаты.

Прямой помощью фронту был сбор металлолома и цветного металла. Ученики Воскресенской школы в ноябре 1942 года собрали 5 ц металлолома.

Во время войны развернулось тимуровское движение. Комсомольцы и пионеры помогали семьям фронтовиков: пилили и кололи дрова, мыли полы, носили воду. Ученики Асевской школы помогали больной жене фронтовика Федора Злогостева и его маленьким детям. Пионеры и школьники вели переписку с фронтовиками Н-ской части северо-западного фронта. Отправляли посылки и бойцам Красной армии. В посылки вкладывали

сушеные ягоды, тетради, карандаши, теплые носки, шарфы, которые вязали сами.

Ученики Усановской и Мизевской школ собирали средства на постройку танка имени Коли Леонтьева, а учащиеся Аспинской неполной средней школы реализовали билеты денежно-вещевой лотереи на 300 рублей. Комсомольцы, молодежь, пионеры района проводили воскресники по сбору средств на построение танковой колонны.

Зимой 1942 года в район и в наше село стали привозить эвакуированных из Ленинградской области. В феврале 1942 года в Суду были эвакуированы 35 детских домов. В классах новые ученики. Жили детдомовцы в трех домах. Одно здание находилось на месте школьной мастерской, другое – в центре села, а третье – в школе деревни Луговая. Воспитанники Судинского Детского дома всеми своими делами и мыслями стремились помогать Родине. Соревновались пионеры-детдомовцы за право носить звание звеньев имени Саши Чекалина и Зои Космодемьянской. Это право заслужило третье звено третьего отряда, где все ребята успевали в учебе, а вожатая звена – Трофимова – была отличница.

Дети войны! Все пережили, все вынесли – холод, голод, нужду. Но дети есть дети. Никогда не унывали. Устраивали концерты, выступали на полях и фермах перед колхозниками. Шумели на пионерских сборах, пели песни, играли, устраивали пионерские костры. Много было сделано пионерами в годы войны, а некоторые из них успели повзрослеть и уйти на фронт. Из Аспы на фронт были взяты Валя Капустин и Витя Киряков. Витя Киряков погиб на фронте.

У нашей земли богатая история, много хороших людей, искренне любящих свою Родину. Внесли свою лепту в защиту страны от захватчиков пионеры и школьники нашего района. Изучая фотоматериалы, воспоминания Курбатовой Екатерины Ивановны, Смирновой (Курбатовой) Марии Ефимовны, газетные материалы, замирало мое сердце, стали близкими судьбы пионеров и комсомольцев военной поры. В нашей школе помнят ветеранов, заботятся о них не только перед юбилеями.

Дети и война... Я думаю, что эти два слова не могут рядом находиться. Это противоестественно. Читая о детях Великой Отечественной, понимаешь: этого не должно быть! Ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем.

Ольга Дьяченко
Руководитель Н. Н. Грачева

Боль за все живое на земле

I

Астафьева читая прозу
Бегут мурашки по спине...
Не раз смертельную угрозу
Я видела в его судьбе.
Во всех его произведениях
Наложена войны печать.
Анализ жизни непременно
Позвольте сделать. Как начать?
Представьте, дом в селе Овсянка,
Что в устье Фокина ручья,
Дом небольшой, почти землянка,
И Енисей течет бурля.
И там, в Енисейской глубинке,
В далеких двадцатых годах,
Родился малыш, как былинка,
Рожденный писать альманах.

II

А детство нерадостным было.
В семь лет потерял свою мать.
И долго сердечко шемило,
Печальней судьбы не сыскать.
Но маленький счастья кусочек
Получит от бабушки он,
Об этом с любовью напишет
В романе «Последний поклон».
Отец его снова женился.
В семье – за скандалом скандал.
На улице он очутился
И вскоре в Дом детский попал.
Заботу к нему проявляя,
Немало нашли теплых слов,
Дар божий его раскрывая,
Рождественский и Соколов.

III

Шесть классов окончив, он вскоре
Учиться пошел в ФЗУ...
Пришло всенародное горе.
Враги объявили войну.
Астафьев, не думая долго,
Ушел добровольцем на фронт.
Исполнен высокого долга
Избавить от «фрицев» народ.
Траншеи с удушливым дымом,
Звериные вопли людей...
Такой представлялась картина,
Для тех, кто участвовал в ней.
Кругом разрывались снаряды,
Кипела в сердцах юных кровь,
В лесах собирались отряды
Идти в наступление вновь.

IV

Атака, и снова атака...
Осколок вонзился в глаза,
Не чувствуя боли и страха,
Астафьев скрутил провода.
И связь телефонная снова
Работает. Просят огня.
На том конце провода – бойня,
Убитыми полны поля.
Астафьев – связист и разведчик,
Был трижды он ранен в бою.
В санчасти – всем друг и советчик.
Любовь там же встретил свою.
Была на войне и другая,
Вторая ее сторона.
И горькою правдой пугая...
Будь проклята эта война!

V

Закончив войну в сорок пятом
Приехал с женой в Чусовой
(Жена – медсестра из санбата,

С судьбой, опаленной войной)
 Освоил он много профессий,
 У них было трое детей,
 Но горечь печальных процессов,
 Коснулась его дочерей.
 Накоплен им жизненный опыт,
 Возникло желанье писать.
 Рассказы свои он приносит
 В газету. Редактор: «В печать!»
 Писал он статьи, репортажи,
 Рассказ «Перевал», «Стародуб».
 Закончил литкурсы и «Кражей»
 Отметил свой творческий путь.

VI

Во всей его прозе заметно
 Два полюса – Мир и Война.
 И главным желаньем, заветным,
 Воспитание в людях добра.
 О линии мирной мы судим
 По циклу «Последний поклон»
 О любви к деревенским людям,
 Крепкой связи людей с землей.
 А в книге «Царь-рыба» находим
 Обвинение в адрес людей,
 Не сумевших сберечь природу.
 Повергая в опасность зверей,
 Астафьев писал о природе,
 О том, что живая она,
 О быте людей, о свободе.
 О горе, хватившем сполна.

VII

Вторая и очень важная
 В его творчестве – тема войны.
 О солдатах простых, отважных.
 Виноватых без всякой вины.
 О любви внезапной и чистой.
 Обиходности слова «смерть»,
 Что разрушила мир лучистый

Совсем юных еще сердец.
 О фашизме, о страшных пушках,
 О победе: быть или не быть.
 Это повесть «Пастух и пастушка»,
 И повесть «Так хочется жить».
 Астафьев умел читателя
 Обжечь болью чужой судьбы.
 Дар божий, данный писателю
 В его творчестве видим мы.

VIII

Астафьев высказывал резко
 Свое отношенье к войне.
 И копыя ломались с треском
 У критиков в нашей стране.
 Роман «Прокляты и убиты»
 Показал нам во всей красе,
 Что народ наш – освободитель
 Не чужд злодеяний, как все.
 Не раз была буря критики
 На «Ловлю в Грузии пескарей»
 На грани большой политики
 Разгорелся скандал по ней.
 Еще про него говорили:
 «Астафьев был «скорбный поэт»»,
 Но люди его любили.
 Таких на земле больше нет.

IX

Он был писатель по призванию,
 Творец добра, противник зла.
 Сказал, прощаясь, в назиданье,
 Такие грустные слова: –
 «Ну что сказать вам на прощанье?
 Прожил не так уж много лет.
 Есть всенародное признание,
 Но успокоенности нет.
 Я этот мир любил безмерно,
 И был он добрый и родной.
 Скажу, прощаясь, непременно,
 Что стал он злобный и чужой»...

В его словах обида, горечь,
Боль по несбывшейся мечте.
Боль за астафьевских героев,
Все все живое на земле.

Октябрь, 2014

*Анна Пряженикова
Руководитель Е. В. Агеенко*

О самом дорогом...

У каждого человека в жизни есть самое дорогое, без чего ему было бы тяжело. Для меня самое дорогое – моя семья. Она всегда поддержит меня, утешит в трудную минуту, даст совет. Я не представляю свою жизнь без семьи. Моя жизнь была бы мрачной, ведь тяжело без близких и родных тебе людей.

Семья у меня очень маленькая, но дружная: мама, бабушка и дядя (брат моей мамы). У каждого из них свои интересы и привычки. Вот моя бабушка любит подпевать под музыку во время готовки! Ее страсть – комнатные растения. Она любит за ними ухаживать. Бабушка всегда с радостью покупает новый цветок и ставит его на видное место.

Ну а дядя у меня – весельчак! Его зовут Женя. Всех рассмешит. Можно сказать, что он душа любой компании. Хоть он и взрослый, но ведет себя как ребенок. Часто задирает меня без повода, смотрит каждый день мультики и играет. Не знаю почему, но мне нравится в нем эта «детская душа». А мама очень любит рисовать! Она – творческая личность. Я всегда восхищалась, как она рисует. Моей заветной мечтой было научиться писать красками, как она! Она с точностью может передать все детали и цвет. Еще она любит читать и смотреть комедийные фильмы, часто комментирует с дядей Женей сцены из фильмов. Все вместе заразительно смеемся!

Очень люблю, когда в один из зимних вечеров прийти домой, лечь, укутавшись в теплый шерстяной плед, выпить кружку горячего чая с шоколадом или с печеньем, взять интересную книгу, а еще – послушать, как за окном поет свои заунывные песни выюга. В комнату заходит мама: не заболела ли я... А я просто наслаждаюсь уютом и теплом в родной семье.

В семье у нас есть несколько традиций. На Новый год мы накрываем праздничный стол и готовим вместе торт. Торт украшаем разными конфетами, леденцами, узорами из крема так, как каждому вздумается. Все с удовольствием принимают участие в этом кулинарном творчестве. Лакомство получается довольно вкусным! Еще мы всей семьей перед Новым годом ходим на каток. Там мы очень весело и забавно проводим время! Не могу забыть тот случай, когда дядя Женя и мама столкнулись, упав в обнимку. Сначала мы с бабушкой перепугались, но позже рассмеялись, ведь не каждый день видишь такое!

Я очень люблю свою семью, души в ней не чаю! Вместе с ней я пережила и переживаю столько ярких и красочных моментов в жизни, которые я буду всегда помнить.

Адис Хузин
Руководитель А. Г. Зомарева

Сердцу милый уголок...

*Иду, иду по родине,
Все песни перепеты.
Мое село, как родинка
На груди планеты.*

И. Гурин

Я живу в удаленном от больших городов предуральском селе Барсаи. Моя малая родина находится недалеко от районного центра. Село наше очень красивое. Живописная природа покоряет чистыми речками, прудами, хвойными и смешанными лесами.

Река Ирень, самая большая наша река, разделяет земли нашего района на две равные части – западную и восточную. У Ире-ни есть дочки-красавицы: Сып и Аспа – слева, Телес – справа. Более двухсот километров пробегает наша красавица по землям Октябрьского, Уинского, Ординского и Кунгурского районов. А потом дарит свои богатые воды Сылве.

Ирень нашу очень любят рыбаки. Какой только рыбы нет в ее водах! Это шуки, окуни, язи, хариусы и форель ручьевая.

А недалеко от Аспы находится Белое болото. Оно дает жизнь сразу трем рекам. Это Большой Тарт, Тулва и Түй. Все три реки начинаются с одной и той же буквы. Только это и объединяет этих

своенравных красавиц. Тюй бежит к Уфе, Тулва впадает в Камское водохранилище, а Большой Тарт стремится к красавице Ирени.

У нас есть девять подземных месторождений минеральных вод и два открытых источника у моего родного села Барсаи. Вода в этих источниках целебная. Она богата сероводородом. Воду используют при лечении сердечно-сосудистых заболеваний, нервной системы, опорно-двигательного аппарата и других заболеваний. Летом у источников всегда многолюдно. Люди нашего села убирают мусор около этих источников, следят за ними. Эти источники являются чудом Уинского района.

Есть у нас еще Чаечное озеро карстового происхождения. Оно не очень глубокое, около шести метров. Более 1200 пар чаек проживает на озере. Это самая крупная колония в крае.

Много пчел водится в заказнике «Малиновый хутор». У нас самый экологически чистый, целебный мед. Это достояние нашего района. Ежегодно мы празднуем Медовый Спас. На этом празднике всегда много гостей. Каждый может не только попробовать мед, но и купить его для себя и своей семьи.

Много тайн хранит Ярый камень. А еще у нас есть Уинская ледяная пещера. Она не такая большая, как Кунгурская, но у нее восемь гротов, а длина – четыреста метров.

Живописна природа нашего края. Стволы лип такие толстые, что не каждую из них и руками обхватишь. А какие красивые ели и сосны! Сосны высокие, стройные, а ели широкие и пушистые. В лесах наших много грибов и ягод, водятся волки, лисицы, лоси и медведи. А в этом году через наше село пробежало стадо кабанов.

А еще есть дубовая роща и лиственничный лес.

Нет такого уголка в нашем районе, который бы не привлек внимание. Нельзя оставаться равнодушным к красоте родной земли. Земля наша воспета в стихах и песнях местных поэтов. Рядом с моим селом раскинулось село Воскресенское. Екатерина Дмитриевна Козлова проживает в этом селе. Много стихотворений посвятила она родному уголку. Мне больше всего нравится «Стоноушка родная»:

*Много есть прекрасных сел на свете,
Но всех милее для меня
Село родное, дорогое,
Родные нивы и поля.*

Красива природа нашего края, красивые люди живут в нашем районе. Красиво мое село – самый милый сердцу моему уголок.

Барвара Ремнева
Руководитель С. Е. Тарасенко

Осенний лес

Красив осенний лес и многоцветен,
Росою утренней покрыт.
Издалека далеко он заметен,
А осень все старается, спешит.

Спешит раскрасить лист зеленый
И на тропинках лужи рисовать.
Дождем как будто окрапленный,
Усталый еж ложится спать.

Красив, богат и многогранен
Осенний лес в моем краю.
Порою даже нереален,
За это я его люблю.

Люблю осенними деньками
В Добрянском парке погулять,
Послушать птичье щебетанье,
Осенний лист пособирать.

Вдыхая воздух вечных сосен,
Я вам, друзья, хочу сказать,
Что краше, лучше и богаче,
Чем парк Добрянский, не сыскать!

Юрий Хробостов
Руководитель А. Г. Зомарева

Чудеса Белой горы

В одном уральском селе Ключи жила семья кузнеца Степана. Был у него сын Николаша девяти лет. Мальчик был большим мечтателем, ему все было интересно вокруг, часто донимал он своих родителей расспросами о других городах и странах, хотел

повидать весь мир. Роста он был совсем небольшого, и соседские мальчишки дали ему прозвище Чирок. Каждые весну и осень, когда пролетали утки, ребята посмеивались над Николашей:

– Смотри, твои друзья летят. А ты чего тут сидишь?

Не обижался на ребят Николаша, лишь усмехался да смотрел задумчиво вслед улетающим уткам.

А однажды решил Николаша сделать змея воздушного. Золотые руки были у мальчишки. Змей получился большой, красивый с желтым хвостом. Николаша сделал его из бересты, скрепив все детали крепкой шелковой нитью, которую взял без спроса у матери из шкатулки для вышивания. Мальчик попытался запустить змея, но у него ничего не получилось.

Вдруг откуда ни возьмись налетел сильный ветер, подхватил змея, закружил. Николаша ухватился за хвост, чтобы не упустить его. А ветер поднимал змея все выше и выше, и вскоре Николаша понял, что он летит. Боясь упасть, он еще крепче вцепился в хвост змея. Сколько длился полет, Николаша не знал. Ветер нес змея с его невольным пассажиром ровно, без толчков и рывков. Вскоре мальчик с интересом стал разглядывать проплывающие внизу лес, речку, луга и большую гору, которая виднелась вдаль.

В это время отец закончил подковывать коня, которого к нему привел сосед, и решил помочь сыну запустить воздушного змея. Но ни сына, ни змея рядом с домом не было. Отец забил тревогу. Вместе с матерью они бросились на улицу, стали всех расспрашивать – не видели ли они Николашу. Никто не мог им ничего сказать, только одна маленькая девочка сказала, что Николаша улетел на воздушном змее, и показала в сторону горы, которая виднелась на горизонте. Родители бросились в погоню.

А ветер вдруг рассердился, стал раскачивать змея. Николашу болтало из стороны в сторону. От страха дрожал он как осиновый лист. Вдруг хвост змея оторвался, и мальчик стремительно полетел вниз. Казалось, беда неизбежна, но почти у самой земли Николаша почувствовал, как будто кто-то подхватил его и мягко опустил на землю. Мальчик огляделся и тихо спросил:

– Где я?

И вдруг услышал, как кто-то тоненьким голоском сказал:

– Ты попал на Белую гору.

Николаша посмотрел вокруг, но никого рядом с собой не увидел. Только маленькая пчелка вилась возле голубенького цветочка.

– Кто тут? Кто говорит со мной? Где я? – вновь спросил Николаша.

– На Белой горе. Не бойся, ты попал в святое, чудесное место, здесь с тобой не случится ничего плохого. Здесь все живут в мире и согласии, все понимают друг друга. И люди, и звери, и птицы, которые сюда приходят и прилетают, и пчелы – именно со мной ты сейчас и говоришь.

Пораженный Николаша, сидя на земле, никак не мог поверить, что он после падения жив и здоров и что с ним действительно разговаривает пчела. Он вертел головой по сторонам и думал, что его кто-то просто разыгрывает, спрятавшись где-то вблизи. А пчела села ему на плечо, и он вновь услышал тонкий голосок, теперь уже более ясно.

– Ты не веришь своим глазам и ушам? Посмотри вокруг. Что ты чувствуешь?

Николаша ничего не чувствовал. Посмотрел вокруг и увидел обыкновенные цветы, деревья. Он недоуменно смотрел на пчелу, а пчела тихим голосом произнесла:

– Подойди к обрыву.

Николаша встал на ноги, осторожно подошел к краю обрыва. Перед ним, сколько мог видеть глаз, далеко внизу, до самого горизонта, простиралась долина. Голубой пар поднимался от земли. И как-то вдруг спокойно и умиротворенно стало на душе у мальчика.

– Всем, кто приходит сюда с чистой душой, добрым сердцем и любовью к труду, здесь спокойно и хорошо. Люди и звери получают исцеление, а желания, произнесенные здесь, всегда сбываются, – вновь услышал Николаша тоненький голосок.

Долго слушал он, что еще рассказывала ему пчела. Много интересного, чудесного и нового узнал он. На его душе было светло и радостно от этих рассказов. И еще больше он обрадовался, когда увидел рядом своих батюшку и матушку.

Всю дорогу до дома Николаша рассказывал родителям о своем приключении. Степан с женой внимательно слушали его и многозначительно переглядывались. Они уже бывали здесь раньше и слышали от других людей про чудеса на Белой горе.

А много позднее здесь появилась святая обитель – Белогорский Свято-Николаевский мужской монастырь – «уральский Афон» или «духовный пчельник», как называют его верующие.

Дарья Зубарева
Руководитель А. Г. Зомарева

Ручей и Чудище (почти сказка)

Далеко-далеко на юге, где небо сходится с холмами, в одном сказочном лесу из-под высокой скалы вытекал небольшой прозрачный Ручеек. Он весело бежал по шелковой траве, переговариваясь с цветами и насекомыми.

К его берегам приходили разные звери, чтобы отдохнуть на мягкой траве и попить вкусной воды из Ручейка. А вода эта имела силу чудесную: заболевшие звери исцелялись, трусливые становились смелыми, а злые – добрыми, безобразные – красивыми. Далеко пошла слава об этом Ручейке. Потянулись к нему и люди. Кому же не хочется быть смелым и красивым!

Однажды пришли звери к Ручейку, а воды в нем практически нет. Не журчит он весело. Ослаб совсем, обмелел. Трава по берегам уже высохла, пожелтела. Деревья начали задыхаться, воздух стал тяжелым. Заволновались обитатели леса: «Что случилось с нашим Ручейком?»

Мимо пролетала птичка-невеличка, и сообщила она, что вверх по течению, у самого истока, поселилось громадное Чудище. У Чудища этого был только один глаз. От скуки отламывал он от скалы огромные глыбы и бросал их далеко-далеко. А каменная крошка сыпалась прямо в ручей, заваливая его.

Решили звери совет держать. Долго совещались, думали, как помочь Ручейку. И решили они самых смелых отправить к Чудищу одноглазому. Пришли звери к нему и рассказали о беде своей. Внимательно Чудище слушало, лишь головой горестно покачивало. «Беда ваша понятна мне. Постараюсь до завтра что-нибудь придумать», – сказала Чудище.

Прошла ночь. День прошел. Отправились смельчаки опять к Чудищу, но остановились в удивлении. Не подойти им к Чудищу. Оградил он свое логово большим и глубоким рвом, а исток Ручейка очистил от каменной крошки. Не обманул. Нашел выход из положения.

Продолжало Чудище свои забавы, но крошка больше не сыпалась в Ручеек.

И жаждал Ручеек весело по камешкам, запел песенки, трава зазеленела, а деревья благодарно закивали своими вершинами.

Тут и сказке конец.

Дарья Крутикова
Руководитель С. М. Иванова

Муравей

Случилось это давно. Я тогда была в детском саду, в выпускной группе, готовилась пойти в школу. Прощальный праздник уже прошел, и мы с нетерпением отбывали свои последние беспечные деньки.

Как-то раз, выйдя на прогулку, мы увидели, что лавочки на нашей игровой площадке покрашены. Краска была еще совсем свежей. Все сразу же столпились вокруг лавок и принялись их разглядывать, нюхать, тыкать в них травинками и палочками... Как и следовало ожидать, вскоре аккуратная покраска была испорчена. Воспитательница, не уследившая за нашим баловством, вздохнула, покачала головой и отправилась за рабочим, который красил лавочки на соседней площадке.

Когда она ушла, запретив даже близко подходить к предметам нашего живого интереса, мы приуныли. А я больше всего. День был тусклый, пасмурный, тоскливый... И тут мой взгляд упал на муравья, неспешно ползущего по травинке. Мне в голову пришла шальная мысль. Осторожно сорвав травинку с муравьем, я, по-плутовски оглядываясь, прокралась к одной из свежеевыкрашенных лавочек и, ожидая захватывающего зрелища, со всей силы воткнула травинку с муравшом в краску. Муравьишка отчаянно задрогал лапками, открывая ротик в беззвучной мольбе о помощи. Он весь вымазался в ярко-красной краске, похожей на кровь. Все это напоминало мне, несмышленому ребенку, драму из взрослого кино. Муравей задыхался от едкой вони и тонул в краске, которая затягивала его, как тряпина.

А мы с ребятами увлеченно наблюдали за происходящим. Но тут подошла воспитательница. Увидев, как я топлю муравья, она, ахнув, быстро подняла с земли какую-то палочку и, метнувшись к лавке, бережно достала задыхающегося муравьишку из краски. Лавка была окончательно испорчена. Но воспитательница даже не обратила на это внимания. Она осторожно опустила муравья на листок. Тот уже едва-едва дрыгал крошечными лапками и шевелил усиками. Подергавшись еще несколько

секунд, борясь за жизнь, он в конце концов замер. Все подавленно молчали.

Воспитательница печально взглянула на меня и покачала головой. Потом, махнув рукой, бросила:

– Эх, ты! Любитель природы...

А ведь именно это звание мне присвоили на одном из последних праздников как самому заинтересованному в познании природы ребенку. И вот теперь слова воспитательницы словно обожгли меня: сначала бросило в жар, а потом в холод. Я снова посмотрела на муравья, застывшего в луже красной краски. Уши мои вспыхнули, сердце сильно забилося, из глаз брызнули слезы. Стыд, боль, раскаяние разом тугой волной окатили меня. Я бросилась к воспитательнице, не зная, что делать, и прося прощения.

Конечно, она меня простила и даже утешила. Но я до сих пор вспоминаю ее полные укора слова и замученного мною, замершего в красной луже, муравья...

*Даниил Азарёнок
Руководитель С. Е. Тарасенко*

Шуми, шуми, Добрянский лес!

В Пермском крае, на берегах Камского водохранилища, раскинулся маленький городок Добрянка. А вокруг него – многовековой лес.

Добрянский лес – это самое чудесное место на свете. Он хранит много загадок и тайн. Надо только хоть ненадолго заглянуть в него, и он откроет тебе всю свою красоту.

Особенно красив лес осенью. Небо прозрачно-голубое и бездонное. Спокойное солнышко освещает верхушки деревьев. В воздухе кружатся разноцветные листья и с легким шелестом падают на землю. Тонкие листики березок – совсем прозрачные. Резные листья кленов украшают землю. А гордые осинки все еще красуются в нарядных красных платьях. Идешь, шуршишь листьями, подбрасываешь сосновые шишки, а на душе легко и чуть-чуть грустно.

Шустрые белки, не боясь людей, прыгают с ветки на ветку, и рыжие хвостики их, как язычки пламени, мелькают в зеле-

ной хвое. Трудолюбивые муравьи с озабоченным видом спешат куда-то по своим делам. Гулким эхом раздается стук неустомимого работника – дятла. У него, как всегда, много работы. Юркие синички и воробышки играют в «догонялки». Их звонкое чирикание весело и беззаботно.

Заглянешь под елку, а там – красавец белый гриб. Стоит важно, подбоченясь. Он здесь хозяин. Совсем недалеко дружная семья боровых маслят. Веселая стайка лисичек рыжее в траве. Радуют взгляд своей крепостью подберезовики и подосиновики. Запах осени в лесу свежий и бодрый.

Уступами спускается лес к полноводной Каме и легкими очертаниями отражается в ней.

Лес – наше богатство, гордость и душевное спокойствие. И пусть громко звучат слова «Шуми, шуми, Добрянский лес, вечно!»

Пожелтеет первый лист,
Стаи улетят на юг.
Вскоре упадут цветы
И завянет весь наш луг.

Сбросят листья все деревья,
Сбросят ягоды кусты.
Вскоре мы наденем шапки
И пойдем лепить снежки.

Снега будет слишком много,
Не убрать его никак.
Снег все будет набиваться
В переулках и дворах.

Жизнь никак не станет прежней,
Так как мир изменит цвет.
Он весь будет белоснежный,
И ему не почернеть...

Александр Уланов
Руководитель М. С. Ушакова

Тепло родного очага...

Я глядел на мою бабушку, дивился тому, что у нее тоже были тятя и мама, глядел на ее большие, рабочие руки в жилках, на морщинистое, с отголоском прежнего румянца лицо, на глаза ее зеленоватые, темнеющие со дна..., – и такая волна любви к родному и до стоноты близкому человеку накатывала на меня...

В. П. Астафьев

Осень. Жуткая погода. Дует пронизывающий до костей ветер. В лицо летит то ледяной дождь, то сырой снег. Постоянно добирает насморк. Ужас, а не время года. Сапоги вязнут в том, что язык плохо поворачивается назвать дорогой. Гадство. Когда я уже дойду?! Мерзость.

Но вот я уже вижу до боли знакомые очертания. Еще пройти несколько домов. Все. Специальной палочкой я стучу в окошко. За воротами слышны шевеления. Ворота, запираемые изнутри на тонкое березовое полено, открываются. Бабушка.

– Привет.

– Привет, чего-то ты совсем ко мне не ходишь.

– Да все учусь, времени никак нет. А тут вечер посвободней.

Разуваюсь. Захожу в дом.

– Ты чего сапоги на улице оставил? Не месяц май...

Возвращаюсь, покорно хватаю сапоги и несу их в дом. Повсюду до боли знакомый запах деревенской жизни, дыма (опять каленка дымит) и жареников с капустой. Небрежно кидаю куртку на крючок, и – к каленке. Протягиваю к ней окоченевшие руки и ноги. Хорошо. Даже жарко. Великая вещь – каленка. Для полного отопления, конечно, не подойдет, но когда станет холодно и захочется погреться – в самый раз. От нее исходит тот са-а-мый жар, который, согласно народной мудрости, не ломит костей.

– Чай-то пить будешь?

– Конечно, буду, я люблю чай.

На столе появляются чай, варенье, конфеты, печенье.

– Куда ты столько всего достаешь, я же не голодный?

– Чего одну воду пить-то?

Поверьте, нет ничего лучше кружки горячего чая после промозглой улицы.

– Ну как дела-то?

– Да все у меня хорошо.

– Посмотри телефон, он опять разряжаться быстро стал.

– Хорошо, посмотрю.

Беру телефон с громадными кнопками, чтоб легче было набирать номера, быстро устраняю проблему и растягиваюсь на диване рядом с каленкой. Становится жарко. Я наливаю краской. Из телевизора кричит кто-то, отстаивает, сам еще не понял что. Ненавижу эти ток-шоу, а бабушке нравятся «недобоевики», которые крутят по НТВ, или не нравятся... Все равно, кроме НТВ, ничего не показывает.

На стене висят иконы, я понимаю, что они должны стоять на полке, но к Богу здесь совсем иное отношение, здесь помнят, что он (Бог) есть. Здесь совершенно теряет значение канон.

Разговор заходит о прошлом, и бабушка вспоминает, вспоминает о советской власти, вспоминает о войне, вспоминает о том, как работали с утра до ночи. Люблю эти истории. Они настоящие, в них нет ничего фальшивого, наигранного. Так бы и слушал их до самого утра. Эх.

Приползает котенок Пуся – бабушкина радость. До крайности пугливое создание, любое громкое движение приводит его в состояние трепета, он или забивается в угол, или убегает в голбец. Пакостить любит, наглая морда. Хороший кот, красивый.

За окном темнеет, пора идти. Но как же не хочется уходить ...

Вероника Бартынёва
Руководитель Г. Ю. Дударева

Посвящение любимому писателю

Я с именем Астафьева связала
Свой поиск творческий и чтение для души.
Его произведения на уроках изучая,
Тихонько повторяла:
«Прочитай, обдумай, не спеши!»

Его произведения всем доступны и понятны,
Ну, а герои, как родные, нам близки,
Но в размышленьях он дошел до обобщений,
Они философичны, яркие, глубоки.

Когда я прочитала «Затеси» впервые,
Казалось, что сочится кровь меж строк.
Астафьев выступал в них как советчик,
Как добрый друг, а то порой – пророк.

В них подняты проблемы все земные
О счастье, о несчастье, о добре,
О музыке, о Боге, о природе,
О красоте, что видим на заре..

Закрыла книгу, всплыло вдруг виденье:
Идет Васютка тропкой за рекой.
И белые смолистые затесы
Уводят, увлекают за собой..

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АГАФОННИКОВ Александр, ГБОУ СПО «Уральский химико-технологический колледж», г. Губаха.

АЗАРЁНОК Даниил, МБОУ «Печменская СОШ», Пермский край, Бардымский район, с. Печмень.

БАРТЫНЁВА Вероника, МБДОУ «Гимназия», Республика Хакасия, г. Абакан.

БОЛГОВА Карина, МОУ «Платошинская СОШ», Пермский край, с. Платошино.

БЕЛЯЕВА Ольга, МОУ «Лобановская СОШ», Пермский край, с. Лобаново.

БУЛАНОВА Анна, МБОУ «ОУ гимназия № 10», г. Красноярск.

БУРЛЕВА Анастасия, МБОУ «Печменская СОШ», Пермский край, Бардымский район, с. Печмень.

ВЕРБИЦКАЯ Наталья, МАОУ «СОШ № 80», г. Пермь.

ВОРОНИН Лев, МБОУ «Судинская СОШ», Пермский край, Уинский район, с. Суда.

ГОЛОВКОВА Светлана, МБОУ «Печменская СОШ», Пермский край, Бардымский район, с. Печмень.

ДЬЯЧЕНКО Ольга, МАОУ «СОШ № 15», Пермский край, г. Соликамск.

ЗОРИНА Ксения, МБОУ «Черновская СОШ имени А. С. Пушкина», Пермский край, Большесосновский район, с. Черновское.

ЗУБАРЕВА Дарья, МБОУ «Судинская СОШ», Пермский край, Уинский район, с. Суда.

ИСАЕВ Павел, филиал ФГБОУ ВПО «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева», г. Ачинск.

КАНАЕВА Кристина, МБОУ «ОУ гимназия № 10», г. Красноярск.

КОНЯЕВА Дарья, МБОУ «Дмитриевская СОШ», Пермский край, Ильинский район, с. Дмитриевское.

КОНЯЕВА Эльвира, МБОУ «Дмитриевская СОШ», Пермский край, Ильинский район, с. Дмитриевское.

КРУТИКОВА Дарья, МОУ «Гимназия № 4 имени братьев Каменских», г. Пермь.

ЛИНКОВА Мария, МОУ «Лобановская СОШ», Пермский край, Пермский район, с. Лобаново.

ЛУСЕВИЧ Анастасия, МБОУ «СОШ», Пермский край, Горнозаводский район, п. Теплая Гора.

МАЛЬЦЕВА Наталья, МБОУ «Троельжанская СОШ», Пермский край, Кунгурский район, с. Троельга.

МЕРКУШЕВА Дарья, МБОУ «Добрянская СОШ № 3», г. Добрянка.

МУСТАЕВА Алина, МБОУ «Печменская СОШ», Пермский край, Бардымский район, с. Печмень.

ПЕРЕВОЗЧИКОВА Галина, МОУ «Платошинская СОШ», Пермский край, Пермский район, с. Платошино.

ПРЯЖЕНИКОВА Анна, МБОУ «СОШ № 21», г. Красноярск.

ПРОЗОРОВА Лилиана, МАОУ «СОШ № 1», Пермский край, г. Соликамск.

ПЫЛЬНОВА Мария, МБОУ «СОШ № 21», г. Красноярск.

ПЯЕВА Яна, МАОУ «СОШ № 80», г. Пермь.

РЕМНЁВА Варвара, МБОУ «Добрянская СОШ № 3», Пермский край, г. Добрянка.

РУСАКОВА Елена, МОУ «Гимназия № 4 имени братьев Каменских», г. Пермь.

СЕЛИНА Александра, МБОУ «Архангельская СОШ», Пермский край, Юсьвинский район, с. Архангельское.

СТЕПАНОВА Анна, МБОУ «Общеобразовательное учреждение гимназия № 11 имени А. Н. Кулакова», г. Красноярск.

ТИТЛЯНОВА Екатерина, МБОУ «СОШ», Пермский край, Горнозаводский район, п. Теплая Гора.

ТИТОВ Максим, МБОУ «Агинская СОШ № 2», Красноярский край, Саянский район, с. Агинское.

УЛАНОВ Александр, МБОУ «Печменская СОШ», Пермский край, Бардымский район, с. Печмень.

УСТИНОВ Дмитрий, «Лысьвенский профессиональный лицей», Пермский край, г. Лысьва.

ХРОБОСТОВ Юрий, МБОУ «Судинская СОШ», Пермский край, Уинский район, с. Суда.

ХУЗИН Адис, МБОУ «Судинская СОШ», Пермский край, Уинский район, с. Суда.

ЧЕСНОКОВА Екатерина, МБОУ «СОШ № 1», Пермский край, г. Горнозаводск.

ЧЕМОДАНОВА Анна, КГАОУ СПО «ДГТТ имени П. И. Сюзева», Пермский край, г. Добрянка.

ЩУКИНА Надежда, ПИЖТ УрГУПС, г. Пермь.

Содержание

ЧИТАЯ ВИКТОРА АСТАФЬЕВА...

<i>Лилиана Прозорова. Правила жизни</i> (по рассказу «Ясным ли днем»)	4
<i>Анна Степанова. Автобиографичность повести</i> «Последний поклон»	12
<i>Галина Перевозчикова. Не погаси свет добра в их душах</i> (по рассказу «Пролетный гусь»)	16
<i>Анна Буланова. Варианты реализации образа русского солдата в малой прозе (А. Н. Толстой «Рассказы Ивана Сударева» «Русский характер», В. П. Астафьев «Сибиряк», М. А. Шолохов «Судьба человека»)</i>	20
<i>Алина Мустаева. Жизнь – вечная борьба</i>	26
<i>Ксения Зорина. Не окаменеть душой</i>	28
<i>Екатерина Чеснокова. Сопричастный всему живому</i>	30
<i>Дарья Меркушева. Жить по законам природы</i>	33
<i>Елена Русакова. «Вспоминая о весеннем острове, я думаю о нас, людях...»</i>	36
<i>Анастасия Бурлева. «Бабушка простила бы меня...»</i>	40
<i>Анастасия Лусевич. «Жажда жизни рождает стойкость...»</i>	43
<i>Наталья Мальцева. «Кто задул лампаду нашего сознания?»</i>	47
<i>Мария Линкова. Спешите делать добро</i>	51
<i>Эльвира Коняева. Мера оценки поступков – человеческая душа</i>	53
<i>Дмитрий Устинов. Понять – простить</i>	55
<i>Наталья Вербицкая. Счастье – не награда за добродетель</i>	60
<i>Ольга Беляева. Здравствуйте, Виктор Петрович!</i>	61

<i>Павел Исаев. Идеал человечности и подлинной гражданственности</i>	63
<i>Яна Пяева. «Почему ты лежишь один посреди России?»</i>	69
<i>Анна Чемоданова. «Как долго я искала тебя...»</i>	70
<i>Кристина Канаева. Диалектные слова в малой прозе В. Астафьева</i>	72
<i>Надежда Шукина. Спасая заблудшую душу...</i>	82
<i>Дарья Коняева. «Ты камнем упала, я умер под ним»</i>	84
<i>Карина Болгова. Открывая новое в себе...</i>	88
<i>Екатерина Титлянова. Живое в мертвом, мертвое в живом</i>	91
<i>Максим Титов. Всегда оставаться человеком</i>	95
<i>Анна Буланова. Образ воина-солдата в рассказах В. П. Астафьева</i>	96
<i>Александра Селина. Свет керосиновой лампы как символ правды</i>	105

«ЧТОБЫ БОЛЬ КАЖДОГО...»

<i>Мария Пыльнова. Мои любимые</i>	110
<i>Александр Агафонников. Губаха – Красноярск: незримые нити</i>	111
<i>Светлана Головкова. Светлый человек</i>	114
<i>Лев Воронин. Детство, опаленное войной...</i>	120
<i>Ольга Дьяченко. Боль за все живое на земле</i>	124
<i>Анна Пряженикова. О самом дорогом...</i>	128
<i>Адис Хузин. Сердцу милый уголок...</i>	129
<i>Варвара Ремнева. Осенний лес</i>	131
<i>Юрий Хробостов. Чудеса Белой горы</i>	131

<i>Дарья Зубарева. Ручей и Чудище (почти сказка)</i>	134
<i>Дарья Крутикова. Муравей</i>	135
<i>Даниил Азарёнок. Шуми, шуми, Добрянский лес!</i>	136
<i>Александр Уланов. Тепло родного очага...</i>	138
<i>Вероника Бартынёва. Посвящение любимому писателю</i>	139
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	141

Научно-популярное издание

Астафьевские
(детско-юношеские)
чтения

22 – 29 ноября 2013 г.

Тема: «МНОГО ЛЬ ЧЕЛОВЕКУ НАДО:
ГРАЖДАНСКИЕ ЦЕННОСТИ
В ПРОЗЕ ВИКТОРА АСТАФЬЕВА»

Куратор проекта

В. Шмыров

Литературный редактор

И. Максарова

Компьютерная верстка

Г. Вобликова

Подписано в печать 19.03.14 Формат 84х108 ¹/₃₂
Усл. печ. л. 4,75. Тираж 300 экз. Заказ № 400

Отпечатано с готовых файлов

в СПУ «МиГ»

г. Пермь, ул. Попова, 9

A91 Астафьевские (детско-юношеские) чтения.
XI-е Всероссийские Астафьевские чтения (22 – 29 ноября
2013 г.) – Пермь: Издатель «И. Максарова», 2014, – 150 с.;
вкл.

УДК 821.0
ББК 83.3(2Рос-Рус) 6-8

Мемориальный музей-центр политических репрессий «Пермь-36» совместно с Государственной краевой универсальной библиотекой имени А. М. Горького и Центральной городской библиотекой имени А. С. Пушкина провели XI-е Всероссийские Астафьевские чтения. Тема нынешних чтений – «Много ль человеку надо: гражданские ценности в прозе Виктора Астафьева».